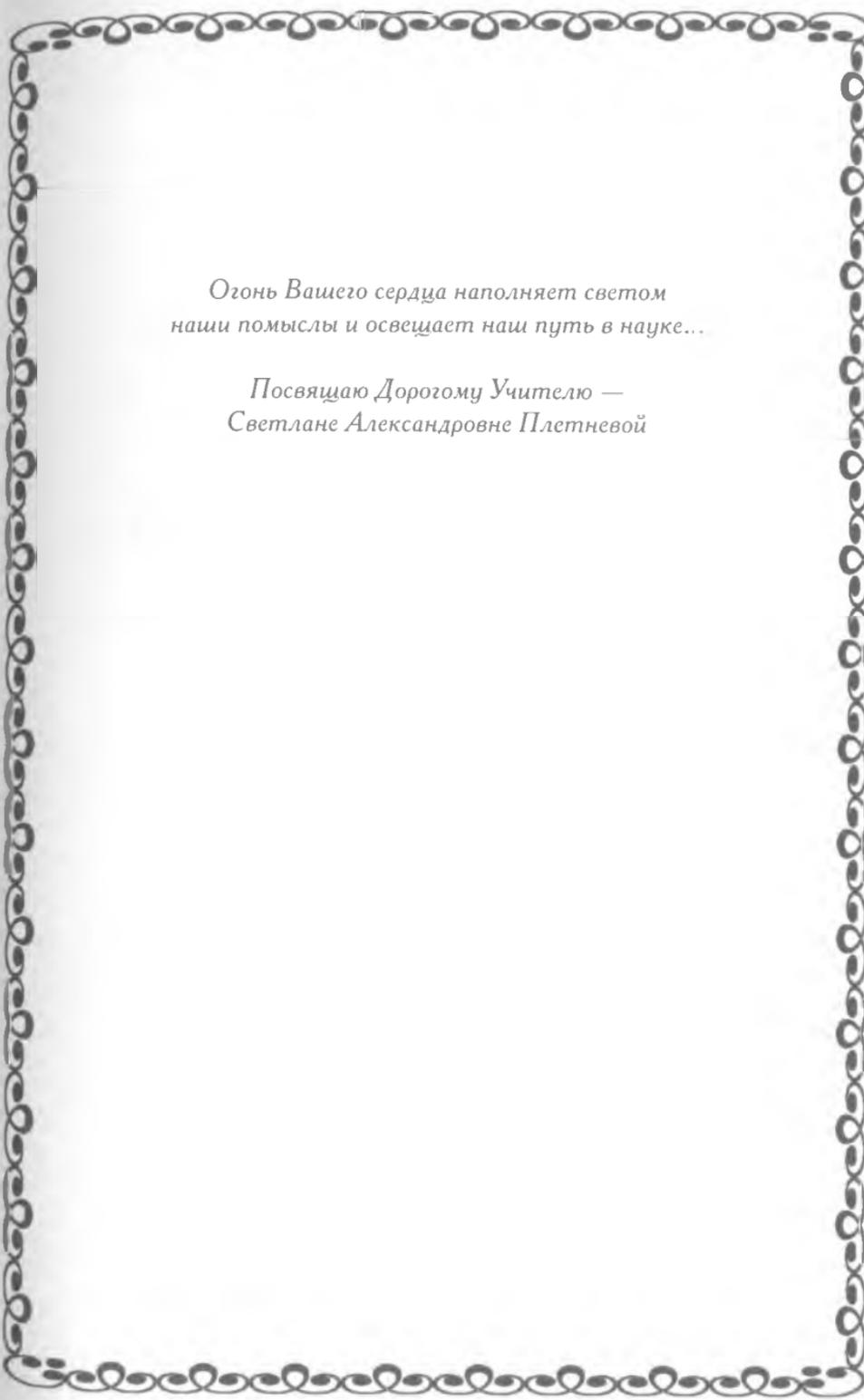

У. Ю. Кочкаров

**Вооружение воинов
Северо-Западного Предкавказья
VIII-XIV вв.
(оружие ближнего боя)**

*Огонь Вашего сердца наполняет светом
наши помыслы и освещает наш путь в науке...*

*Посвящаю Дорогому Учителю —
Светлане Александровне Плетневой*

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

U.Y. Kochkarov

The arm of the North-West
Ciscaucasia warriors
in VIII–XIV
(close-in fighting weapons)

Moscow
TAUS
2008

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

У.Ю. Кочкаров

Вооружение воинов
Северо-Западного Предкавказья
VIII—XIV вв.
(оружие ближнего боя)

Москва
ИАУС
2008

УДК 355.014.1(479)“12/13”
ББК 68.801Г(284)
К75

Автор выражает глубокую
признательность Президенту
фонда «Эльбрусоид»
А.Х. Тоторкулову
за помощь в подготовке
настоящей книги к публикации

Ответственный редактор
С.А. Плетнева

Рецензенты:
д. и. н. *И.Л. Кызласов*
д. и. н. *Т.И. Макарова*

Утверждено к печати
Ученым советом
Института археологии РАН

Кочкаров, Умар Юсуфович

Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя) / У. Ю. Кочкаров. – М. : ТАУС, 2008. – 176 с. : ил. – ISBN 978-5-903011-26-1

В книге У.Ю. Кочкарова рассмотрено оружие ближнего боя населения Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. Проведена типология отдельных категорий вещей. Книга представляет интерес для археологов, историков и всех, кто интересуется историей.

The book by U.Y. Kachkarov is dealing with offensive close-in fighting weapons of the North-West Ciscaucasia peoples in the VIII–XIV. The author advances a typology of some artifacts. The book is of an interest for archaeologists, historians and all people loving history.

© Институт археологии РАН, 2008
© Кочкаров У.Ю., 2008
© ООО «Таус», 2008

ISBN 978-5-903011-26-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

7

Глава I

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВООРУЖЕНИЯ ВСАДНИКОВ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ. ИСТОЧНИКИ

10

Глава II

САБЛИ

22

Глава III

НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ

43

Глава IV

ТОПОРЫ

63

Глава V

КИНЖАЛЫ

75

Глава VI

КИСТЕНИ

80

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

83

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

92

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

105

**ПРИЛОЖЕНИЯ,
РИСУНКИ, ТАБЛИЦЫ**

107

ВВЕДЕНИЕ

Военное дело является одной из важнейших частей социально-политического развития различных племен и государственных образований. Оно играло важнейшую роль в истории кочевых народов степного пояса Евразии. На становление военного дела и развитие оружия оказывали влияние в большей или меньшей степени все стороны жизни древнего общества: уровень развития производительных сил, социальная структура, характер внешних и внутренних связей, развитие духовной культуры.

Изучение вооружения дает много сведений для исследования уровня производства оружия той эпохи, связей, направления торговли, а также позволяет познакомиться с социальной расслоенностью народов, населявших исследуемую территорию. Именно при изготовлении оружия и военного снаряжения в первую очередь использовались новейшие технические достижения, влиявшие на развитие военного дела в целом.

По мере возрастания военной опасности со стороны кочевников их вооружение, военное искусство и общественная жизнь становились объектом изучения многих земледельческих средневековых государств. Развитие оружия у народов, граничивших с кочевой степью, находилось в тесном взаимодействии и во многом определялось характером военного противостояния им. Таким образом, оружие не замыкалось в узких этнических границах, что способствовало распространению одних и тех же типов оружия на огромных пространствах Евразийских степей. Это обстоятельство позволяет использовать оружие как один из источников для разработки хронологии археологических культур.

В силу того, что о военном деле и военной организации народов, населявших рассматриваемую территорию в этот период, практически нет письменных сведений, основной источниковой базой настоящей работы послужили данные археологии, накопленные в течение последних 100 лет в процессе

исследования археологических памятников, в первую очередь, памятников погребальных.

До настоящего времени такой важной сфере деятельности, как военное дело населения данного региона, исследователями не уделялось достаточного внимания, и как следствие этого — практически отсутствовали специальные разработки по военному делу рассматриваемого в работе времени.

Предметы вооружения, в основном, затрагивались в публикациях, издаваемых по материалам раскапываемых могильников. Исключение составляет лишь диссертационная работа В.Н. Каминского, посвященная изучению вооружения племен аланской культуры, границы ареала которой лежат непосредственно рядом с исследуемой территорией, иногда и заходя в нее, что естественно для этого периода истории. Данное исследование тесным образом связано с работой В.Н. Каминского, являясь дальнейшим шагом в изучении военной истории и военного дела северокавказских народов.

В настоящей работе, которую можно считать первой в археологической науке для того района, рассматривается часть наступательного оружия ближнего (рукопашного) боя народов, населявших Северо-Западное Предкавказье в VIII–XIV вв. При исследовании я опирался на данные о 152-х саблях, 46-ти боевых топорах, 80-ти наконечниках копий, 10-ти кинжалах и 6-ти кистенях.

Обработка предметов начинается с краткого вступления, затем проведена попытка рассмотрения происхождения (где это было возможно) и типов исследуемой категории оружия, а потом выводы о географическом распространении отдельных типов оружия.

Главной целью настоящей работы является воссоздание детальной картины воинского снаряжения ближнего боя исследуемого региона на основе имеющихся археологических источников.

При этом были поставлены следующие задачи: осуществить классификацию предметов вооружения, выявить генезис и трансформацию различных видов оружия как в отдельности, так и всего комплекса оружия (ближнего боя) в целом, попытаться выявить оружие, характерное для могильников с одинаковым погребальным обрядом, и, наконец, попытаться реконструировать развитие военного дела, в частности структуру войска населения, оставившего эти памятники.

Настоящее исследование является частью задуманной более крупной темы о всем комплексе вооружения войска в Северо-Западном Предкавказье.

В ходе исследования были уточнены и сужены датировки ряда предметов.

Хронологические рамки работы определены временем существования салтово-маяцкой (хазарской) культуры, а впоследствии — появлением половцев в Прикубанских степях и их дальнейшей ассимиляцией в золотоордынской среде в XIII–XIV вв.

В заключение следует отметить, что некоторые предметы еще не опубликованы и остались недоступны автору. Рисунки их сделаны схематично, что в целом не исключает возможности систематизации материала и не меняет общей картины его классификации.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВООРУЖЕНИЯ ВСАДНИКОВ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ. ИСТОЧНИКИ

Вооружение привлекало и продолжает привлекать внимание археологов, занимающихся различными эпохами истории народов, населявших в древности территорию нашего государства. Исследованию оружия посвящены труды многих зарубежных и отечественных специалистов. И это естественно. Без изучения оружия нельзя точно представить себе военное дело, следовательно, и социальное положение народов на разных этапах их развития.

Весьма показательно, что во многих археологических обобщающих или публикационных работах помещены более или менее подробные разделы об оружии или хотя бы краткие упоминания о нем. Во все эпохи существования человечества оружию придавалась, очевидно, преобладающая роль.

Тем не менее, несмотря на скапливающиеся в музеях в результате раскопок коллекции средневекового оружия, до сих пор нет большого обобщающего труда, посвященного вооружению степных всадников средневековья. По-видимому, это объясняется разрозненностью громадных скоплений материалов в музеях, нередко недоступных для исследования. Другой причиной являются недостаточно квалифицированные публикации предметов вооружения, обнаруженных в раскопанных или случайно открытых воинских захоронениях.

Для того, чтобы разобраться во всей разнообразной массе опубликованных работ, попытаемся разделить их на несколько групп по охвату материала, степени подробности публикации, исследованию приемов обработки и изготовления предметов вооружения, а также по уникальности некоторых предметов.

К *первой группе* относятся монографии, посвященные определенной эпохе, в которых, естественно, весьма значительное место занимает характеристика основного «орудия труда» — полный комплекс оружия, вопросы его хронологии, типологии, этнической принадлежности.

Впервые археологический материал был привлечен в качестве исторического источника С.А. Плетневой (Плетнева, 1958). Весь собранный ею довольно обширный материал — до 500 погребальных комплексов — относится рядом полевых исследований (Бранденбург, 1895; Городцов, 1905; и др.) к эпохе так называемых «поздних кочевников», т.е. к XI–XIII вв. Она разделила кочевнические древности простейшим методом аналогий на несколько хронологических блоков. Сопоставив их с различными типами погребальной обрядности, ей удалось наметить характерные особенности обрядов в разные периоды эпохи поздних кочевников, а следовательно, зная по письменным источникам о частой смене кочевых народов в восточноевропейских степях, удалось связать выявленные типы с определенными народами: печенегами, гузами, половцами. Эту тему С.А. Плетнева развивала в ряде последующих статей и монографий, где постоянно вставал вопрос о конструкции и функциональном назначении разных видов и типов оружия.

Представляют интерес и разделы об оружии в книгах С.А. Плетневой о более раннем — «хазарском периоде» восточноевропейских степняков, где опубликованы комплексы оружия нескольких памятников, датированных IX в. (Плетнева, 1967; и др.)

К проблеме хронологии материалов позднейших кочевников, в том числе и оружия, на значительно более обширном материале и на новом методическом уровне обратился затем Г.А. Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов, 1966).

Датировки, установленные им, мало отличаются от дат, представленных в ранней работе С.А. Плетневой, но они, безусловно, более обоснованы. Для многих вещей автор создал эволюционные шкалы, что дало возможность проследить развитие основных необходимых всаднику предметов и подкрепить созданную автором хронологию.

Г.А. Федоров-Давыдов более, чем С.А. Плетнева, осторожен в этнических определениях выявленных кочевнических группировок, предлагая разделить кочевнические древности на два периода — «печенежский» и «половецкий», поскольку смешение обрядов у степняков той эпохи было очень значительно. С этим, несомненно, можно согласиться, только, вероятно, следует отметить, что среди массы смешанных захоронений попадаются погребения, строго соответствовавшие опреде-

ленному обряду, который вполне допустимо относить не только к одному времени, но и к конкретному этносу.

Ко второй группе относятся работы, обобщающие материал, охватывающий значительную группу вооружения (стрелы, луки, колчаны, топоры, копья, сабли и пр.). В конце XIX — начале XX в. это направление получило особенно активное развитие. Начало ему положил Д.Н. Анучин, собравший большое количество материала о стрелах, начиная с каменного века и до современности со всех концов земли и проведя его сравнительную характеристику. Такого же типа работы были опубликованы братьями Б.И. Ханенко (Ханенко, 1899–1900), В.И. Веселовским (Веселовский, 1911) и др.

В 1950 г. вышла из печати замечательная статья Г.Ф. Корзухиной (Корзухина, 1950), посвященная средневековым саблям: их возникновению, развитию, а значит, и вопросам хронологии.

Одним из основных результатов ее исследования является то, что, вопреки установившемуся к тому времени в археологической науке мнению о производстве на Руси только копий, боевых топоров, ножей и стрел, автор убедительно доказала, что в XI в. местные кузнецы освоили новый вид оружия, которое было тяжелее сабли, но легче меча. Оно годилось как для конного, так и для пешего боя. «Это был своеобразный гибрид: сабля-меч, сложившийся в связи с постоянной борьбой со степью и с обороной границ от кочевников» (Корзухина, 1950). Все раннесредневековые сабли Восточной Европы были разделены автором на две хронологические группы VII–IX вв. и X–XI вв.

Серьезную работу по истории оружия, в частности восточноевропейских этносов раннего средневековья, вслед за Г.Ф. Корзухиной провел Н.Я. Мерперт (Мерперт, 1955); автор в ответ на высказывания некоторых ученых доказывает, что средневековая сабля не принадлежала и не могла принадлежать какому-то одному народу (Мерперт, 1955. С. 166). Обследовав большое количество клинкового оружия, он (по материалам Борисовского, Галиатского и др. могильников) пришел к выводу о происхождении сабли из легких кавалерийских мечей сармато-аланского населения Восточной Европы.

Все сабли хазарского времени исследователь объединяет в единую группу слабоизогнутых короткоконечных клинков. Перекрестия салтовских сабель делятся им на два варианта:

1) прямые перекрестия с сужающимися концами; 2) прямые перекрестия с концами, расширяющимися в виде ромба или овала.

Особого внимания заслуживает его мысль о существовании прямого однолезвийного меча, который принято считать исходной точкой в эволюции сабли вплоть до XIII–XIV вв. У таких мечей, как подчеркивает автор, прослеживается небольшой характерный наклон рукояти в сторону лезвия.

Выдающейся работой, посвященной исключительно ручному метательному оружию – луку, стрелам и самострелу, является, безусловно, монография А.Ф. Медведева (Медведев, 1966). Классификацией стрел, предложенной в книге, археологи пользуются уже почти столетия. Несомненно, дополнения и типологические уточнения в новых исследованиях по этой категории оружия необходимы, и они вносятся в классификацию, разработанную А.Ф. Медведевым, но, в целом, она остается основой позднейших исследований. Работа важна тем, что она охватила весь известный в годы ее создания средневековый материал всей Восточной Европы (6000 наконечников стрел), и это дает возможность найти аналогию почти любой обнаруженной в погребальном комплексе стрелы. Правда, нередко уточняется датировка типа – новые открытия и исследования неизбежно приводят к частичному пересмотру хронологии А.Ф. Медведева, иногда очень широкой – IX–XIV вв. и постоянно – X–XIII вв.

К этой же группе исследований-обобщений принадлежат и чегыре тома САИ (Кирпичников, 1966, I–II; 1971), посвященные древнерусскому оружию разных категорий: от мечей и сабель до топоров, кистеней, а также всех дошедших до нашего времени предметов защитного комплекса: шлемов, кольчуг, щитов и их фрагментов. Из своего исследования А.Н. Кирпичников исключил только ручное метательное оружие, поскольку книга А.Ф. Медведева, изданная в той же серии САИ, представляет собой, по существу, вполне самостоятельное дополнение к фундаментальному труду А.Н. Кирпичникова.

Весьма солидный материал, собранный и обработанный автором, большое количество приложенных к тексту каждого тома прекрасно выполненных таблиц, значительное количество квалифицированно использованных сведений письменных источников, подчас использовавшихся даже для уточнения датировки археологического материала, делают монографии

А.Н. Кирпичникова пока непревзойденным источником для медиевистов-оружиеведов.

В отличие от А.Ф. Медведева, собравшего, по возможности, весь восточноевропейский материал по избранной для исследования теме, А.Н. Кирпичников в основной массе пользуется находками из древнерусских памятников. И этого вполне достаточно. Не стоило бы автору привлекать материалы из курганных комплексов соседних кочевых народов, металлообработка которых, судя, в частности по выкованным железным маскам, стояла на очень высоком уровне. А.Н. Кирпичников берет из кочевнических курганов XI–XII вв. соответствующие теме предметы, допуская, что, возможно, ими пользовались кочевники, но ковались эти вещи на Руси. Тезис этот не доказан и, очевидно, необходимо будет археологам не раз возвратиться к решению правильности этого вывода путем изучения структуры металла тех конкретных предметов, поскольку, согласно А.Н. Кирпичникову, они сделаны руками русских, а не степных кузнецов.

К этой группе публикаций следует, очевидно, отнести и работы, посвященные отдельным воинским предметам, особенно выдающимся по художественному оформлению, оригинальной и богатой орнаментации или же техническим особенностям строения. В частности, к таким предметам относится знаменитая «сабля Карла Великого», которая, по справедливому заключению Г.Ф. Корзухиной, на самом деле принадлежала одному из степных военачальников.

Большим вниманием археологов пользовались боевые топоры, богато украшенные сложным узором, исполненным инкрустацией, чернью, позолотой (Сизов, 1897; Городцов, 1913; Рыбаков, 1948. С. 228–236; и др.).

В воинский убор в I – начале II тысячелетия входили воинские пояса, декорированные металлическими накладками (Ковалевская, 1963). В массе эта металлическая гарнитура изготовлялась из бронзы, иногда золотилась или серебрилась, но попадались среди таких наборов серебряные с позолотой и просто золотые. Все они покрывались богатым и сложным узором, чем дороже металл, тем сложнее и разнообразнее был орнамент. Нередко наиболее выдающиеся пояса публиковались в отдельных работах (Плетнева, Макарова, 1983. С. 62–77; Плетнева, Бокий, 1988. С. 99–115).

Сбруйным наборам А.Н. Кирпичников посвятил пятый том своего исследования (Кирпичников, 1973), к которому в после-

дующих главах мы уже не будем возвращаться, т.к. снаряжение коня у кочевых и полукочевых народов не является предметом данной работы.

Наконец, значительный интерес представляют работы, включенные в *третью группу*, которые посвящены техническим особенностям публикуемого предмета, выделявшего его от остальных вещей этой категории.

В частности, следует упомянуть статью А.М. Савина и А.И. Семенова о тяжелых гуннских луках (Савин, Семенов, 1998. С. 290–295), статью Е.В. Круглова о хазарских луках (Круглов, 2004. С. 253–258), а также монографическую статью Н.В. Пятышевой о железной маске из Херсонеса (Пятышева, 1964).

Все эти сравнительно небольшие работы дают нам факты, свидетельствующие об очень высоком мастерстве кочевнических ремесленников: кузнецов-оружейников, златокузнецов и литейщиков, нередко создателей новых или заметно усовершенствованных предметов ближнего и дальнего боя.

В *четвертую группу* включены публикации кочевнических погребальных комплексов воинов, похороненных с набором необходимого оружия.

Таких публикаций накопилось за прошедшие 100 с лишним лет множество. Раскопки кочевнических курганов средневековья были начаты еще в последнюю четверть XIX в. и активно продолжаются в наши дни. Раскопки их начали крупнейшие русские археологи в конце XIX – начале XX в. Это В.А. Городцов, Н.Е. Бранденбург, Д.И. Эварницкий, В.В. Саханев и др. (Городцов, 1905 и др. работы; Бранденбург, 1855 и др. работы; Эварницкий, 1901; Он же, 1907; Саханев, 1914; и др.)

После событий 1917 г. полевые археологические работы приостановились примерно на 20 лет. Только какое-то время, пока у власти держался А.С. Рыков, его брат П.С. Рыков создал и возглавил в Саратове группу молодых ученых и опытных краеведов и провел там очень большие и существенные для истории нашей родины раскопки (в основном курганов). Однако постепенно эта сильная профессиональная группа развалилась из-за постоянных арестов наиболее ярких ее представителей, а в 1937 г. был арестован и расстрелян и сам П.С. Рыков. Из всей группы спасся от ареста один И.В. Сеницын, который по мере сил вплоть до войны и после нее до 70-х годов продолжал раскопки и расширял территорию исследований (Гарустович, Ракушкин, Яминов, 1998).

После войны из уцелевших фронтовиков и более молодых археологов сложились в разных регионах нашей страны новые группы исследователей-полевиков, с начала широких новостроечных работ в неприменную обязанность которых в основном входило исследование курганов разного времени. Поток сведений о кочевнической обрядности, культуре, и в частности находок разнообразного оружия, увеличился в десятки раз.

К сожалению, публикуют их очень редко, сведения ограничиваются чаще всего публикацией в АО, тем не менее наплыв информационного материала очень ощутим. К краткой его характеристике мы будем неоднократно возвращаться в последующих главах этой работы.

В *пятую группу* мы включаем немногочисленную пока серию работ о технологии предметов вооружения, которыми пользовались степняки. О необходимости этой работы говорили еще Б.А. Рыбаков (Рыбаков, 1948. С. 228–236), немного позднее — Б.А. Колчин, монография которого посвящена древнерусскому железообрабатывающему делу (Колчин, 1953 (1, 2)). В настоящее время увлечение технологией повсеместно, практически ни одна большая работа не пропускает возможности более или менее затронуть ее, хотя бы в приложении.

Исследованию собственно кочевнического металла, особенно оружию, уделяется мало внимания. Пока мы можем сказать только о работах М.М. Толмачевой, написавшей, помимо диссертации (Толмачева, 1990), несколько хороших добросовестных работ о составе изделий «степного железа» хазарского времени, но предметов вооружения в обработанных ею коллекциях (для общих археологических выводов) явно недостаточно.

К *шестой группе* мы относим написанные в конце XX в. работы (диссертации, монографии, крупные статьи), по общему направлению и плану близкие к работам русских оружейников (Медведева и Кирпичникова).

Средневековое кочевническое оружие родственных или близких к степи воинственных народов рассматривается авторами как часть государственной или этнической культуры.

Таковы, прежде всего, работы сибирского ученого Ю.С. Худякова, опубликовавшего первую большую работу о вооружении енисейских кыргызов еще в 1980 г. (Худяков, 1980).

Военному делу народов Центральной Азии и Сибири посвящено и большинство работ Ю.С. Худякова (Худяков, 1991). На

протяжении многих лет ученый целенаправленно исследует вооружение этого региона. В своих работах Ю.С. Худяков детально рассматривает все виды вооружения, встречающиеся в могильниках со II в. до н.э. до XIV–XVII вв. Им созданы типологии наконечников сабель, наконечников стрел, копий, всего защитного вооружения. Реконструированы формы луков, колчанов, а также проведена их классификация. Большое внимание он уделяет проблемам их датировки.

Средневековому вооружению племен аскизской культуры Южной Сибири посвящена одна из глав книги И.Л. Кызласова (Кызласов, 1983).

В работе рассмотрены мечи IX–X вв., сабли, кинжалы, боевые ножи, наконечники копий, остатки колчанов и луков, но более всего автор уделил внимание наконечникам стрел как наиболее многочисленному материалу.

Находки сабель в аскизских древностях очень редки, причиной тому автор видит тот факт, что в могилу редко помещали сам клинок, вместо него клали пустые ножны, остатки которых в курганах не редкость (Кызласов, 1983). В целом, можно сказать, что древнехакасские сабли относятся к типу слабоизогнутых и относительно коротких клинков (65–85 см).

Военной истории дальневосточных племен посвящена монография Е.И. Деревянко (Деревянко, 1987). В работе широко рассмотрены и использованы археологические, этнографические, письменные и изобразительные источники. Благодаря их комплексному анализу, получена подробная типологическая и хронологическая характеристика отдельных категорий дальневосточного оружия, прослежена эволюция наступательного и оборонительного оружия с раннего железного века вплоть до XIII в., конца существования империи чжурчженей. Приведен широкий круг аналогий из японского, китайского, корейского материалов. Все категории оружия классифицированы и разделены на типы, а некоторые и на подтипы. Работа представляет собой ценный археологический источник по изучению истории племен Дальнего Востока.

Наступательному вооружению ближнего боя венгров IX–XI вв. посвящено исследование венгерского специалиста Ласло Ковача (Ковач, 1980). Его работа является первым исследованием такого рода в венгерской археологической литературе. По венгерским саблям еще не было сделано ни одной такой сводки.

В работе дана обширная историография по вооружению средневековых народов, населявших территорию от Венгрии до Сибири и Алтая. Рассмотрены вопросы происхождения и развития сабли, лингвистические корни термина в венгерском языке.

Автор отмечает, что сабли у древних венгров появляются под влиянием хазарской (салтово-маяцкой) культуры и впоследствии широко распространяются среди венгерских воинов.

Вооружением поволжских племен Среднего Поволжья, в частности мордвы, сейчас занимается С.В. Святкин (Святкин, 2001).

В работе автор рассмотрел весь комплекс вооружения VIII–XIII вв., встречающийся в мордовских памятниках этого периода: более 100 наконечников стрел, большое количество копий, боевых топоров (почти в каждом погребении) и всего шесть сабель, широко датируемых им XI–XIV вв. Кольчуги, как и всюду, редкая находка, в погребениях обнаружено всего три. Автор объясняет это дороговизной данного защитного доспеха и отмечает, что в могильниках попадались умбовидные пластины, очевидно, остатки щитов. Судя по круглой форме этих пластин, контуры мордовского щита были круглыми или овальными. Погребения с щитами автор датирует домонгольским временем XI–XIII вв.

Обработанный материал позволил С.В. Святкину сделать вполне доказанное (обоснованное) заключение о существовании у древней мордвы сложного по своей структуре войска, включавшего в свои ряды конные и пешие отряды копьеносцев и лучников.

Не меньшего внимания заслуживает монография И.Л. Измайлова, посвященная вооружению и военному делу волжских болгар X–XIII вв. (Измайлов, 1997). В работе обработано около 1900 предметов вооружения и снаряжения этого времени. Детально изучены сабли, мечи, наконечники копий, кинжалы, боевые топоры, булавы, кистени, а также детали защитного вооружения с четко выявленной в нем тенденцией к утяжелению доспеха.

Все эти категории классифицированы, следуя в основном типологии А.Н. Кирпичникова и Г.А. Федорова-Давыдова, но при этом И.Л. Измайлов выявляет и вносит некоторые важные детали почти в каждую категорию оружия. В частности,

он убедительно прослеживает эволюцию перекрестий сабель, уточняя, таким образом, датировку этого вида оружия. Не менее убедительна предложенная автором эволюция наконечников копий, благодаря которой удалось создать относительную датировку их на протяжении 500 лет (от VIII до XIII в.). Как и в Мордовии, воины Волжской Булгарии широко пользовались в боях топорами-чеканами и более тяжелыми походно-боевыми топорами. Автор высказывает интересное и важное наблюдение, а именно — из-за утяжеления доспеха чеканы в битвах постепенно стали заменяться более тяжелыми булавами. Приведенные примеры дают читателю, как нам кажется, представление о тщательности и добросовестности автора в работе над всем охваченным исследованием материалом.

Его вывод о великолепном вооружении болгарских полков подтверждается историческим фактом о двукратном отражении непобедимых монгольских войск от границ Волжской Булгарии. Только собрав немалые силы, монголам удалось справиться с этим небольшим воинственным и умеющим воевать государством (Измайлов, 1997).

В материалах Змеинского и Калмакского могильников, которые являются опорными для воссоздания культурно-исторической ситуации в Среднем Причулымье, среди анализа другого материала О.Б. Беликовой затронуты некоторые вопросы, касающиеся вооружения населения Среднего Причулымья XII–XIII вв. (Беликова, 1996). В погребальном инвентаре этих памятников предметы вооружения представлены двумя клинками (саблей и палашом), наконечниками стрел, остатками панцирных и кольчужных доспехов, ножами сабли и колчаном.

Наиболее многочисленный материал, который возможно было подвергнуть классификации, составляют наконечники стрел. В основу их классификации положены признаки, предложенные Ю.С. Худяковым (Худяков, 1980. С. 79–97).

Аналогии наконечникам стрел представлены в материалах памятников конца I тысячелетия н.э. и до этнографической современности. Наиболее ранние экземпляры датируются VI–X вв. (Худяков, 1991). В целом почти половину (48,8%) из всех классифицированных наконечников составляют бронебойные стрелы, что, по мнению автора, позволяет говорить о достаточно защищенных доспехом противниках, с которыми приходилось сталкиваться воинам, погребенным в чулымских памятниках.

У самих «чулымцев» фрагменты доспехов встречены всего в 4 курганах. В классификацию включены всего 13 экземпляров железных целых пластин, позволяющих предполагать наличие двух типов «пластинчатых» доспехов.

Рассматривая работы моих предшественников в разделе шестой группы, объединенные по географическому или этногеографическому признаку, следует включить в нее и исследования, посвященные средневековому оружию большого региона, включающего в себя степи и предгорья Кавказа от Каспийского до Черного моря.

К сожалению, специальных работ по средневековому оружию этого региона почти нет. Исключение только одно — очень серьезная кандидатская диссертация В.Н. Каминского, защищенная в 1992 г., которая, однако, не опубликована до сих пор (издан только автореферат). Работа посвящена вооружению алан, широко расселившихся в Предкавказье еще в сарматское время и продолжавших занимать там значительные территории и в эпоху средневековья. В работе рассмотрены все виды и типы оружия, используемого аланами в обе охваченные им эпохи. Широкий охват материала позволил автору провести сравнительную характеристику оружия обеих эпох и выявить особенности вооружения каждой из них.

Несомненным достижением работы является четкая классификация всего оружейного комплекса находок, давшая ряд практически неоспоримых пока никем датировок различных видов оружия. Многие его выводы лягут в основу дальнейшей работы археологов, медиевистов-кавказоведов, занимающихся оружием в своих работах. Так, автор аргументированно доказывает, что сабля стала ведущим типом оружия аланской кавалерии к IX в., в VII–VIII вв. среди алан широкое распространение получили боевые топоры, пластинчатыми панцирями они пользовались с I по VII в., кольчуги появились у них в I в., и только в IV–V вв. аланские мастера сами освоили их сложное производство. К VII в. кольчуга полностью вытеснила пластинчатый панцирь в вооружении аланских воинов.

В заключении В.Н. Каминский делает исторически правильный и важный вывод о том, что развитие всего комплекса вооружения у алан и умелое пользование всеми навыками пешего и конного боя, изменение тактики и стратегии его привели к расцвету военного дела у алан.

Вопросы, касающиеся вооружения и тактики боя средневековых адыгов XIV–XVII вв., затрагивал в своих работах А.Х. Нагоев (Нагоев, 2000. С. 145–180). На основе большого числа письменных источников и не менее многочисленных археологических материалов автор доказал существование в XIV–XVII вв. у адыгов легкой конницы. Военное искусство средневековых адыгов, как показывает автор, развивалось в тесном контакте с окружающими их народами. По вооружению и тактике боя адыгская конница проявляет большое сходство с конницей восточных стран (Нагоев, 2000). Но в силу некоторых особенностей своего развития, кабардинская конница остается в течение всей эпохи позднего средневековья иррегулярной.

В работе специально не рассмотрены отдельные виды вооружения, показан только факт их существования и широкого распространения в адыгской среде. В данном исследовании автор не ставил перед собой задачу их классификации. Сабля, лук и стрелы, судя по многочисленным находкам ученых, занимающихся изучением северокавказских древностей, и непосредственно самого автора, являлись одним из основных видов оружия, использовавшихся адыгскими воинами.

Классификация наконечников стрел сделана А.Х. Нагоевым в другой работе, посвященной материальной культуре кабардинцев (Нагоев, 1981), но она носит чисто формальный характер. Впрочем, он сам констатировал слабую изученность военной истории и военного дела адыгского народа.

Вооружению адыгских племен X–XV вв. посвящена небольшая работа М.Л. Стрельченко (Стрельченко, 1960).

Отдельная статья посвящена изучению луков и стрел у позднесредневековых вайнахов (Мамаев, Чакчиев, Даутова, 1983).

Эволюцией сабель Северного Кавказа занимался в последнее время В.А. Тарабанов (Тарабанов, 1996. С. 143–144).

Выходят публикации о некоторых видах оружия у Ю.В. Зеленского (Зеленский, 1998 и др.).

Из обзора литературы, посвященной исследованию предметов вооружения, видно, что средневековое оружие Северного Кавказа в целом изучено недостаточно. Это обстоятельство стало одной из причин, подтолкнувших меня обратиться к предметам вооружения Северо-Западного Кавказа.

Глава II

САБЛИ

В современной археологической литературе еще нет единого общепринятого определения сабли. В данной работе я не буду останавливаться на обсуждении различий между саблей, палашиком или однолезвийным мечом, как называют этот вид оружия некоторые исследователи.

Саблями я называю легкие, слабоизогнутые клинки, наклон стержня рукояти в сторону лезвия, а обоюдоострый конец клинка вслед за Н.Я. Мерпертом считаю вторичными отличительными признаками сабли (Мерперт, 1955. С. 134).

Сабля появляется на просторах Евразийских степей в VII в. И, как считают исследователи, приходит на смену длинному сарматскому мечу (Мерперт, 1955; Артамонов, 1962). Появление сабли стало возможным с изобретением стремян, благодаря которым посадка всадника стала более устойчивой и открылись новые возможности для рукопашного конного боя (Артамонов, 2001. С. 159).

Примерно такую же мысль высказал и А.Н. Кирпичников, который пишет, что «сабля могла родиться только в среде воинов-всадников, действовавших на просторе; по своему назначению сабля — оружие маневренной конной борьбы» (Кирпичников, 1966. (I)).

На сегодняшний день совершенно ясно, что возникновение сабли нельзя связывать с каким-то одним этносом. В создании этого вида оружия приняли непосредственное участие многие степные народы Евразии (Хиселев, 1949. С. 292, 297; Корзухина, 1950; Мерперт, 1955. С. 158–166; Кирпичников, 1966. С. 61).

Наиболее ранние сабли с просторов Восточной Европы конца VII — начала VIII в. происходят из комплексов, обнаруженных в восточноевропейских и предкавказских степях.

Из серии ранних сабель, найденных в погребениях, наиболее ранними исследователи считают арцыбашевский клинок,

датируемый VII в., мало-перещепинский, ново-сенжарский клинки, датируемые второй половиной VII в., глodosский (конца VII в.), клинки из Галиата и Дюрсо — первой половиной VIII в. Началом VIII в. датируется также сабля из Дюрсо (Крупнов, 1938. С. 113–121; Корзухина, 1950. С. 75; Монгайт, 1951. С. 124; Кухаренко, 1951. С. 99–108; Смиленко, 1968. С. 158–166; Она же, 1965. С. 25–29; Gagam, 1979. S. 63–64; Дмитриев, 2003. С. 202, 253; С. 62). Сабли, обнаруженные в междуречье Дона, Донца и Кубани в памятниках хазаро-болгарской культуры, распространились в степях в массовом количестве с середины VIII в. (Плетнева, 1967. С. 156–157).

В процессе сбора материала мною было просмотрено более 300 экземпляров сабель (из коллекций музеев), найденных на всей рассматриваемой территории и датирующихся исследователями (производителями раскопок) VIII–XIV вв.¹ Из них отобрано для исследования 152 экземпляра (приложение 1). Все они происходят из погребений. 36 сабель найдены в могильниках, совершенных по обряду кремации, 116 сабель — в погребениях с обрядом ингумации. Случайные находки и фрагменты сабель (длина и кривизна которых не восстановимы) в отобранный мною материал не вошли, даже если они происходят из погребений. Отбирались для изучения только целые, согнутые или поломанные клинки, длина, ширина, угол наклона рукояти, кривизна полосы которых восстанавливаются, в случае с согнутыми или поломанными экземплярами последний параметр, естественно, не учитывался. Свое исследование я начну с рассмотрения полосы сабли, затем перейдем к рассмотрению ее рукояти, перекрестия и, наконец, к остаткам ножен: оковок и наконечников (которые в дальнейшем будут называться в тексте наконечниками ножен сабли).

КЛИНКИ

За основные признаки при анализе материала были взяты длина и кривизна полосы клинка (приложение 1).

При определении кривизны клинка мною использовался метод, разработанный С.А. Плетневой (Плетнева, 1973. С. 17–19).

¹ К сожалению, материалы некоторых могильников оказались недоступны (в связи с этим подавляющее большинство рисунков в работе дано схематично).

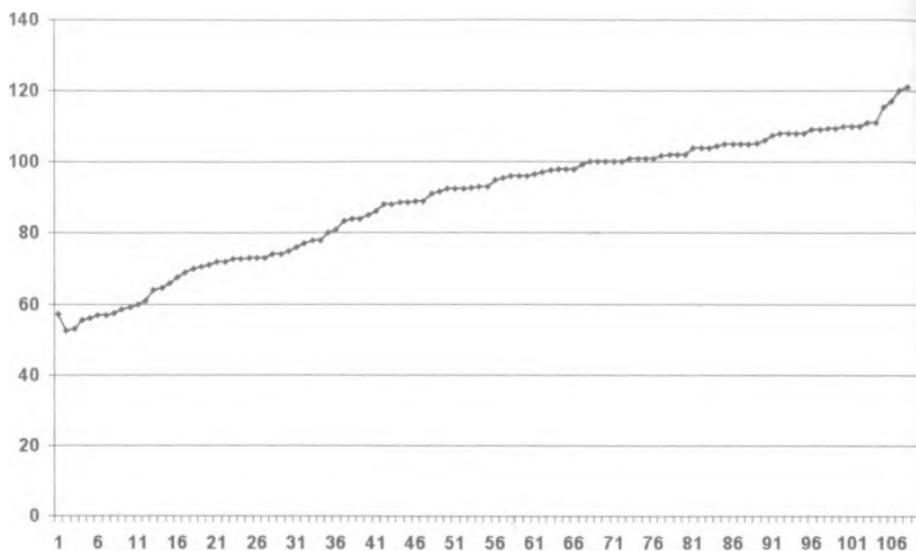

График 1. График распределения типов сабельных клинков
 X — длина клинка
 Y — количество клинков

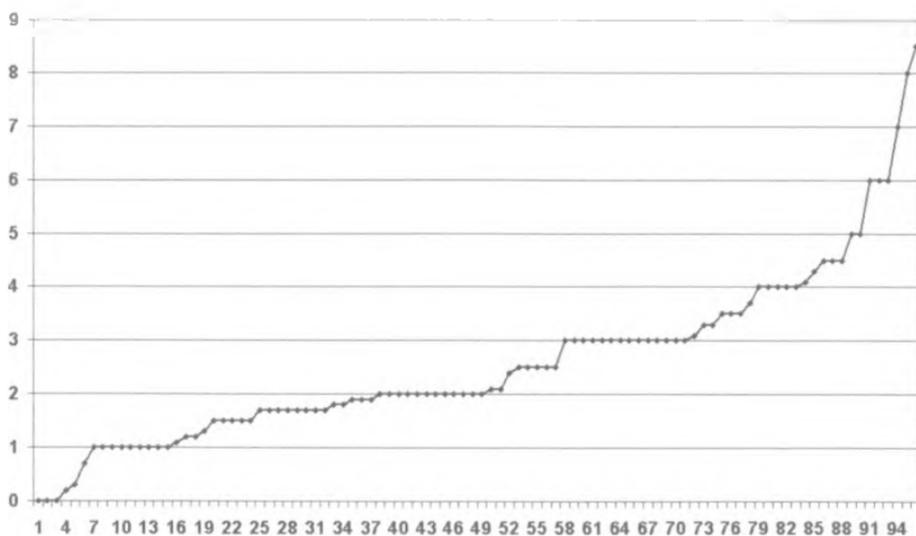

График 2. График распределения уровня кривизны сабельных клинков
 X — уровень кривизны клинка
 Y — количество клинков

Таблица 1

Корреляция длины клинка к кривизне

	см	Кривизна клинка				
		0-1	1,1-2	2,1-3	3,1-4	4-8,5
Длина клинка	57-80	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12	13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35	36, 37, 38	—	—
	81-100	72, 73	3, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54	55, 56, 57, 58, 59, 60, 61	62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71	—
	101-125	—	74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87	88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95	—	96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110

От линии, которая соединяет наибольший выступ спинки лезвия с точкой пересечения спинки лезвия с перекрестием, измеряется наибольшее расстояние. Длину удалось реконструировать у всех 152 клинков (приложение 1). Длина рукояти (черенка) при измерении длины клинка не учитывалась.

Программе Microsoft Excel было предложено составить график распределения длины сохранившихся (108 экз.) в целом виде сабельных клинков по нарастающей. Программа разделила клинки условно на 3 группы. От 57 до 80 см, от 80 до 100 см, от 100 и выше до 125 см (график 1).

Аналогичным образом программа Microsoft Excel разделила на 5 групп уровень кривизны сабельных клинков. В первую группу вошли прямые клинки и клинки, кривизна полосы которых не превышает 1 см, во вторую группу вошли клинки, кривизна которых колеблется от 1 до 2 см, третья — от 2,1 до 3 см, четвертая — от 3,1 до 4 см и пятая — от 4,1 см до 8,5 см (график 2).

Получившиеся три группы клинков для выявления зависимости длины клинка от его кривизны были скоррелированы с пятью получившимися группами уровня кривизны клинка.

В итоге получилось восемь типов сабельных клинков (в типы не вошли сабли, где по двум признакам коррелировались 2–3 клинка).

Тип I (табл. VI). Прямые клинки, длина которых колеблется от 57 до 80 см (1–12)¹, ширина полосы клинка от 2,6 см до 4,5 см, кривизна полосы не превышает 1 см (все остальные параметры здесь и далее, чтобы не загружать работу цифрами, даны в приложении № 1).

Аналогичные клинки известны в погребениях Больше-Тиганского могильника, датирующегося концом VIII – первой половиной IX в. (Халикова, 1976. С. 172), в Дмитриевском могильнике IX в. (Плетнева, 1989. С. 74), в могильниках енисейских кыргызов этого же времени (Худяков, 1980).

На Северном Кавказе они выявлены в Змейском катакомбном могильнике, датирующемся значительно более поздним временем XI–XIII вв. По мнению В.А. Кузнецова, они связаны генетически с более ранними северокавказскими саблями VIII–IX вв. (Кузнецов, 1959. С. 102–104; Он же, 1961. С. 110–115).

Тип II (табл. VII–VIII). Слабоизогнутые клинки, длина которых не превышает 80 см, ширина от 2,2 см до 4,8 см. По уровню кривизны клинка разделены на два подтипа:

Подтип А (13–35) – кривизна клинка от 1 до 2 см;

Подтип Б (36–38) – кривизна клинка от 2,1 до 3 см.

Сабельные клинки с такими же характеристиками встречаются в тюхтятских памятниках IX–X вв. и в венгерских погребениях X в. (Ковач, 1980; Кызласов, 1983. С. 37; Кызласов Л.Р., 1969. С. 103).

Тип III (табл. IX, 39–54). Слабоизогнутые клинки, длина которых колеблется от 81 до 100 см, наибольшая ширина полосы у перекрестия от 3,1 до 5 см, с кривизной полосы от 1 до 2 см.

Типологически близкие этому типу клинки встречаются в материалах печенежско-огузского могильника у Саркела – Белой Вежи X–XI вв. (Плетнева, 1990. С. 67. Рис. 20,3). Время бытования сабель этой группы А.Н. Кирпичников относит к X–XIII вв. (Кирпичников, 1966. С. 67–70). В небольшом количестве такие клинки присутствуют в материалах кимаков, населявших предгорья Алтая в IX–XI вв. (Могильников, 2002.

¹ См. здесь и далее №№ в приложении I.

С. 103–104), и народов, населявших Предуралье в XI–XII вв. (Белавин, 2000. С. 114–115).

Тип IV (табл. X, 55–61). Представлен клинками длиной от 81 до 100 см, ширина полосы от 3, до 4,5 см при кривизне полосы от 2,1 до 3 см.

Аналоги встречаются в мордовских памятниках X–XIII вв. (Святкин, 2001. С. 50–54), а также широко распространены в степных памятниках Восточной Европы X–XIII вв. (Плетнева, 1981. С. 215).

Тип V (табл. X, 62–73). Клинком этого типа характерна длина от 81 до 100 см, ширина полосы варьирует от 3 до 4 см, по уровню кривизны клинка разделены на два подтипа:

Подтип А — один из двух клинков этого типа прямой, а уровень кривизны второго не превышает 0,3 см.

Подтип Б — кривизна клинка от 3,1 до 4 см.

Клиники этого типа широко распространены в Волжской Булгарии X — начала XIII в. (Измайлов, 1997. С. 18–34).

Тип VI (табл. XI). К этому типу отнесены сабли с длиной клинка от 101 до 125 см, с шириной клинка от 2 до 4,7 см. По кривизне полосы разделены на два подтипа:

Подтип А (74–80) — кривизна от 1 до 2 см;

Подтип Б (81–87) — кривизна от 2 до 3 см.

Клиники этого типа распространены в памятниках кочевников Восточной Европы X–XIV вв. (Федоров-Давыдов, 1966. С. 22. Рис. 3).

Тип VII (табл. XII, 97–111). В этот тип вошли клинки, длина которых колеблется от 101 до 125 см, ширина полосы клинков у рукояти варьирует от 2,5 см до 4,5 см. Клиники довольно изогнутые, кривизна их достигает от 2,5 до 3 см.

Наибольшее распространение клинки этого типа имеют в памятниках XI–XIII вв., таких как Цемдолина, Шизе IV и др. (Армарчук, Малышев, 1997; Кочкаров, 2006).

Тип VIII (табл. XIII, 96–110). Длинные клинки, достигающие в длину от 101 до 125 см. Ширина клинка колеблется минимум от 2,6 и до 5 см. Клиники сильно изогнуты, уровень кривизны варьирует от 4 см, а у некоторых клинков (97) до 8,5 см.

Довольно часто встречаются клинки этого типа в материалах адыгейских (Стрельченко, 1960) и кабардинских (Нагоев, 1981) курганных могильников XIII–XV вв.

В заключении раздела о клинках следует отметить, что у 62 клинков был выявлен и измерян обоюдоострый конец (из-

мерение его затруднялось тем, что сабли совсем не очищены или плохо очищены от остатков ножен, а точнее, их накопечников). Обоюдоострый конец имеет в длину от 9 до 44 см. Елмани, т.е. обоюдоострого и расширяющегося (расплющенного) окончания острия клинка, ни на одном клинке прослежено не было. В силу того, что в исторической литературе еще нет общепринятого названия елмани, возникает некоторая путаница в описании этого вида оружия. Появление обоюдоострого конца исследователи связывают с тем, что сабля, в отличие от меча, оружие, которое является не только рубящим, но и колющим видом клинкового оружия (Мерперт, 1955; Кирпичников, 1966. (1)). Перехватив через перекрестие, которое не такое массивное, как у меча, можно было колоть противника, т.е. использовать приемы фехтования (Каминский, Каминская-Цокур, 1997. С. 62; Кызласов, 2003).

ЧЕРЕНКИ РУКОЯТЕЙ И НАВЕРШИЯ

Черенки рукоятей сохранились не на всех клинках, восстановить и измерить их длину представилось возможным у 146 сабель, а угол наклона их по отношению к клинку — на 142 экземплярах (у остальных это было невозможно сделать из-за того, что они были согнуты).

Одним из характерных признаков сабли считается наклон рукояти в сторону лезвия. Черенок рукояти выковывался из одного куска железа вместе с клинком. Наклон стержня колеблется от 10 до 150 см при общей длине от 6 до 16 см. У одного экземпляра черенок рукояти достигает в длину 15,6 см.

К черенку рукояти прикреплялись деревянные накладки одной, двумя или тремя заклепками. По всей вероятности, некоторые накладки потом сверху обшивались кожей.

Навершия, крепившиеся к деревянным накладкам рукояти посредством заклепок, сохраняются очень плохо ввиду того, что изготовлялись из тонкой металлической пластинки, хотя возможно, что некоторые клинки их просто не имели.

А.Н. Кирпичников и Л. Ковач считают, что легкое навершие не играло такой роли противовеса всему оружию, какую играли массивные навершия мечей (Кирпичников, 1966; Ковач, 1980). Оно носило скорее декоративный характер и предохраняло деревянные детали рукояти от механических и климатических воздействий. Только грушевидные навершия,

по-видимому, могли играть роль опоры для кисти рук. Колечки для крепления темляка, за редким исключением, почти не встречены. Это, возможно, объясняется тем, что темляк у народов, населявших эту территорию в изучаемый период, не был в ходу и употреблялся редко.

Типология наверший рукояти была сделана А.Н. Кирпичниковым, исследователь разделил их на два типа (Кирпичников, 1966. (I) С. 68). Им, правда, автор уделил меньше внимания, чем перекрестиям. Наибольшее распространение на территории древней Руси, по мнению автора, получили перекрестия уплощенно-цилиндрической формы, навершия же грушевидной формы обнаружены только на единичных экземплярах. А.В. Евглевский и Т.М. Потемкина выделили три типа (с вариантами) наверший позднекочевнических сабель (Евглевский, Потемкина, 2000. С. 131–133).

Мной зафиксировано 30 наверший, которые по своей форме разделены на четыре типа:

Тип I (табл. XVI) — уплощенно-цилиндрические навершия, сделанные из железной (60, 90) или серебряной пластинок (22, 16). Происхождение таких наверший, возможно, следует искать в салтово-маяцкой культуре (Мерперт, 1955. С. 136–138; Кирпичников, 1966. (I) С. 68).

Тип II (табл. XVI) — навершия грушевидной формы, в сечении имеющие эллипсоидную форму — подтип А, круглую — подтип Б. Снизу от середины отходят два отростка. В подтипе А выделяются два литых навершия из позолоченной бронзы (сабли 12,13) (Дитлер, 1961). Они представляют собой высокохудожественные ювелирные изделия и служат показателем уровня ювелирного дела, которого достигли средневековые мастера в изготовлении и оформлении клинкового оружия. В подтипе А иногда попадаются тяжелые колпачки из железа, имеющие некоторое сходство с древненемецкими материалами (Ковач, 1980).

Тип III (табл. XVI) — полусферические навершия с выпуклым верхом и с сужением — перехватом гладкого или граненого тулова. Навершия этого типа встречаются в материалах могильников Черноклен и Абинского 4 (Армарчук, Малышев, 1997. С. 97).

Тип IV (табл. XVI) — мелкие цилиндрические с длинным отростком, отходящим от центра одной из широких сторон, служившими для крепления колпачка к рукояти (48, 74, 78),

встречаются в курганах XII–XIII вв. могильника Кабардинка (Носкова, 1991) и погребениях с обрядом кремации могильника Циплиевский (Пьянков, 1989).

НАКЛАДНЫЕ ПЛАСТИНЫ НА ЛЕЗВИИ КЛИНКОВ

В Восточной Европе с IX в. на некоторых саблях у основания клинка появляются накладные пластины со стороны лезвия (Дмитриев, 2003. Табл. 30, 49, 90). В X–XI вв. они уже встречаются многочисленными сериями (приложение 1). Однозначного объяснения этим пластинам до сих пор пока нет. Для того, чтобы перекрестие прочно удерживалось на верхнем краю тонкой полосы, на последнюю наковывали железную обойму, которая со стороны лезвия часто была снабжена выступом, служившим, вероятно, для предохранения горла ножен от острого лезвия (Ковач, 1980). Предполагают, что они служили для закрепления перекрестий, предохраняя ножны от поломки, или являлись следами ремонта (Кузнецов, 1973. С. 15; Мамаев, 1984. С. 153; Яхтанигов, 1984. С. 28). Возможно, что они фиксировали клинок в ножнах и предохраняли тем самым как сами ножны от повреждения, так и сберегали заточку клинка (Погорелов, 2003. С. 474), а также служили предохранением от порезов выставленных вперед пальцев во время нанесения колющего удара (Каминский, Каминская-Цокур, 1997. С. 62; Кызласов, 2003. С. 463).

Все эти предположения, как мне кажется, обоснованы и имеют вполне реальную основу. В любом случае это приспособление не было случайным изобретением ремесленников-оружейников и было по своей сути многофункционально. Некоторые из оковок по одному из краев узорно вырезаны по всей длине (например, сабли 138, 144), некоторые – только по тяжу. В древностях Сибири они встречаются в материалах IX – начала XI в. и до XVIII в. (Кызласов, 2003. С. 457).

На рассматриваемой территории такие оковки встречаются на клинках IX–X вв. (Дитлер, 1961) и продолжают существовать в XII–XIII вв. (Армарчук, Малышев, 1997. С. 95).

ПЕРЕКРЕСТИЯ

Рукояти сабель отделены от полосы перекрестием, играющим в первую очередь защитную роль: оно задерживало скольжение неприятельского оружия по полосе сабли и не давало руке сдвинуться на клинок. Перекрестие, безусловно, помогало выбрать наиболее эффективный угол удара.

Сохранились в целом виде или во фрагментах 92 перекрестия. Все они напускные, надевались на оружие путем продевания стержня рукояти через его срединное отверстие. Челнокообразное тело перекрестия оснащено овальными углублениями, расположенными с двух его сторон. В горизонтальном положении перекрестие удерживалось за счет прижатия деревянными обкладками со стороны рукояти, а с обратной стороны — плечиками клинка и специальной обоймой (обкладкой), о которой я говорил выше, насаженной на верхнюю часть клинка.

Типологию перекрестий древнерусских сабель разработал А.Н. Кирпичников (Кирпичников, 1966. (I) С. 68–72). Гарды по форме разделены исследователем на несколько «компактных групп». Перекрестия позднекочевнических сабель исследовали А.В. Евглевский и Т.М. Потемкина (Евглевский, Потемкина, 2000. С. 129–131), разделив их на три типа, и каждый из них еще на варианты. Эти две типологии почти аналогичны друг другу. Отличную от них типологию перекрестий разработал Л. Ковач (Ковач, 1980). Перекрестия разделены им на два типа, по материалу из которого они сделаны. Все перечисленные типологии были сделаны на материалах небольшого исторического отрезка. В представленную типологию вошли сабельные перекрестия от появления сабель VII–VIII вв. (на исследуемой территории) и вплоть до золотоордынского времени XIII–XIV вв. Это, на мой взгляд, дает более ясную картину их трансформации во времени.

По своей форме (вид сбоку) перекрестия разделены на два типа.

Тип I. Прямые перекрестия (табл. XVI).

Подтип А — перекрестия челнокообразной формы с шарообразными окончаниями на концах и ромбическими расширениями посередине. Аналогичные перекрестия встречаются в материалах Северского Донца VIII–IX вв. (Михеев, 1985. С. 119) и довольно широко распространены в материалах древних

венгров этого же времени (Ковач, 1980). Это наиболее богато и красиво отделанные перекрестия: среди них встречаются бронзовые с позолотой и железные с серебрением.

Подтип Б — брусковидные железные перекрестия имеют многочисленные аналогии в древностях VIII–IX вв. (Плетнева, 1989. С. 71–74; Мерперт, 1955. С. 131–168; Худяков, 1980; Он же, 1986. С. 191–195). В большом количестве встречается в алтайских материалах IX–XI вв. (Могильников, 2002. С. 353. Рис. 217, 20; С. 348. Рис. 212, 10, 19 и др.).

Подтип В — брусковидные перекрестия челнокообразной формы с грушевидными утолщениями на концах. Встречены в Циблиевском, Чернокленовском и Абинском 4 могильниках (Пьянков, 1993. Рис. 7, 13). Кроме того, встречены в погребениях XIII в. могильника на отроге горы Сапун под Новороссийском (Дмитриев, 1986. Рис. 180, 183).

Подтип Г — перекрестия с ромбическими расширениями в центре, в отличие от типа IB сужающиеся к окончаниям. Считается, что этот тип перекрестий появился под влиянием почти аналогичных, но более крупных мечевых перекрестий. Хронологически этот тип А.Н. Кирпичников относит к XIII в. (Кирпичников, I, 1966. С. 71–75. Рис. 13). В Убинском могильнике они датируются X–XII вв. (Стрельченко, 1960. Рис. 1, б).

Тип II. Изогнутые перекрестия (табл. XVI).

Подтип А — с шаровидными окончаниями, опущенными вниз. Подобная защита руки была распространена у кимаков (Худяков, 1986), южно-уральских кочевников (Мажитов, 1981. Рис. 66, 1) прикамских племен (Спицын, 1902. Табл. XVII, Б). Встречаются они и в Западном Поволжье (Белорыбкин, 2003. С. 124–142) и у северокавказских алан (Кирпичников, 1976. С. 110. Табл. III, 1, 2) у венгров времен Арпадов (Ковач, 1980). Время бытования перекрестий этого типа можно определить X–XII вв.

Подтип Б — изогнутые перекрестия с шариковидными окончаниями (тип IB по Кирпичникову) (Кирпичников, 1966. С. 68). Время бытования перекрестий этого типа X–XI вв.

Подтип В — железные, изогнутые топориковидные перекрестия с ромбовидными утолщениями по середине. Появляются в первой половине XIII в. (Кирпичников, 1966. С. 70, тип IIА; Евглевский, Потемкина, 2000. С. 131, тип II, вариант 2).

Подтип Г — изогнутые перекрестия с ромбовидными утолщениями посередине, с опущенными вниз плоскими концами, подквадратной и ромбовидной форм. Перекрестия этого типа

происходят из позднеадыгских XIII–XIV вв. и кабардинских курганов Северного Кавказа XIII–XV вв. (Стрельченко, 1960. С. 140–157).

ДЕТАЛИ НОЖЕН

Ножны, предназначенные для ношения сабли, являются необходимой принадлежностью, неотделимой от самой сабли (приложение 1). Ножны сабель, подобно ножнам мечей, изготавливались из двух тонких отесанных дощечек: сначала они обтягивались полотном, а потом кожей. Затем на эту основу надевались железные, в очень редких случаях бронзовые (табл. XVII, 1) наконечники, достигавшие в длину до 35–40 см (табл. XVII, 2) и предохранявшие разрезание ножен изогнутым клинком. Остатки ножен хорошей сохранности обнаружены при раскопках некоторых раннебулгарских могильников и реконструированы В.Ф. Генингом, А.Х. Халиковым и Е.П. Казаковым (Генинг, Халиков, 1964. С. 50. Рис. 16, 1; Казаков, 1985. С. 23. Рис. 1, 9; Chalikova, Chalikov, 1981. S. 76).

Непрерывной деталью ножен были крепившиеся к основе две обоймы с петлями для подвешивания сабли к поясу, одна чаще всего располагалась у верхнего края ножен, а вторая — примерно на середине их длины. Ножны могли быть оснащены и одной петлей. Сабля подвешивалась к поясу в наклонном положении посредством двух ремешков, находившихся с левой стороны пояса. Ремешки обеспечивали почти горизонтальное положение рукояти. Они продевались или непосредственно в скобы, или пропускались в петельчатую головку гвоздя. Каждая скоба укреплялась на ножнах посредством двух пластинчатых обойм. Есть случаи, когда обойма и скоба изготовлены из одной широкой пластины (сабля 154).

Тип I. С-образные, оснащены обоймой, одинаковы по конструкции (сабля 6). Попадаются экземпляры, инкрустированные серебром или полностью изготовленные из серебра (сабля 4). Хорошо представлены в древневенгерских материалах (Ковач, 1980).

Тип II. Скоба Р-образной формы (табл. XVII, 2) (сабли 5, 11). Детальное изучение скоб этого типа провел А.К. Амброз и датировал их VI–VII вв. (Амброз, 1986. С. 55. Рис. 2, 6, 7). Такие скобы встречаются на ножнах мечей из Абхазии в могильниках VII в. (Воронов, Бгажба, 1979. С. 69).

Тип III. Скоба, сделанная из одной узкой пластины, концы которой соединены штифтом, который оканчивается петлей с подвижным кольцом для крепления ремня (сабли 45, 57).

НАКОНЕЧНИКИ НОЖЕН

Нам удалось зафиксировать лишь небольшое количество наконечников ножен (табл. XVI). Всего 45 экземпляров. По своей форме они разделены на три типа.

Тип I. Овальная в сечении железная трубка-оковка с округлым (*подтип Б*) или уплощенным (*подтип А*) донцем. Один наконечник орнаментирован по краю рельефной волной (сабля 59). Два наконечника (сабли 2, 94) имеют широкий трапециевидный или прямоугольный вырез у устья.

Тип II. Овальная в сечении железная трубочка-оковка, с расширяющимся шарообразным донцем. Наконечники этого типа достигают в длину 15 см. Встречены в могильниках X–XIII вв. (Черноклен и Циплиевский). Некоторое сходство имеют с наконечниками ножен из древневенгерских памятников (Ковач, 1980).

Тип III. Овальная в сечении железная трубочка-оковка, слегка изогнутая, с округлым или уплощенным донцем и с вырезом «уголком» у края. Некоторые экземпляры этого типа достигают в длину до 28 см. Наконечники этого типа распространены в могильниках XII–XIV вв. (Кабардинка, Черноклен, Циплиевский).

* * *

Проведя корреляцию выделенных ранее типов клинков, типов перекрестий, наконечников ножен и наверший рукояти, мы получили следующие группы сабель¹.

I группа сабель (табл. XVI, 2) чаще всего встречается с перекрестиями типа I, наконечниками ножен подтипов IA и IB, навершиями рукояти типа I и II. Эта группа сабель характеризуется прямыми или слегка изогнутыми клинками, кривизна которых не превышает 0,7 см с прямой или почти прямой рукоятью (черенком) с прямыми перекрестиями. Клинок не превышает в длину 80 см и шириной полосы у перекрестия не

¹ В табл. XVII представлены наиболее яркие экземпляры клинков.

Таблица II

**Взаимовстречаемость типов
сабельных клинков с типами наверший
рукояти, перекрестий, наконечников ножен**

Типы сабельных клинков.	Типы наверший рукояти				Типы перекрестий		Типы наконечников ножен		
	Тип I	Тип II	Тип III	Тип IV	Тип I	Тип II	Тип I	Тип II	Тип III
Тип I	2	1	—	—	7	2	2	1	—
Тип II	1	1	—	—	13	—	2	—	—
Тип III	1	—	—	1	6	—	—	1	1
Тип IV	1	2	5	2	7	3	3	—	—
Тип V	—	1	1	2	1	2	4	—	—
Тип VI	—	—	1	2	4	8	—	—	9
Тип VII	—	—	—	2	1	2	—	—	1
Тип VIII	—	1	—	—	1	6	2	1	—
Всего:	5	6	7	9	40	23	13	3	11
	27				63		27		

более 3 см. Сабли этой группы также датируются по многочисленным аналогиям VIII–IX вв.

II группа сабель (табл. XVI, 1) чаще всего встречается с перекрестиями подтипов IA и IB, с типом I, подтипом IIA наверший рукояти, типом I и некоторыми экземплярами типа II наконечников ножен. Таким образом, эта группа сабель характеризуется слабоизогнутым клинком, кривизна которого никогда не превышает 3 см, прямыми перекрестиями с шарообразными окончаниями, рукоятью, которая слегка наклонена в сторону лезвия и датируется в пределах IX–X вв.

III группе сабель (табл. XVII, 2) характерны перекрестия подтипов IIГ и IIБ, наконечники ножен подтипов IA и IB, навершия рукоятей типа III. Эта группа сабель характеризуется не очень длинными, до 80 см клинками с кривизной клинка от 0,7 до 3 см и наибольшей шириной клинка у основания рукояти от 3,1 до 4 см. Сабли этой группы твердо датируются X — началом XIII в.

IV группа сабель (табл. XVII, 1) с клинками группы наиболее часто встречаются перекрестия типов IIГ и IIA, с колпачками

(навершиями рукоятей) типов III и IV, очень редко с подтипом II Б, поздними наконечниками ножен типа I и наконечниками типа III. Это уже довольно длинные, достигающие в длину от 81 до 100 см клинки с кривизной полосы до 3 см при наибольшей ширине от 1,8 до 5 см, сабли этой группы датируются X–XIII вв.

Группа сабель V (табл. XVIII, 2) встречена с перекрестиями типа IIА и IIIГ и IIГ, наконечниками ножен типа IA и навершиями типов IIБ и III. Клинки сабель этой группы достигают в длину от 101 до 121 см, с изогнутостью полосы от 0,7 до 3 см и шириной полосы от 1,8 до 5 см. Датируются сабли этой группы широко от X и вплоть до XIV в. включительно, но чаще всего встречаются в памятниках XII – начала XIV в.

Группа сабель VI (табл. XVIII, 1) характеризуется перекрестиями типа IIА, наконечниками ножен типа IIIА, IIБ и навершиями рукоятей типов III и IV. Сабли этой группы достигают в длину от 100 до 120 см, ширина полосы колеблется от 3 до 4,7 см, кривизна полосы клинка от 1,7 до 3 см. По аналогиям датируются XI–XIII вв.

Группа сабель VII (табл. XIX, 1) характеризуется перекрестиями типа II Б, наконечниками ножен типа III и навершиями рукоятей типа IV. Саблям этой группы характерны клинки длиной от 100 до 120 см, ширина клинка от 2,5 до 4,5 см, кривизна полосы от 2 до 3 см. Клинки этой группы по аналогиям датируются XI–XIII вв.

Группа клинков VIII (табл. XIX, 2) характеризуется перекрестиями типа IIIГ, навершиями рукоятей типа IV и некоторыми поздними экземплярами наверший типа I, наконечниками ножен типа III и поздними экземплярами типа IA. Клинки сабель этого типа самые длинные, до 121 см, с сильно искривленной полосой до 8,5 см, ширина клинка у перекрестия от 1,8 до 5 см. Датируются эти клинки концом XIII – XIV в. и частично заходят в XV в.

СЛОМАННЫЕ И СОГНУТЫЕ САБЛИ

Довольно многочисленную группу составляют сабли со сломанными или изогнутыми клинками. Эти сабли также были разбиты на типы, а затем по аналогии с целыми клинками на группы. Так как кривизну полосы клинка у согнутых или сломанных сабель

Таблица III

Взаимовстречаемость типов сабельных клинков с типами наверший рукояти, перекрестий, наконечников ножен у сломанных или согнутых сабельных клинков

Типы сабельных клинков	Типы наверший рукояти сабли				Типы перекрестий		Типы наконечников ножен		
	Тип I	Тип II	Тип III	Тип IV	Тип I	Тип II	Тип I	Тип II	Тип III
Тип I	2	—	—	—	8	1	3	—	1
Тип II	—	—	—	—	3	2	1	—	—
Тип III	—	—	—	1	2	1	1	—	1
Всего:	2			1	13	4	5		2
	3				17		7		

невозможно было измерить, однако длина и ширина клинков довольно легко восстанавливается, поэтому типобразующими признаками у них стали данные параметры.

Они были разделены на три типа:

Тип I (табл. XIV) составили сабли, длина клинков которых колеблется от 61 до 80 см, при ширине полосы клинка от 1,8 до 3 см — подтип IA (112–120) и подтип IB — ширина полосы которых колеблется от 3 до 4 см (121–130).

Тип II (табл. XV) в эту группу вошли довольно длинные клинки, от 81 до 100 см, при ширине от 1,8 до 3 см — подтип IIА (131–138) и с наибольшей шириной у рукояти от 3,1 до 4 см — подтип IIБ (139–147).

Тип III (табл. XV) представлена длинными, от 101 до 121 см, клинками, ширина которых достигает от 3,1 до 4 см (148–153).

При проведенной корреляции такой же, как и с целыми клинками (таблица III), получились следующие группы сабель:

I группа. Клинки этой группы сабель чаще всего встречаются с перекрестиями типа I, датирующимися по аналогичным материалам VIII–IX вв. (Михеев, 1985. С. 119; Ковач, 1980), наконечниками ножен типа I, редко с типом III и навершиями рукояти типа I, также датирующимися этим временем.

2 группе характерны клинки **типа I**, им сопутствуют перекрестия подтипов **IB** и **IV**, наконечники ножен типа **I**. По аналогиям с целыми клинками их можно датировать XII–XIII вв.

3 группа. Клинки (**тип III**) этой группы сабель встречены с перекрестиями подтипов **IB** и **II'** с наконечниками ножен подтипа **IA** и типа **III**. Также по аналогиям с целыми клинками представляется возможным датировать их XII–XIII вв.

Исходя из вышеизложенного материала, мы с полной уверенностью, как мне кажется, можем говорить о том, что сабли, появляющиеся на данной территории в начале VIII в., представляли собой слабоизогнутые клинки, не превышающие в длину 80 см, которые были оснащены в основном прямыми перекрестиями, колпачками типа **I** и наконечниками ножен подтипа **IA**.

Самые ранние клинки происходят из кремационных могильников Молдавановка (Тарабанов, 1989), Казазово II (Тарабанов, 1986), из погребений третьего периода могильника Дюрсо (Дмитриев, 2003. С. 202).

Все сабли из могильника Молдавановский имеют прямые брусковидные перекрестия, длина клинков не превышает 75 см, все клинки имеют обоюдоострый конец, длина которого колеблется от 14,5 до 19 см. Средняя ширина полосы клинков не превышает 3,1–3,4 см. Все учтенные сабли согнуты за исключением одной, кривизна клинка которой не превышает 0,2 см. Все наконечники ножен могильника относятся к подтипу **IA**. В могильнике Казазово II почти аналогичные клинки, длина которых колеблется от 69 до 79 см при средней ширине полосы клинка 3 см, только у двух сабель ширина полосы достигает 4 см. Кривизна полосы этих клинков равна 0,1–0,2 см т.е. они тоже почти прямые.

Сабли были согнуты при помещении их в могилу. Этот обычай «порчи» оружия был распространен в это время на огромной территории, начиная от Хакассии (Кызласов, 1983. С. 37–38; Кызласов, 1980. С. 145) на востоке и доходя до Украины на западе (Кухаренко, 1951. С. 99–108).

Мысль о тюркском происхождении населения, оставившего могильники, совершенные по обряду кремации, высказывалась неоднократно (Дмитриев, 1979. С. 55–56; Кызласов, 2003. С. 458–459). На мой взгляд, она небезосновательна, но я не буду здесь давать какие-то этноязыковые определения этим захоронениям, поскольку они не являются целью данной работы.

К X–XII вв. сабельные клинки удлиняются. В среднем длина клинков колеблется от 75 до 100 см и за редким исключением превышая ее. Клинки все еще слабоизогнуты, встречаются даже прямые экземпляры, но уже довольно часто попадаются экземпляры с кривизной полосы, достигающей 3–4 см, ширины клинков от 2,8 до 3,5 см. Прямые перекрестия с шарообразными окончаниями постепенно отгибаются в сторону лезвия и к XI–XII вв. представляют собой довольно изогнутые гарды.

В XII–XIV вв. сабли представляют собой длинные, от 100 до 121 см клинки, кривизна полосы которых варьирует от 3–4 см до 8,5 см (самого сильноизогнутого клинка). В среднем она не превышает 3–4,5 см.

В это время наблюдается большое разнообразие форм перекрестий: от прямых брусковидных с разнообразными типами окончаний до сильноизогнутых гард, доходящих до формы полумесяца.

Итак, как мы видим из всего рассмотренного выше материала, эволюция сабли идет по пути искривления и удлинения полосы сабли: из коротких (до 80 см), почти прямых слабоизогнутых клинков с брусковидными прямыми гардами в начале VIII – X в. они превращаются в длинные (до 121 см), сильноизогнутые клинки.

В эволюции перекрестий наблюдается почти та же тенденция, что и у перекрестий соседних регионов (Кирпичников, 1966. (I) С. 68–69), т.е. концы гард начинают опускаться в сторону лезвия и принимать изогнутые формы. Но это не говорит о том, что прямые перекрестия полностью исчезают. Их достаточно много, и в материалах поздних адыгских и кабардинских могильников они представлены в большом количестве (Нагоев, 1981).

Если клинки VIII–X вв. и отчасти XI в. при их достаточно малой длине могли использоваться как пешими, так и конными воинами, то клинки XII–XIV вв. при их большой длине годились и были удобны в ношении только для конных воинов. В XI–XII вв. приход в южнорусские и прикубанские степи новых мобильных кочевых племен со своей тактикой ведения боя вынудил, видимо, местные, в недалеком прошлом также кочевые, но уже частично осевшие на землю народы приспособ-

саблировать свое оружие к новой манере ведения боя, где легкими короткими клинками трудно было достать и вывести из боя хорошо защищенного противника. Очевидно, что короткие клинки с их малым по сравнению с более поздними клинками весом не были достаточно действенным оружием против кольчуг и шлемов, получивших с XII–XIII вв. большее распространение, чем в предыдущий период.

На сегодняшний день металлографический анализ клинков сделан по материалам двух могильников: Дюрсо VIII–IX вв. (Розанова, Терехова, 2004. С. 47–59) и Ленинохабль XI–XII вв. (Завьялов, 2004. С. 79–88). Проведенные исследования показали, что при изготовлении сабель из Дюрсо (4 клинка) кузнецами применялись весьма разнообразные технологии. Их отковывали из цельносталевых или сварных (пакетированных) заготовок, использовали сложные технологические схемы (вварка, наварка, двухполосная сварка), применяли цементацию клинка, изготовленного из железа. Экземпляры из Дюрсо сближаются с изделиями из Волжской Булгарии раннеболгарского времени (Семыкин, 1997. С. 13–14). Металлографические анализы сабель из Ленинохабльского могильника (8 клинков) также дали весьма интересные результаты. Основным приемом, которым пользовались кузнецы населения, оставившего этот могильник, была цементация. При изготовлении одного клинка применена вварка стального лезвия. Интересен факт более тщательной обработки обоюдоострого конца сабель, в то время как на основной части лезвия располагалась структура мягкой низкоуглеродистой стали или даже железа. Эти исследования еще раз подтверждают предположение о колюще-рубящей функции сабель (Завьялов, 2004. С. 87)¹.

Ближайшие металлографические данные, которые мы имеем по саблям и можем с определенной долей вероятности использовать как конкретные аналогии, проделаны по материалам Маяцкого комплекса М.М. Толмачевой (Толмачева, 1990. С. 192–217). Для анализа были использованы четыре фрагмен-

¹ Автором готовится к передаче в лабораторию естественнонаучных методов несколько сабель (XII–XIII вв.), происходящих с могильника Шизе IV, расположенного в Абинском районе Краснодарского края, для определения схемы изготовления покровок. Могильник исследуется в течение пяти сезонов 2003–2007 Северокавказской экспедицией РАН и непосредственно автором работы.

та сабель, происходящих с этого памятника. Проведенные исследования показали, что сабельные клинки в салтовское время изготавливались разными способами: варка, цементация, многослойное пакетирование. М.М. Толмачевой позднее проведено также исследование структуры еще девяти клинков (Толмачева, 2001. С. 66–75). Девять клинков раннебулгарского времени, происходящих из катакомбных могильников, были изготовлены с помощью четырех технологических схем: выковка цельносталевых лезвий (6 экз.), пакетирование (1 экз.), цементация (2 экз.), наварка (1 экз.). У нас также есть сведения о металлографических данных аланской сабли X–XII вв. из Нижне-Архызского городища (Кузнецов, 1973. С. 215), о двух клинках XII–XV вв. из Центральной Абхазии (Бгажба, 1983. С. 86–87, 90–91). Все это в очередной раз говорит о высоком уровне кузнечного мастерства, которого достигли средневековые кузнецы Хазарии.

В целом, на данной территории с VIII по XIV в. находки мечей этого времени неизвестны. Если на Руси мечи в этот период продолжают бытовать вместе с саблями, то у большинства северокавказских племен сабля к этому времени была не только ведущим (Каминский, 1992), но и единственным видом колюще-рубящего оружия.

По всей вероятности, к XII–XIII вв. подавляющая часть войска северокавказских, причерноморских народов (этносов) состояла из кавалерии, которая, как уже было сказано, могла достаточно эффективно противостоять как соседним, так и пришлым кочевникам.

Большое количество сабель по сравнению с другими соседними областями (Кирпичников, 1966. (I); Ковач, 1980; Каминский, 1992 и др.), вероятно, можно объяснить тем, что эта благоприятная во всех отношениях для жизни территория издавна привлекала внимание как соседних, так и новых, захвативших земли народов, которые крепко обосновались на ней. Местному населению приходилось вооружаться и участвовать в бесконечных войнах, косвенное подтверждение которым мы, в частности, видим в погребениях убитых воинов с пробитыми стрелами лопатками, позвончиками и т.д. Однако, несмотря на это, параллельно активизировался процесс смешения народов, что подтверждается многообразием погребальных обрядов, который мы наблюдаем здесь в то время (Дмитриев, 2003; Армарчук, Малышев, 1997; и др.).

На рисунке 1 хорошо видно, что памятники VIII–X вв. в основном распространены на изучаемой территории на левобережье Кубани и только два могильника, Чапаевский и Старокорсунский, отстранены от них. В обоих могильниках сабли лежали в погребениях с обрядом ингумации, в то время как все левобережные находки сабель сделаны в могильниках с обрядом кремации. Из этого следует, что в VIII–X вв. левобережье Кубани занимали носители кремационного обряда погребения.

В конце X в. обряд кремации исчезает, и большая часть погребальных памятников XI–XII вв. представлена могильниками с обрядом ингумации типа Черноклён, Циплиевский кут. А в конце XII – начале XIII в. здесь появляются памятники, в большинстве которых погребения опять совершены по обряду кремации, но, в отличие от погребений VIII–X вв., они совершены под курганными насыпями (в обряде этих памятников наблюдается большое разнообразие, вот некоторые из них: под насыпями прослежены как кольцевые выкладки из камня, так и просто завал камня над погребением или около него). Эти могильники сосуществуют с могильниками с обрядом ингумации. Надо сказать, что в некоторых насыпях вместе с кремацией встречаются одновременные погребения, совершенные по обряду ингумации (в большинстве своем это детские погребения, дальнейшее изучение этих памятников возможно может дать нам новые знания о социальной расслоенности населения, оставившего эти памятники).

Все правобережье Кубани в XII–XIII вв. занято половцами, которые оставили многочисленные курганы и погребения, впущенные в более древние насыпи.

В XIV в. обряд кремации на изучаемой территории в очередной раз исчезает. На его смену приходят так называемые памятники Белореченского типа, среди погребального обряда которых также наблюдается большое разнообразие, что, по видимому, говорит о смещении средневекового населения, а вместе с ним и их обрядов.

НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ

История развития копья – это история трансформаций, скрещивания и мутаций всевозможных типов наконечников.

Копья, происходящие с рассматриваемой территории, состоят из древка и железного наконечника, состоявшего в свою очередь из пера, т.е. «клинка», трубки (тулеи) или втулки, куда вставлялось древко, шейки – самой тонкой части между тулей и пером. Железная оковка на конце древка – вток (подток), служившая для упора в землю, по всей видимости, при необходимости могла нести и колющие функции.

Для крепления наконечника к древку в тулее обычно делалось одно или несколько круглых отверстий, в которые вбивались гвоздики.

Следует сказать, что древки почти не сохраняются (только труха в тульях).

К сожалению, металлографического анализа средневековых наконечников копий сделано еще мало. Исследовано всего два экземпляра с могильника Дюрсо. Один наконечник откован из пакетированного металла: из полос железа и малоуглеродистой стали. Второй откован из железной заготовки и впоследствии подвергнут поверхностной цементации (Розанова, Терехова, 2004. С. 54).

Металлографическое исследование наконечников ранне-железного века на данной территории уже проведены и дали интересные результаты (Терехова, Хомутова, 1985. С. 30; Алексеева, Розанова, Терехова, 1994. С. 173, 174; Малышев, Розанова, Терехова, 1999. С. 8–11; Новичихин, Розанова, Терехова, 2001. С. 3–14). Было бы очень важно проследить, существовала ли традиция кузнечного ремесла в средневековье, которая своими корнями уходит в более раннюю эпоху.

Судя по расположению копья (древнерусские материалы) в могиле и размерам погребального сооружения, обычная длина копий равнялась 180–200 см, у кавалеристов они могли дости-

гать в длину до 300 см (Кирпичников, 1966. (II) С. 9). По нашим материалам пока трудно судить о размерах копий на данной территории.

Рассмотрим этапы изучения раннесредневековых копий Европы.

Копья X–XI вв. впервые были собраны и рассмотрены И. Хампелем, им было исследован 51 наконечник (Hampel, 1905. S. 179–183). Позднее на материале скандинавских стран систематизация копий X–XI вв. была проведена Я. Петерсоном (Petersen, 1919). В исследованном материале наконечников с территории Польши Анджея Надольского числится уже 172 экземпляра. Они разделены им на 9 типов (Nadolski, 1954). Разделил 67 наконечников IX–XIV вв. с территории Словакии на 8 типов А. Руткаш (Ruttkay, 1975. I. S. 119–216; 1976. II. S. 245–395).

Огромный материал, 754 наконечника IX–XIII вв. с территории Древней Руси собрал и обработал А.Н. Кирпичников. Копья разделены исследователем на 7 групп, которые в свою очередь разделены на подгруппы (Кирпичников, 1966. (II) С. 5–25).

Наконечники X – начала XIII в. с территории Волжской Булгарии исследовал И.Л. Измайлов, при классификации использовано 82 наконечника, которые разделены на шесть типов (Измайлов, 1997. С. 56–76).

47 наконечников копий, происходящих с памятников аланской культуры Северного Кавказа I–XIII вв., разделены на 3 отдела и 10 типов В.Н. Каминским (Каминский, 1992). Судя по количеству материала, относящегося к большому хронологическому отрезку, этот вид оружия не был широко распространен в аланской среде, или его не принято было помещать вместе с умершим в погребение. Существует также точка зрения, выработанная на иных материалах и землях, о том, что наконечник считался, как и топор, у многих народов признаком высшего сана и сопровождал в могилу только представителей знати (Ковач, 1980; Могильников, 2002. С. 106).

В собранный нами материал вошло 80 наконечников, датирующихся VIII–XIV вв. 31 наконечник происходит из погребений с различными обрядами кремации на стороне (грунтовые урновые, грунтовые безурновые, подкурганые в урне). 21 наконечник – из погребений с различными обрядами ингумации (грунтовые, подкурганые, подкурганые в ящиках). Остальные наконечники (28 экз.) происходят из сборов на тер-

ритории этих же могильников, они найдены в насыпи курганов или на площади могильника. Один наконечник (79) обнаружен в насыпи кургана Карагодеуашх у г. Крымска в комплексе с удилами. И еще один (41) — с территории Гатлукаевского городища.

Судя по археологическому материалу, население, занимавшее исследуемую территорию в рассматриваемый период, широко пользовалось этим видом оружия.

По характеру насада все рассматриваемые наконечники втульчатые. Черешковых наконечников копий на этой территории в данный период не обнаружено¹.

В 13 случаях удалось проследить местоположение наконечника копья в могиле относительно погребенного. В 9 случаях (7, 10, 23, 24, 44, 45, 48, 72, 78) копьё лежало слева от погребенного. В семи из них оно обнаружено у головы, в одном (55) наконечник копья был направлен острием в сторону ступней: наконечник лежал у ног. Расположение одного копья (51) непонятно. Погребение в каменном ящике, где совершено захоронение трех человек, а наконечник лежал слева у тазовых костей, скорее всего было смещено во время последующих подзахоронений. В четырех случаях (1, 2, 50, 56) наконечник лежал справа от погребенного, в трех из них он лежал у ног (острием к ступням), в одном у бедра (56).

Положение у бедра, возможно, можно объяснить тем, что целое копьё не могло втиснуться в могильную яму — чтобы уместить его туда, надо было сломать древко на две или более частей. Вполне возможно, его поломка могла быть связана с какими-то верованиями и обрядами (Tettamanti, 1975. Old. 109–111). Существует мнение, что некоторые кочевые народы втыкали копьё в могилу, а длинное древко играло роль могильного знака. Я. Харматта собрал данные относительно копий и флагов, играющих роль отметки могилы или извещающих о болезни, сделав при этом ряд ценных этнографических наблюдений (Harmatta, 1946–1948. S. 369–373).

Перейдем теперь непосредственно к рассмотрению самих наконечников копий.

Так как важнейшей частью наконечника копья, на мой взгляд, является его перо, для выявления типов наконечников

¹ Отметим, что крепление черешковых наконечников было менее прочным, нежели у втульчатых, а в изготовлении они были менее трудоемкими.

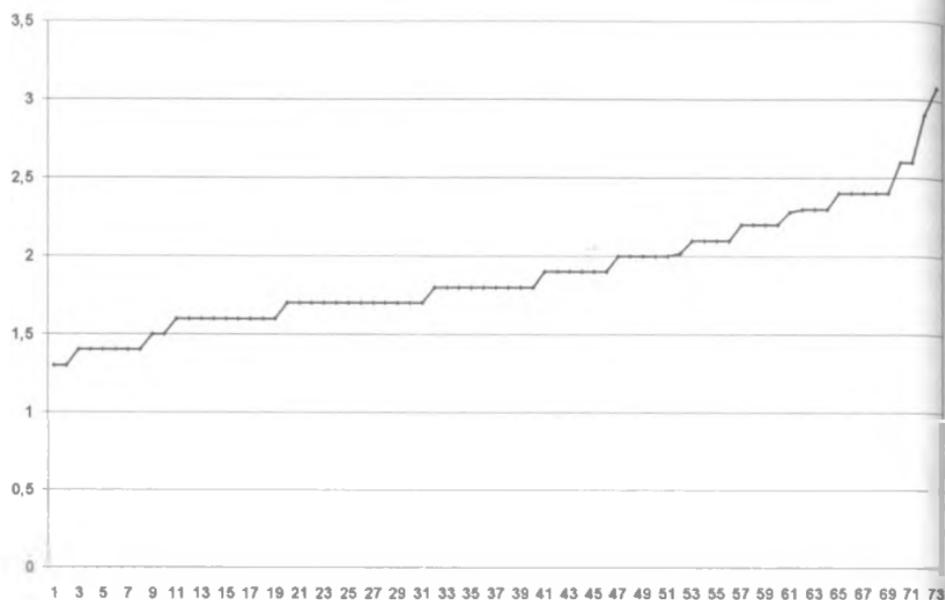

График III. График распределения типов наконечников копий

X — соотношения длины наконечника к длине пера

Y — количество наконечников копий

копий общая длина наконечника была разделена на длину пера (*соотношение длины наконечника к длине его пера*) (приложение 2). Затем программа Microsoft Excel распределила получившиеся результаты на три группы: от 1 до 1,5 — тип I; от 1,5 до 2 — тип II; от 2 и выше — тип III (график III). По форме пера копья разделены на подтипы.

Тип I (табл. XXI, 1–8). Представлен восьмью экземплярами, соотношение общей длины наконечника и длины пера которых составляет не более 1,5.

Подтип А. К нему отнесен всего один экземпляр (1). Наконечник из погребения начала XIII в. курганного могильника Дмитриевский. Это длинная пика (36,8 см) с острым, длинным пером (24,8 см), шириной 1,5 см сечением подквадратной формы и короткой, 12 см, довольно массивной втулкой диаметром в 4 см.

Наконечник был найден в богатом половецком погребении. Погребенный был одет в шлем, кольчугу с нагрудными позолоченными бляхами, наручи, поножи, слева от погребенного лежала сабля, колчан со стрелами, лук и большое количество иного инвентаря. Погребение датировано концом XII — пер-

вой третью XIII в. (Кочкаров, 2004. С. 94–106). Наконечник с такими параметрами найден в Житомирской области и датируется XII – первой половиной XIII в. (Кирпичников, 1966. (II) Табл. IV, 11). Похожие на экземпляр из Дмитриевского могильника наконечники использовали Черные клобуки (Плетнева, 1973. С. 71, 79, 92, и др.). Такие наконечники были известны населению Волжской Булгарии во второй половине XII – XIII в. (Измайлов, 1997. С. 58–60. Рис. 35, 1). Таким образом, наконечник можно датировать XII–XIII вв.

Подтип Б. Также представлен одним экземпляром (2). Наконечник найден в грунтовом могильнике у ст. Старокорсунской в погребении № 24. Это также пика с длинным (27,6 см) подтреугольным в сечении пером с шириной у основания 2,3 см. Общая длина наконечника 36,9 см. Втулка массивная, конической формы, длина ее 9,3 см, диаметр 4,2 см.

Погребение датировано автором раскопок VIII–X вв., могильник он связывает с алано-болгарским населением Северного Кавказа (Каминский, 1981; 1992). Точных аналогий этому наконечнику мне пока неизвестно.

Подтип В. К нему отнесен один наконечник с вытянутым, подтреугольной формы пером (3). Найден в погребении № 5 могильника Андреевская щель, датирующемся XI – первой половиной XII в. Общая длина наконечника 28,5 см, длина пера 19,5 см, ширина в нижней наиболее широкой части (в месте перехода к шейке) 3,6 см. Длина втулки 9 см, диаметр 3 см.

Аналогичные наконечники в памятниках волжских булгар датируются X–XIII вв. (Измайлов, 1997. С. 68. Рис. 38). XI–XIII вв. датируются типичные наконечники Кельгининского могильника (Беляев и др., 1998. С. 140. Рис. 80, 12). Присутствуют аналогичные экземпляры и в Западном Поволжье в памятниках XI–XIII вв. (Белорыбкин, 2003. С. 134. Рис. 90). По мнению С.В. Святкина, среди мордовских племен наибольшее распространение они получают в XII–XIII вв. (Святкин, 2001. С. 29. Рис. 8, 34). Похожие наконечники, происходящие из древнерусских памятников, А.Н. Кирпичников датирует также XI–XIII вв. (Кирпичников, 1966. (II) С. 7. Рис. 1; С. 14).

Этот подтип встречается в комплексе вооружения предкавказских племен с XI и вплоть до XV в.

Подтип Г. В него вошло всего два экземпляра (4, 5). Это наконечники с узким вытянутым пером, ромбическим в сечении.

Длина наконечников достигает 26 см. Длина пера 18,5–19,5 см, ширина 2,2 см. Длина втулки 7–7,5 см, диаметр втулки 2 см.

Оба наконечника найдены на территории, занятой погребениями с обрядом ингумации, могильника Псекупс I. Один наконечник происходит из погребения (14), второй из подъемного материала (размытые погребения). Погребение датируется IX в. (Ловпаче, 1982).

Точных аналогий этим наконечникам мною не встречено. Похожие экземпляры есть на территории Волжской Булгарии в X–XIII вв. (Измайлов, 1997. С. 69. Рис. 39, 1). Известен подобный наконечник в Горном Алтае в материалах IX–X вв. (Худяков, 1986. С. 153. Рис. 8. С. 157). Вполне вероятно существование этого типа наконечников в узких рамках IX–X вв.

Подтип Д. Представлен одним экземпляром (6). Наконечник характеризуется пером ланцетовидной формы, ромбическим в сечении, плечики покатые, плавно переходящие во втулку. Общая длина наконечника 33 см, длина пера 23 см, ширина 2,8 см, длина втулки 10 см, диаметр 2,2 см. Наконечник происходит из подъемного материала могильника Молдавановский.

Копья этого типа встречены в могильниках средневековой мордвы, в частности в Кельгининском могильнике XI–XIII вв. (Беляев и др., 1998. С. 161; Святкин, 2001. С. 12, 9).

Представлены они в памятниках Неволинской культуры Приуралья в материалах конца I тысячелетия н.э. (Голдина, Водолаго, 1990. С. 144, 4, 5, 6).

Аналогичные наконечники копий встречаются и в древнерусских воинских погребениях X–XIII вв. (Кирпичников, 1966. (II) С. 7. Рис. 1)

Наконечники этого типа бытуют на изучаемой нами территории довольно долго: в пределах IX–XII вв.

Подтип Е. Представлен двумя экземплярами (7, 8). Это длинные наконечники с ромбическим в сечении пером. Длина наконечников соответственно 26,6 см и 26,2 см, ширина перьев 2 см и 2,2 см, длина перьев 18,2 см и 18 см, диаметр втулок 2,2 см и 2,5 см, длина втулок 8,4 см и 8,2 см.

Наконечники происходят из погребения № 69 с обрядом ингумации могильника Ново-Вочешский (30) и из подъемного материала с территории могильника Псекупс (43).

Аналогичные наконечники встречены в материалах VIII–XI вв. Пановского и Елизавет-Михайловского могильников сред-

нещтинской мордвы (Алихова, 1969. С. 93, 115, 121, 123); в погребениях № 51 Борковского могильника и № 54 Кузьминского могильников IX–XI вв. в Рязанском уезде Рязанской губернии (Альбом древностей мордовского народа, 1941. С. 44. Табл. XX). Они также встречены в материалах волжских болгар X–XI вв. (Измайлов, 1997. С. 57–76) и в древнерусских материалах IX–XIII вв. (Кирпичников, 1966. Табл. VII–IX). В небольшом количестве подобные наконечники встречаются у кимаков Верхнего Прииртышья IX–XI вв. (Могильников, 2002. С. 105).

Наконечники этого типа можно датировать VIII–X вв.

Тип II (табл. XXII–XXVII). В него вошел 46 экземпляра.

Подтип А, наконечники с удлинненно-треугольной формы пером. Представлен 3 экземплярами (9–11). Общая длина наконечников от 29 см (9) до 30,4 см (11). Длина пера от 14 см (9) до 18 см (11), ширина от 1,8 см (9), до 2,5 см (10), длина втулки от 12,4 см (11) до 15 см (9), диаметр от 2,4 см (11) до 3,5 см (10).

Все наконечники происходят из подъемного материала с территории могильника Молдавановка и из погребений с обрядом кремации могильников Псекупс и Казазово (Тарабанов, 1990; Пьянков, 1990. С. 158–164; Ловпаче, 1982).

Аналогии этим наконечникам встречены в Сухогомольшанском могильнике (Михеев, 1985. С. 118; Крыганов, 1989. С. 98–114).

Похожие наконечники встречены в материалах VIII–XI вв. Пановского и Елизавет-Михайловского могильников среднещтинской мордвы (Алихова, 1969. С. 93).

Встречены они в материалах Волжских Булгар X–XI вв. (Измайлов, 1997. С. 57–76) и в древнерусских материалах IX–XIII вв. (Кирпичников, 1966. (II) Табл. VII–IX).

В небольшом количестве подобные наконечники попадают у кимаков Верхнего Прииртышья IX–XI вв. (Могильников, 2001).

Все наконечники этого типа по аналогиям также можно датировать VIII–IX вв.

Подтип Б, к нему отнесены три экземпляра (12–14). Наконечники с довольно широким пером удлинненно-треугольной формы, массивной втулкой, длина от 10,5 см (14) до 18 см (12), диаметр от 2,2 см (14) до 3,7 см (12). Общая длина наконечников от 22,5 см (14) до 42,2 см (12), длина пера от 10,3 см (13) до 24,2 см (12), ширина от 3,3 см (14) до 4 см (12).

Наконечники происходят из кремационных погребений могильников Молдавановка (14) и Казазово (12, 13) (Тарабанов, 1990; Пьянков, 1990. С. 158–164).

Наконечники с близкими параметрами встречены в материалах Елизавет-Михайловского могильника VIII–XI вв., где они находились в ингумационных погребениях (Алихова, 1969. С. 91, 97, 129, 167). Аналогичные наконечники копий присутствуют в памятниках Западного Поволжья IX–XI вв. (Белорыбкин, 2003. С. 135). Похожие наконечники копий бытовали в IX–X вв. у кимаков (Худяков, 1986. С. 195–196).

Наконечники с немного более вытянутым, пером такой же формы, найдены в могильниках XI–XII вв. Мордовские парки и Стародевичье. Наконечники этого типа С.В. Святкин считает типичными охотничьими (Святкин, 2001. С. 26. Рис. 6).

В небольшом количестве присутствуют такие наконечники и в комплексе вооружения древнерусских памятников X–XIII вв. (Кирпичников, 1966. (II) Табл. IV). Как и копья из могильников Стародевичье и Мордовские парки, древнерусские экземпляры более вытянутые, чем копья подтипа IIБ.

В целом копья этого подтипа на исследуемой территории датируются VIII–X вв. и редко выходят за эти хронологические рамки.

Подтип В (2 экз.). Это копья с широким, пламевидной формы пером, общей длиной от 30 (15) до 30,8 см (16). К этому типу отнесено всего два наконечника (15, 16). Длина одного пера (16) около 18 см, длина второго (15) достигают 18 см, ширина 5 см (16) и 6 см (15), длина втулки 20 см (15), 13 см (16), диаметр 3 см (16) и 3,5 см (15).

Наконечники этого типа встречены на изучаемой территории только в одном могильнике – Молдовановское. Датируется могильник VIII–X вв. Наконечник № 15 найден в кремационном погребении с богатым набором оружия в комплексе с саблей, еще одним наконечником копья – пикой, топориком, кинжалом и набором из 10 наконечников стрел (7 с плоской формы пером, 3 – трехлопастные). В погребении лежал и колчан, от которого сохранился колчанный крюк. Возможно, там находился и лук, деревянные и костяные детали которого не сохранились после кремации.

Второй наконечник происходит из сборов с территории могильника. Скорее всего из разрушенного кремационного погребения.

Абсолютно аналогичные наконечники были найдены в бассейне Северского Донца в могильнике VIII–X вв. Сухая Гомольша в нескольких захоронениях: в комплексе XVI, где, кроме такого же наконечника, находились еще одна пика и боевой топорик; в погребении № 252 с пикой, саблей, боевым топориком, 9 наконечниками стрел, деталями колчана; в погребении № 175 с пикой и топором (Михеев, 1985. С. 118–120; Крыганов, 1989. С. 98–114).

Почти аналогичные наконечники есть в погребениях Неволинской культуры Приуралья, датирующихся VII–IX вв. (Голдина, Водолаго, 1990. С. 144. Табл. XLVII, 7). Наконечник со схожими формами и размерами обнаружен с еще одним наконечником копья и топориком в погребении № 137 Пановского могильника VII–X вв. в бассейне среднего течения р. Цны (Алихова, 1969. С. 117. Табл. 21, 9).

Десять экземпляров, подобных этому типу, найдены в погребениях Кузьминского могильника. Как и наконечники с исследуемой территории, они довольно массивные и в длину превышают 30 см (Альбом древностей мордовского народа, 1941. С. 44. Табл. XX. С. 88).

Похожие наконечники А.Н. Кирпичников относил к типу IIIA, и определял период их существования XI–XIII вв., но подчеркнул, что предшественники этих копий относятся к VIII–IX вв. и отличаются от поздних экземпляров более скошенными ребрами пера (Кирпичников, 1966. (II) С. 13). Об этом мы еще скажем ниже.

Наконечник меньших размеров (почти вдвое), но с такой же формой пера обнаружен в погребении 4 могильника Ясеновая поляна, датирующемся более ранним временем VI–V вв. до н.э. (Дитлер, 1959). Идентичные наконечники были широко распространены на нашей территории в то время и бытуют вплоть до изучаемого времени.

Очевидно, их можно считать предшественниками наконечников подтипа IIВ. Тогда сформировалась форма пера, которая дожила до VIII–IX вв. По-видимому, изначально эти наконечники использовались против тяжеловооруженных воинов, защищенных панцирной броней.

Судя по аналогичным находкам с сопредельных территорий, наконечники подтипа IIВ были достаточно широко распространены в памятниках Восточной Европы VIII–IX вв. Характерно, что большинство из них найдены, как предпола-

гают некоторые исследователи, в генетически близких друг другу могильниках (Дмитриев, 1978. С. 48–49; Пьянков, 1990. С. 158–164 и др.). В более поздних материалах они встречаются редко, хотя это уже не тот тип наконечников: они, как уже говорилось, заметно отличаются от своих предшественников (Кирпичников, 1966. (II) С. 13).

Подтип Г (17–20). Это наконечники с широким, листовидной формы пером, линзовидным в сечении. Длина наконечников колеблется от 18,7 см (20) достигая 29–30 см (17, 18); длина пера от 9,5 см (20) до 17 см (18), ширина от 2, 2 см (20) и до 5,5 см (18); длина втулки 9,2 см (20), достигает 13 см (18), диаметр втулки от 1, 9 см (20) и до 3,2 см (18).

Наконечники, отнесенные к этому типу, встречены в кремациях могильников Молдавановка (18), Черноклен (20), погребениях с обрядом ингумации могильников Циблиевский кут (17) и в подкурганном захоронении, расположенном на землях завода «Сатурн» в Северском районе Краснодарского края (20).

Авторами раскопок могильник Молдавановка датируется VIII–X вв. (Пьянков, Тарабанов, 2004. С. 275–293). Могильники Циблиевский кут и Черноклен датируются соответственно XI–XII вв. и XIII в. Последний наконечник датируется XIV–XV вв. (Тарабанов, 1985).

Аналогии наконечникам этого типа встречены в погребении № 45, совершенному по обряду ингумации, Елизавет-Михайловского могильника (Алихова, 1969. С. 133). Могильник датируется довольно широко – VIII–XI вв. Встречен наконечник с такими параметрами и в погребении № 248 Кельгининского могильника, также с обрядом ингумации XI–XIII вв. (Беляев и др., 1998. С. 130. Рис. 70, 15). Подобные наконечники известны в Волжской Болгарии с VIII–IX вв. вплоть до XI–XIII вв. (Измайлов, 1993. С. 86. Рис. 3, 1; Он же, 1997. С. 67). Встречаются они и в материалах южнорусских степей (Федоров-Давыдов, 1966. С. 24). А.Н. Кирпичников датирует аналогичные наконечники из древнерусских памятников X–XI вв. (Кирпичников, 1966. (II) С. 14–15. Табл. 9).

Исходя из аналогий наконечникам подтипа IIIГ, мы видим, что они распространены на большой территории и хронологически весьма широко датируются с VIII по XIV в.

Подтип Д. Представлен 12 экземплярами (21–32). Этот подтип характеризуется наконечником с ромбовидным в сечении пером, достигающим в длину от 13,5 см (30) до 20 см (23), ши-

риной от 1,5 см (29) до 2,9 см (21). Длина наконечников варьирует от 28,5 (26) до 29,5 см (24). Наконечники оснащены довольно массивными втулками, длина которых колеблется от 10,5 см (23) до 14 см (21), диаметр втулки от 2,5 см (31) до 3,8 см (27).

Семь наконечников происходят из погребений, совершенных по обряду кремации: Молдовановский (30), Казазово (21, 25, 31, 32), Дюрсо (28), Керченская щель (72). Три наконечника из погребений с обрядом ингумации могильников Ново-Вочепшийский (23, 24), Колосовка (22), Борисово (57). И один наконечник из подъемного материала могильника Молдовановский (27).

Наконечники из могильников Казазово, Колосовка, Ново-Вочепшийский датируются VIII–IX вв. (Пьянков, 1990. С. 158–164; Дмитриев, 1978. С. 48–49; Он же, 1979. С. 52–57; Он же 2003. 200–207; Дитлер, 1959; Он же, 1961. С. 150–187; Носкова, 2002. С. 169–187).

Аналогии наконечникам этого подтипа мы находим в материалах Сухогомольшанского могильника и в других памятниках Подонья (Михеев, 1985. С. 117. Рис. 8; С. 121. Рис. 12; Крыганов, 1989. С. 98–114). Близкие типологически наконечники встречаются на территории селища Крутолатка в Пензенской области в материалах X – начала XI в. (Винничек, 2001. С. 127).

Подобные наконечники использовались населением, оставившим Золотаревское поселение – X–XIII вв. (Белорыбкин, 2001. С. 146. Рис. 86).

Присутствуют они и в погребениях Пановского могильника VIII–XI вв. (Алихова, 1969. С. 93). Наконечники этого типа распространены в древностях средневековой мордвы XI–XIII вв. (Беляев и др., 1998. С. 76).

Подобные наконечники встречены на территории современной Венгрии. Л. Ковач считает, что этот тип копий единственный из всех, который венгры, возможно, принесли с собой на Дунай (Ковач, 1980).

Такие же наконечники были в ходу и у населения Волжской Булгарии X–XIII вв. (Измайлов, 1997. С. 56–76), известны они в комплексе вооружения воинов древнерусского государства (Кирпичников, 1966. (II) С. 15–17).

Таким образом, наконечники подтипа ПД в основном бытуют на данной территории и в соседних с нею областях в памят-

никах VIII–IX вв., использовались они и в более позднее время (X–XIII вв.) (26).

Подтип Е представлен 10 экземплярами (33–42), ему характерны длинные, почти пиковидные перья, ромбовидные в сечении. Длина наконечников варьирует от 17 см (40) до 34 см (33). Длина пера наконечников от 10 см (40) до 21 см (33), ширина от 1,6 см (40) до 3,5 см (36), длина втулки от 6,5 см (40) до 16 см (36), диаметр от 1,7 см (40) до 4,2 (37).

Половина отнесенных к этому подтипу наконечников происходят из могильников VIII–IX вв.: Дюрсо, Молдавановка, Колосовка, Псекупс, с территории Гатлукаевского городища (34, 35, 37, 38, 41) (Дмитриев, 1979. С. 52–57; Он же, 2003. С. 256; Пьянков, Тарабанов, 1998. С. 18–32; Пьянков, Тарабанов, 2004. С. 275–293; Дитлер, 1961. С. 150–187). Шесть наконечников – из погребений, совершенных по обряду кремации, остальные из подъемного материала могильников этого же времени (36) и более поздних (XI–XIII вв.): Южная Озерейка, Андреевская щель, Черноклен (33, 39, 40, 42).

Аналогии этим наконечникам встречены в Сухогомольшанском могильнике (Михеев, 1985. С. 118. Рис. 9; С. 120. Рис. 11; Крыганов, 1989. С. 98–114).

Весьма сходный с экземпляром из Дюрсо наконечник лежал в погребении № 175 могильника Сухая Гомольша, также совершенном по обряду кремации, и найден в комплексе № XVI этого же могильника (Михеев, 1985. С. 118. Рис. 9; С. 120. Рис. 11).

Похожие наконечники встречены в материалах VIII–XI вв. Пановского, Елизавет-Михайловского могильников среднецининской мордвы (Алихова, 1969. С. 93, 115, 121, 123).

В погребениях № 51 Борковского могильника и № 54 Кузьминского могильника IX–XI вв. в Рязанском уезде Рязанской губернии (Альбом древностей мордовского народа, 1941. С. 44. Табл. XX).

Встречены они в материалах Волжских Булгар X–XI вв. (Измайлов, 1997. С. 57–76) и в древнерусских материалах IX–XIII вв. (Кирпичников, 1966. (II) Табл. VII–IX).

В небольшом количестве подобные наконечники попадают у кимаков Верхнего Прииртышья IX–XI вв. (Могильников, 2002. С. 105).

Все наконечники этого типа по аналогиям в основном можно датировать VIII–IX вв. Исключение составляет наконечник

из погребения № 44 могильника Черноклан (42), датирующий-ся XII–XIII вв. (Пьянков, 1988).

Подтип Ж, к этому подтипу отнесено семь экземпляров с удлинненно-треугольным пером (43–49), с четко выраженными плечиками и, как правило, с длинной, расширяющейся книзу втулкой, длиной от 10,5 см (48) до 15,5 см (44), диаметр от 2,5 см (43, 48) и до 3,4 см (44). Длина наконечников колеблется от 22,5 см (48) до 31 см (44). Длина пера от 12 см (48) до 18 см (46), с шириной от 3 см (49) до 4 см (45, 48).

Наконечники этого типа найдены в погребениях, совершенных по обряду ингумации (43, 45, 48, 49), или происходят из подъемного материала могильников VIII–X вв. (Дмитриев, 2003. С. 200–2006; Пьянков, Тарабанов, 2004. С. 275–293).

Исключение, возможно, составляет наконечник из размытого погребения могильника Чишхо (44), датирующегося более поздним временем — X–XIV вв.

Более точной датировки этому наконечнику пока нет.

Аналогичные наконечники копий хорошо представлены в погребениях Второго Старобадиковского могильника VII–IX вв. (Петербургский, 1987. С. 50–78), в материалах Пановского и Елизавет-Михайловского могильников VIII–XI вв. (Алихова, 1969. С. 97, 139 и др.).

Подобные наконечники в небольшом количестве известны в материалах кимаков Прииртышья VIII–X вв. (Худяков, 1986. С. 195–196).

Они входят в комплекс вооружения воинов, похороненных в могильнике XI–XII вв. Татарская Лака II в Примокшанье (Белорыбкин, 2001. С. 146; он же, 2003. С. 131–138), в материалы Кельгининского могильника X–XIII вв. (Беляев и др., 1998. С. 128), встречаются в памятниках неволинской культуры в погребениях конца VII–IX вв. (Голдина, Водолаго, 1990. С. 144. Табл. XLVII, 1).

Наконечники с идентичными параметрами есть и в более поздних материалах Среднего Поволжья (Святкин, 2001. Рис. 7). Широко распространены типологически близкие наконечники и среди древнерусского вооружения IX — начала XI в. (Кирпичников, 1966. (II) С. 7. Рис. 1). Использовались они и копейщиками Волжской Булгарии в X–XIII вв. (Измайлов, 1997. С. 68. Рис. 38).

Судя по аналогиям, наконечники подтипа ПЖ можно датировать в Предкавказье VIII–X вв. Этому не противоречит и весь остальной инвентарь погребений в целом.

Подтип 3. Представлен восемью экземплярами (50–57). Наконечники характеризуются пером ланцетовидной формы, ромбическим в сечении, плечики покатые, плавно переходящие во втулку. Длина наконечников от 18 см (54) до 31,1 см (50), длина пера от 11 см (54) до 18 см (57), ширина от 1 см (53) до 2,3 см (54), длина втулки от 7 см (54) до 15,1 см (50), диаметр от 1,5 см (54) до 3 см (50).

Из погребений происходит шесть наконечников (55, 56, 50, 51, 52, 53). Все шесть из подкуранных ингумационных захоронений могильников Менгрельская, Первомайский (погребения датируется X–XIII вв.), Кабардинский, могильник на горе Сапун у г. Новороссийска (53), которые датируются исследователями XI–XIII вв., а могильник Кабардинский – XIII–XIV вв. (Савченко, 1989; Носкова, 1992. С. 60; Волков, 1999; Дмитриев, 2003. С. 216–224.). Остальные наконечники были собраны с территории могильников Псекупс (54) и могильника Казазово (57).

Копья этого подтипа встречены в могильниках средневековой мордвы, в частности в Кельгининском могильнике XI–XIII вв. (Беляев и др., 1998. С. 161; Святкин, 2001. С. 12, 9). Представлены в памятниках Неволинской культуры Приуралья в материалах конца I тысячелетия н.э. (Голдина, Водолаго, 1990. С. 144, 4, 5, 6). Аналогичные наконечники копий встречаются и в древнерусских воинских погребениях X–XIII вв. (Кирпичников, 1966. С. 7. Рис. 1), есть они у Волжских Булгар в X–XIII вв. (Измайлов, 1997. С. 68. Рис. 38). В Западном Поволжье похожие наконечники бытуют в памятниках XI–XIII вв. (Белорыбкин, 2003. С. 134. Рис. 90).

Наибольшее распространение такие наконечники получают в XII–XIII вв. среди мордовских племен (Святкин, 2001. С. 29. Рис. 8, 34).

Наконечники этого подтипа бытуют на изучаемой территории довольно долго, в пределах IX–XII вв., изредка попадаясь в комплексах вооружения местных племен вплоть до XIV в.

Тип III (табл. XXVIII–XXX). В него включено 23 наконечника.

Подтип А представлен 11 экземплярами (58–68). Это наконечники с коротким (от 10 см (68) до 16 см (65)) пером, ромбовидным в сечении. Длина наконечников от 23 см (68) до 37,2 см (66). Наибольшая ширина пера наконечников этого типа находится у основания пера, она колеблется от 1,6 см (66)

до 3,9 см (68). Длина втулки — от 13 см (68) до 24 см (58), диаметр от 1,9 см (67) до 3,9 см (68). В исторической литературе подобные наконечники называются пиками.

Все наконечники этого подтипа происходят из трех могильников: Дюрсо, Казазово и Молдовановка. Найдены в погребениях, совершенных по обряду кремации, датирующихся VIII–X вв. (Дмитриев, 2003. С. 256; Пьянков, Тарабанов, 2004. С. 275–293).

У большинства наконечников этого подтипа у втулки имеется дополнительная железная оковка, предназначенная для крепления наконечника к древку. Один наконечник (58) оснащен еще и колечком, надетым на тулово, скорее всего, для ношения «кисти», которую, как известно, делали из конских волос, а зачастую и какого-нибудь другого материала.

Почти аналогичный наконечник найден в Сухогомольшанском могильнике на Северском Донце (погребение № 252). Наконечник был найден в комплексе с саблей, топором, еще одним наконечником пламевидной формы и 9 наконечниками стрел. Погребение датировано В.К. Михеевым, как и весь могильник, VIII–IX вв. (Михеев, 1985. С. 121).

Похожие наконечники копий известны в могильниках Неволинской культуры в Приуралье. В целом культура датируется VI–IX вв. Наконечники происходят из погребений VIII–IX вв. (Голдина, Водолаго, 1990. С. 144. Табл. XLVII, 3, 5).

Как видим, наконечники подтипа IIIA в целом датируются VIII–IX вв. и, судя по всему, не выходят за эти хронологические рамки. В погребениях более позднего времени они не известны.

Подтип Б представлен 4 наконечниками (69–72). Этот подтип характеризуется пиковидным наконечником с ромбовидным и более «расплюснутым» в сечении пером, чем экземпляры подтипа IIE, достигающие в длину от 27,5 см (72) до 36 см (71), длиной пера от 10,5 см (70) до 16 см (71), шириной от 1,5 см (70) до 3 см (69), длина втулки от 11 см (72) до 17 см (70), диаметр втулки от 1,8 см (75) до 3,1 см (71).

Наконечники происходят из могильников Цемдолина, Мысхако, Молдавановка, Ново-Вочепшийский, только один наконечник найден в погребении, совершенном по обряду ингумации (72), остальные найдены или в насыпи кургана (40), или в процессе сборов подъемного материала с территории могильника (69, 71).

Близкие типологически наконечники встречаются на территории селища Крутолатка в Пензенской области в материалах X – начала XI в. (Винничек, 2001. С. 127). Подобные наконечники найдены и на Золотаревском поселении, датирующемся X–XIII вв. (Белорыбкин, 2001. С. 146).

Присутствуют они и в погребениях Пановского могильника VIII–XI вв. (Алихова, 1969. С. 93). Наконечники этого типа распространены в древностях средневековой мордвы и XI–XIII вв. (Беляев и др., 1998. С. 76). Такие же наконечники были в ходу и у населения Волжской Булгарии X–XIII вв. (Измайлов, 1997. С. 56–76), известны они и в комплексе вооружения воинов древнерусского государства XI–XIII вв. (Кирпичников, 1966. (II) С. 15–17).

Таким образом, наконечники этого подтипа распространены в основном в памятниках XI–XIII вв.

Подтип В. Представлен 5 экземплярами (76–80). Это наконечники пиковидной формы, ромбовидной в сечении. Длина достигает от 26 см (79) до 29,5 см (77), длина пера от 12 см (79) до 14,5 см (77), ширина от 1,9 см (79) до 2,2 см (12, 20, 31), длина втулки от 13,5 см (76) до 15,5 см (78), диаметр втулки от 2,3 см (23) до 3 см (79). Наконечники происходят из погребений с обрядом кремации могильника Казазово II (76, 77), Псекупс I (80), Ново-Вочепшийский (78), и один найден в насыпи кург. Карагодеушх (79). Могильники датируются VIII–X вв. Близкие типологически наконечники встречаются на территории селища Крутолатка в Пензенской области в материалах X – начала XI в. (Винничек, 2001. С. 127).

Присутствуют они и в погребениях Пановского могильника VIII–XI вв. (Алихова, 1969. С. 93). Наконечники этого типа распространены в древностях средневековой мордвы и XI–XIII вв. (Беляев и др., 1998. С. 76).

Такие же наконечники были в ходу и у населения Волжской Булгарии X–XIII вв. (Измайлов, 1997. С. 56–76), известны они и в комплексе вооружения воинов древнерусского государства (Кирпичников, 1966. (II) С. 15–17).

Подтип Г (табл. XXIX). Представлен тремя экземплярами (73–75). Наконечник характеризуются узколистным, ромбовидным в сечении пером. Длина наконечников от 16,5 см (64) до 28 см (69), длина пера от 6,7 см до 12,5 см (69), ширина от 1,5 см (64) до 2,3 см (69), длина втулки от 9,8 см (64) до 15,5 см (69), диаметр от 1,8 см (64) до 3,1 см (69). Все наконечники

происходят из материалов погребений VIII–IX вв. могильника Дюрсо.

Аналогии наконечникам подтипа IIIГ встречены в Сухогомольшпанском могильнике (Михеев, 1985. С. 118. Рис. 9; С. 120. Рис. 11; Крыганов, 1989. С. 98–114). Точных аналогий наконечнику № 64 мне не известно.

Наконечники этого подтипа датируются VIII–IX вв.

Как уже было сказано, некоторые копья имели железные оковки — насадки, с обратной стороны древка — втоки. В памятниках изучаемой территории с определенной степенью точности идентифицируются две такие оковки.

Одна оковка — вток (табл. XXI, 2; 2), найдена в кремационном погребении могильника Молдавановка в богатом погребении № 25, погребение датируется по богатому поясу VIII в. (Пьянков, Тарабанов, 2004. С. 275–293).

Вток железный, в виде сомкнутой конической трубочки, длина 6,6 см, диаметр 3 см.

Второй вток (табл. XXI, 2; 1) найден на территории разрушенного могильника Начерзий I у а. Начерзий. Вток железный, представляет собой также сомкнутую в виде конуса трубочку, длина 12 см, диаметр 3,8 см. Вещь датирована XII–XV вв. (Носкова, 1992).

Впервые, насколько мне известно, предположение о том, что эти оковки могли надеваться с обратной стороны на древко копья, выдвинул А.Ф. Медведев (Медведев, 1959. С. 121–191).

По своей сути втоки были многофункциональны. Во-первых, они, несомненно, на мой взгляд, предохраняли конец от механических воздействий, которые могли нести за собой порчу оружия. Во-вторых, железный вток легко входил в землю и служил для более крепкого «сцепления» с нею, когда пехота, «ощетинив» копья, стояла напротив конницы. Хорошим примером может служить русская фаланга эпохи Святослава, когда она, «ощетинившись копьями, отбивалась от византийцев» (Кирпичников, 1966. (II) С. 21). В-третьих, они вставлялись в кольцо на стремени для удержания флага (Кызласов, 1983. С. 38).

Скорее всего, втоки существовали во все периоды средневековья, но не все копейщики, возможно, могли себе позволить иметь их. Они в основном встречены в богатых погребениях и известны по многим памятникам Древней Руси (Медведев, 1959. С. 126, 129; Никольская, 1981. С. 255), Волжской Булгарии (Измайлов, 1997. С. 75; С. 64. Рис. 35).

Подведем некоторые итоги.

Как мы видим, подавляющая часть наконечников копий (61 экз. из 80) относится ко времени VIII–X вв., т.е. периоду существования салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата. Большинство наконечников представлены пиками – узкими острыми «перьями» разной длины (54 экз.), которые сосуществовали с наконечниками широкой пламевидной формы. Распространение пик большинство ученых связывают с тем, что в тот период широко распространились кольчуги. По мнению В.Н. Каминского, северокавказские аланы уже в IV–V вв. начали собственное изготовление кольчуг (Каминский, 1992).

Помимо Северо-Западного Предкавказья пики хорошо известны в Подонье и в Приуралье (Михеев, 1985. С. 121; Крыганов. С. 98–114; Голдина, Водолаго, 1990). Наконечники подтипа А позже VIII–X вв. уже не встречаются, возможно, что этот тип наконечников был распространен только среди одного этноса. Наконечники подтипов ПД, ПЕ, ПБ также широко распространены в это время, и лишь некоторые экземпляры доживают до XI–XII вв., а в XIII в. встречаются на рассматриваемой территории в единичных случаях.

Только в памятниках VIII–X вв. распространены широкие массивные наконечники пламевидной формы (табл. XXIII, подтип ПВ, подтип ПГ – 17, 18). Такие наконечники, по мнению ряда ученых, могли использоваться как на охоте для нанесения зверю большой и опасной раны, так и в бою (Кирпичников, 1966. (II) С. 13 и др.).

Пламевидность некоторых форм этих экземпляров А.Н. Кирпичников объясняет неоднократной заточкой, при которой лезвие со временем стиралось и приобретало эту форму. Этого, по мнению исследователя, не видно на более поздних цельносталльных копьях (Кирпичников, 1966. (II) С. 13).

Если верно предположение о том, что наконечники с широким пламевидным пером использовались как на охоте, так и против кавалерии, то они не могли так сильно тупиться, как при использовании против тяжеловооруженных воинов в кольчугах. В.Н. Каминский считал, что эти наконечники могли использоваться для борьбы с воинами в пластинчатых доспехах.

С появлением кольчуги, которая в VII в. полностью вытесняет пластинчатый доспех (Каминский, 1992), по-видимому, они

перестают выполнять основную свою функцию — разрезание жесткопластинчатых креплений. Со временем перо становится шире, втулка массивнее, и они приобретают тот вид, который мы видим в материалах рассматриваемого времени. Основной функцией наконечников этого типа была борьба не с всадником, а с его конем. Очевидно, об этом говорит тот факт, что они найдены в погребениях в большинстве случаев в воинских комплектах вместе с пиками. Такие наблюдения мы можем сделать и по материалам кремационных погребений Подонья (Михеев, 1985; Крыганов, 1989. С. 98–114). Наконечники, безусловно, служили разным целям. Для метания ни те, ни другие наконечники не пригодны, т.к. они довольно массивны и тяжелы. По-моему, только такие массивные наконечники могли противостоять кавалерии.

В VIII–X вв. распространены копья с широким подтреугольной формы пером (табл. XXVI). Эволюция этого подтипа хорошо видна на материалах XI–XIII вв. К этому времени (XI–XIII вв.) наконечники принимают более вытянутую и узкую форму пера, что также можно связывать с распространением кольчуги, которая в большом количестве появляется здесь, очевидно, с приходом на Северный Кавказ половцев.

Почти такая же трансформация происходит и с наконечниками подтипа IIГ — перо становится узким (с 5,5 см до 2,2 см), вытянутым, почти пиковидным (табл. XXIII).

Что касается наконечников с длинным узким пером и маленькой массивной втулкой (табл. XXI, 1, 2), то о них можно сказать, что это наиболее совершенный тип наконечника, предназначенного пробивать кольчугу. Пики, появившиеся в Восточной Европе в домонгольское время, приобретают такую форму, которая не меняется уже до конца средневековья (Труды ГИМ, 1948. С. 39. Рис. 7).

На рисунке 2 хорошо видно, что большая часть находок наконечников копий связана с левобережьем Кубани. На правобережье, по моим данным, их всего два экземпляра, один наконечник найден в погребении VIII–X вв., второй — в богатом половецком погребении XII–XIII вв. Большая часть находок наконечников копий сделана в погребениях VIII–X вв., совершенных по обряду кремации. Памятники, совершенные по этому обряду, сконцентрированы двумя группами. Одна группа расположена в районе современного города Краснодара, в районе водохранилища, вторая — в районе современного

Новороссийска, и только один могильник Молдавановский немного отстоит от Новороссийской группы. Большая часть могильников раскапывалась новостроечными экспедициями, и только масштабное изучение может выявить, если они есть и другие группы памятников этого типа. Но пока остается констатировать существование двух групп кремационных памятников.

Лишь 19 наконечников найдены в погребениях XI–XIII вв. Большая часть могильников этого времени тяготеет к Причерноморью. Памятники сконцентрированы в районе г. Новороссийска, Геленджика, Абинска и др.

ТОПОРЫ

Топор — одно из древнейших орудий человека. На протяжении тысячелетий он исправно служил ему как в хозяйстве, так и на поле брани. Топор ударно-рубящее оружие, в рассматриваемый период состоящее из металлической части с лезвием (собственно топора) и деревянной рукоятки — топорича.

Обычно исследователи различают три разновидности топоров: 1 — боевые, 2 — универсальные, которые могли использоваться как в рабочих целях, так и в качестве боевого оружия, 3 — собственно рабочие топоры, применение которых на войне вызывалось чрезвычайными обстоятельствами (Кирпичников, 1966. (II) С. 29; Ковач, 1980; Измайлов, 1997. С. 77).

Универсальность топоров заключена в том, что, изменяя форму и размер самих топоров и длину их топорича, можно создавать различные варианты этих инструментов, как специализированные, так и многофункциональные. Длина рукоятей у боевых древнерусских топориков составляла в среднем от 60 до 100 см (Алешковский, 1960. С. 77). В прекрасном состоянии находилась рукоять топорика из раннесредневекового погребения 95 могильника Мощевая Балка в Карачаево-Черкесии. Длина его топорича равнялась 67 см, а диаметр — 2,5 см (Савченко, 1997).

При относительно большой массе и малой площади поражения боевые топоры имели значительную пробивную мощь. К несомненным преимуществам воинских топоров относится их универсальность: топоры могут использоваться в бою как против легковооруженного врага, так и против противника в тяжелом защитном вооружении.

Основным недостатком узколезвийных топоров было то, что лезвие при нанесении удара могло застрять, что, в конечном счете, приводило к обезоруживанию воина. Во избежание этого древние оружейники или максимально выдвигали лез-

вие топорика вперед и вниз (к рукояти), или уменьшали угол насадки топора (Святкин, 2001. С. 48).

Роль боевых топоров в отдельных средневековых обществах Европы и Азии была различна. В древностях одних земель их находки вполне обычны, в других — редки или очень редки. Погребения Северо-Западного Предкавказья, совершенные по обряду кремации, на протяжении длительного периода VIII–XIV вв. устойчиво отличаются относительной многочисленностью боевых топоров. Однако до сих пор нет специального исследования, обобщающего и систематизирующего эту важную категорию сопроводительного воинского инвентаря. Опыт такого изучения предлагается в настоящей работе.

В большинстве своем 46 учтенных в ней топоров обнаружены в погребениях (34 топора), 12 экземпляров получены в результате случайных сборов, в основном произведенных на тех же могильниках (приложение 3). Подъемный материал был привлечен, за редкими исключениями, из-за уникальности форм того или иного экземпляра. В связи с тем, что некоторые предметы еще не опубликованы и остались недоступны автору, рисунки их сделаны схематично, что не меняет общей картины систематизации материала.

Среди топориков, происходящих из погребений, лишь два обнаружены в могильниках с обрядом ингумации (приложение 3, № 5 и 46: Старокорсунском катакомбном (5) и Молдавановском (46)). Остальные экземпляры связаны с могилами, содержащими кремации.

Только в одном случае с топориком из Старокорсунского могильника (5), лежавшим при скелете, удалось отметить местоположение этого вида боевого оружия при погребенном. Топорик был помещен у правого локтевого сустава лезвием к скелету и, по-видимому, был обращен рукоятью к ногам. В случае с трупосожжениями проследить местоположение боевого топора при погребенном, естественно, было невозможно.

Десять топориков нашей серии имеют тот или иной орнаментальный декор. Два из них украшены по поверхности ударной части обушка двумя пересекающимися линиями, образующими крестик (табл. XXXIII, 22; табл. XXXVI, 41 и др.). Предназначение таких фигур пока не ясно, может быть, они были знаками мастеров, а возможно, имели и какое-то сакральное значение (об особых ритуальных топориках см.: Даркевич, 1961. С. 91–102). Пять топориков (табл. XXXI,

10; табл. XXXII, 14; табл. XXXIV, 28; табл. XXXV, 36) имеют от одной до трех рельефных бороздочек на подпроушной и надпроушной частях. О топорике из могильника Дюрсо (табл. XXIV, 29), имевшем тамгообразный знак на лезвии, я скажу немного ниже.

Четыре топорика имеют небольшие круглые отверстия на лезвии (табл. XXXI, 7; табл. XXXII, 13; табл. XXXIV, 29, 31). Мнения исследователей об их назначении различны. Полагают, что эти отверстия служили: 1) для подвешивания топорика; 2) для крепления его чехла; 3) магическим знаком, украшением (Алешковский, 1960. С. 77). А.Н. Кирпичников считает, что в дырочку продевался железный стержень, не позволявший топору слишком глубоко врезаться при ударе, или же в нее продевалась проволока, с помощью которой притягивался обратно брошенный топор (Кирпичников, 1966. (II) С. 29). На мой взгляд, правдоподобна мысль о предназначении дырочки для ношения чехла. В чехле, не боясь поранить ни себя, ни лошадь, топор можно было подвесить к поясу, к седлу, а дома и на стену. Остатки чехлов на лезвиях топоров сохраняются в древнерусских дружинных курганах (Самоквасов, 1908. С. 209). В одном случае к чехлу была прикреплена костяная обойма (Гроздилов, 1934), как считает автор, предохранявшая чехол от повреждений. Возможно, подобные детали в основном были деревянные и в погребениях не сохраняются. По-видимому, существовало несколько способов ношения боевых топоров, ведь только 4 из 46 учтенных топоров имеют эти отверстия. На одном из топориков (5) на лезвии сохранились следы льняной ткани, из которой был сшит чехольчик.

Верхние отломанные или поврежденные части лезвия топоров, каковые мы видим и в нашей серии (табл. XXXI, 5, 11; табл. XXXIV, 34; табл. XXXVI, 43), по мнению М.Х. Алешковского являются «доказательством их основного, военного назначения» (Алешковский, 1960. С. 77).

Перейдем теперь к более подробному рассмотрению материала.

Все рассматриваемые экземпляры имеют клиновидное продольное сечение. По форме топора находки разделены на 4 типа, по форме лезвия на подтипы, по форме обушков на варианты. Только три топорика по своеобразной неповторимости своих форм не были отнесены ни к одному из основных типов, поэтому каждый будет представлять отдельный тип.

Тип I (табл. XXXI) (11 экз.).

Подтип 1 (приложение 3, 1–6). Два варианта – А и Б.

Вариант А (4 экз.: 1–5). Топорики с удлиненным, треугольной формы лезвием, обушок плоский, оттянутый, прямоугольный в сечении. Общая длина колеблется в пределах 14 см (4), достигая 24,8 см (5). Длина лезвия от 7 см (4) до 13,2 см (5), ширина от 3 см до 3,7 см.

Топоры этой формы встречены в основном в аланских погребениях Северного Кавказа VIII–IX вв. (Каминский, 1992) и у донских алан в материалах Дмитриевского и других единовременных ему могильников конца VIII – IX в. (Плетнева, 1989, С. 75)

Вариант Б (1 экз.: 6). Топорик с удлиненным треугольным лезвием, обух которого представляет собой такое же лезвие, но более короткое, чем основное. Общая длина топора 21 см, длина основного лезвия 12 см и ширина лезвия 4 см. Двусторонняя форма оружия позволяла наносить удары как сверху, так и при движении руки снизу, как и бить в обе стороны, не вращая топор, без потери времени.

Такие топоры представлены в аланских погребениях VIII–IX вв. Северного Кавказа. В частности, они обнаружены в Карачаево-Черкесии в скальных погребениях VIII–IX вв. могильника Мошечая Балка. К X–XII вв. относятся находки на Нижнеархызском городище (Каминский, 1992; Савченко, 1997).

Секиры с топориком, как их называет Л. Ковач, встречаются в памятниках древних венгров. Они датируются X – началом XI в. Исследователь считает, что на территорию Венгрии они были принесены из восточноевропейских степей (Ковач, 1980).

Подтип 2 (5 экз.).

Вариант А (7–10) представлен топориками, лезвия которых имеют в плане подтрапециевидную форму, выделенную с одной (внутренней) стороны, с плоским удлиненным и прямоугольным в сечении обухом. Длина у всех четырех топориков стандартная – 19 см, ширина лезвия от 2,4 см (10) до 4 см (7, 9), длина от 9 см (8, 10) до 10,5 см (9). Топорики такой формы были удобны в пешем бою: благодаря так называемой «бородке» воин мог, по всей видимости, захватить оружие противника, а также оттянуть его щит.

Эти топорики также широко распространены в могильниках Северного Кавказа и Подонья. Датируются они там концом VIII—IX в. (Плетнева 1967. С. 156–161; Михеев, 1982. С. 120. Рис. 11; Плетнева, 1989. С. 74–76; Крыганов, 1989; Каминский, 1992).

Вариант Б (1 экз.: 11). Основное лезвие имеет в плане подтрапециевидную форму, выделенную с внутренней стороны клинка. Второе лезвие удлинено треугольной формы. Эти топорики уже могли совмещать в себе те боевые качества, которые были присущи топору варианту Б подтипа 1. Длина топорика 21 см, ширина лезвия 4,2 см, длина 9,7 см.

Такие топорики также были характерны северокавказским аланам и могут быть датированы VIII–IX вв. (Каминский, 1992).

Можно заключить, что боевые топорики типа I, как правило, встречаются в могильниках, оставленных аланским населением лесостепной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа в VIII–IX вв., что, по моему мнению, позволяет считать их типично аланским видом оружия. Позднее они попадают к соседям и, трансформируясь, приобретают новые формы, некоторые из которых известны в материалах средневековой Венгрии и Руси X–XIII вв. (Кирпичников, 1966. (II) С. 33–40; Ковач, 1980). Выясняя раннюю историю этой формы оружия, следует учитывать, что топорики, схожие с типом I, известны в лесостепной полосе и на Кавказе еще в скифскую эпоху и, по мнению Н.Я. Мерперта (Мерперт, 1951. С. 28), свое происхождение ведут с эпохи кавказской бронзы.

Тип II (табл. XXXII–XXXIII) (15 экз.). Топорики с оттянутым к топоричу лезвием и грибовидными обушками.

Подтип 1 (табл. XXXII) (12–20) — топорики с оттянутым овальным или круглым в сечении обухом, оканчивающимся молоточковидным (грибовидным) расширением. Общая длина топориков от 8 см (12) до 19,5 см (20), ширина лезвия от 2,2 см (12) до 4,2 см (19), длина лезвия от 4,5 см (12) до 11 см (20).

Это боевые топорики-чеканы¹, которые были широко распространены в Восточной Европе. Так, с VIII по XIII в. они бытовали у мордовских племен Среднего Поволжья (Святкин, 2001. С. 35–50), а у волжских болгар IX в. были основным типом рубящего оружия. Топорики-чеканы хорошо известны в материалах Западного Поволжья VIII–X вв. (Белорыбкин,

¹ По В.И. Далю, «чекан — ручное оружие, а встарь знак сана» (1935. С. 604).

2003. С. 125). По мнению И.Л. Измайлова, они попали в район Поволжья с «волнами тюрко-угорских племен из степных районов Евразии и Прикамья» (Измайлов, 1993. С. 89–103).

В большом количестве эти топорики представлены в материалах Древней Руси X–XIII вв. (Кирпичников, 1966. (II) С. 33–40), являются одной из самых частых находок в средневековых венгерских древностях (Ковач, 1980).

Благодаря своему молоточку-обушку, этот тип топоров мог использоваться средневековыми воинами не только в бою, но и во время походов, для починки снаряжения, когда обушок мог играть роль молотка. По мнению специалистов, в схватке такой обушок позволял наносить более точный, концентрированный удар (Измайлов, 1992. С. 90).

Подтип 2, вариант 1 (табл. XXXIII) (21–23) характеризуется овальным или подпрямоугольным в сечении обухом, оканчивающимся прямоугольным или квадратным молоточковидным утолщением. По форме лезвия ничем не отличаются от топориков предыдущего подтипа 1. Общая длина топоров от 9 см (23) до 11 см (22), ширина лезвия от 2,4 см (23) до 4 см (21) и длина от 4,2 см (23) до 7 см (22).

Прямые аналогии им встречены в трупосожжениях могильника Сухая Гомольша в Подонье конца VIII – IX в. Дмитриевском могильнике (Михеев, 1985. С. 119; Плетнева, 1989). Почти аналогичные топорики встречены в материалах IX–X вв. в Примокшанье (Белорыбкин, 2003. С. 136).

Подтип 2, вариант 2 (табл. XXXIII) (24–26). Лезвия этих топоров полностью аналогичны формам лезвий двух предыдущих подтипов, основное отличие – в форме обуха. Обушок у экземпляров этого варианта прямоугольный в сечении. Общая длина топоров от 14 см (24) до 16 см (25), ширина лезвия от 4 см (24) до 6 см (26), длина лезвия от 6,4 см (26) до 9 см (24, 25).

По мнению А.Н. Кирпичникова, топоры этого варианта (называемого исследователем типом I) известны в древнерусских материалах XI–XIV вв. (Кирпичников, 1966. (II) С. 33–40). В древностях Волжской Болгарии они датированы X–XI вв. (Измайлов, 1993. С. 89–103).

Похожие топорики найдены в Лагеревском курганном могильнике VIII–IX вв. в Приуралье. Появление топоров варианта 2 в этом регионе, по мнению В.А. Иванова, связано с влиянием алано-болгарского мира на материальную культуру местного населения (Иванов, 1987. С. 178–181).

Тип III (табл. XXXIV–XXXV) (14 экз.). Топорики с оттянутым (расширенным) лезвием и выемкой в лезвии ниже проуха.

Подтип 1 (табл. XXXIV) (27–34). Подтип характеризуется вытянутым обушком, всегда с грибовидным навершием. Длина топориков колеблется от 8 см (30) до 14,5 см. Ширина лезвия от 2,3 см (27) до 5,5 см (33), длина лезвия от 4,5 см (30) до 8 см (33).

Топорики этого подтипа, как и топоры предыдущих типов, были специализированным оружием воина-профессионала. В изучаемой серии особого внимания заслуживает топорик (29), происходящий из погребения 5 могильника Дюрсо близ Новороссийска. Могильник, как известно, разделен на четыре хронологические группы. Наш топорик найден в погребении четвертой группы VIII–IX вв. (погребения по обряду кремации) (Дмитриев, 2003. С. 203–204). Весь обушок и обе щековицы топорика орнаментированы зигзагообразными линиями. Такие зигзаги, изображенные на предметах вооружения, по мнению ученых, с глубокой древности являлись символом молнии, знаком бога молнии (Даркевич, 1961. С. 91–102). Зигзаги, изображенные на лезвии вдоль режущего края вершинами к режущей кромке лезвия, как бы символизировали направление удара, были направлены на врага. В данном случае они изображены не вдоль режущего края лезвия, а по боковым его сторонам. Топоры, как мы знаем, участвовали в магических обрядовых действиях, связанных с заклинаниями, служили оберегами, имели сакральное значение (Даркевич, 1961. С. 91–102; Каминский, 1992). Зигзаги, символизировавшие молнию, которая несет разрушение, горе, смерть тем, против кого она направлена, в нашем случае как бы отводили от хозяина топорика эти напасти. То, что эти знаки несут в себе какое-то заговорно-заклинательное воздействие, по моему, вполне вероятно. В любом случае, они являются первыми известными символами на подобном оружии изучаемой территории.

В центральной части лезвия этого же топорика изображен тамгообразный знак (Дмитриев, 2003. С. 204. Табл. 90, 14). Он, скорее всего, принадлежал умершему владельцу топорика (повидимому, знак и орнамент нанесены на лезвие при изготовлении оружия, металлографический анализ которого еще не сделан). Не будь так, топорик вряд ли положили бы в могилу. К тому же, традиции метить топоры какими-либо знаками, печатями или тамгами изготовлявших их мастеров, как это на-

блюдается на мечях или саблях (Кирпичников, 1966. (I)), мне не известно. Очевидно, есть все основания предположить, что это тамга хозяина топорика, а может быть, и целого племени, вождем которого он был. Орнаментированные топорики, по мнению ученых, служили знаками власти и входили в набор рыцарского вооружения (Кирпичников, 1966. (II) С. 33–35; Измайлов, 1993. С. 103).

В Подонье и Нижнем Поволжье топорики рассматриваемого подтипа появляются в VIII в. в могильниках с обрядом кремации (Кухаренко, 1951. С. 99–108). Примерно этим же временем, второй половиной VIII – IX в., они датируются по всему ареалу культуры Хазарского каганата (Тарабанов, 1983. С. 148–155). У болгар в Среднем Поволжье такие топорики встречены в несколько более поздних погребениях Танкеевского могильника IX – середины X в. (Казаков, 1971. С. 94–155).

В целом, судя по датам изученных комплексов и известным аналогиям, подобные формы топоров могут быть датированы VIII–X вв.

Подтип 2 (табл. XXXV) (35–39). Лезвие топориков этого подтипа массивнее и немного длиннее по сравнению с предыдущим подтипом, обушки вытянутые, оканчивающиеся утолщениями, в двух случаях (36, 39) грибовидными, а в трех (35, 37, 38) – подквадратными. Так называемая борода лезвия и образующаяся выемка у топориков этого подтипа находятся непосредственно под проушной частью. Общая длина топориков от 9 см (39) до 15,5 см (35), ширина лезвия от 3,6 см (39) до 5,6 см (36), длина лезвия колеблется от 5,5 см (39) до 8,8 см (26).

Похожие топорики-чеканы встречены в катакомбах Дмитриевского могильника VIII – начала X в. (Плетнева, 1989. С. 74–76). Типичные топоры обнаружены в погребениях Маяцкого могильника (Флеров, 1990. С. 140–192; Винников, Плетнева, 1998. С. 191. Рис. 77). Аналогии топорикам этого подтипа найдены в кремациях Сухогомольшанского могильника VIII–IX вв. (Михеев, 1985. С. 120). На непосредственную культурную близость этих памятников и их возможную генетическую связь обращали внимание многие исследователи средневековой истории Северного Кавказа и всей лесостепной полосы Восточной Европы (Дмитриев, 1978. С. 49; Михеев, 1982. С. 165; Плетнева, 1990. С. 83; Тарабанов, 1994. С. 58–59; Пьянков, Тарабанов, 1998. С. 18–24; Пьянков, Тарабанов, 2004. С. 280–281). Сходные по форме топоры есть в Пермском

Предуралье в материалах Плеснинского могильника (Белавин, 2000. С. 115–116).

В материалах Древней Руси аналогичного материала не встречено. Только ближе к XI–XIII вв. в материалах Волжской Булгарии и Руси появляются топорики, которые несут в себе традиции изготовления топоров этого подтипа. У них уже более массивное широкое лезвие и, в отличие от наших топоров, обушки с грибовидным утолщениями на концах.

В целом топорики этого подтипа на изучаемой территории можно датировать концом VIII – X в.

Подтип 3 (табл. XXXV) (40). Топорик имеет вытянутое лезвие и коротенький обушок-молоточек. Длина топора 12 см, ширина лезвия 5 см и длина режущей кромки 6,5 см. Топорик, несомненно, боевой, несмотря на его внешнюю схожесть с сельскохозяйственными орудиями труда. Об этом говорят его размеры, которые намного меньше, чем параметры рабочих топоров, длина которых, по данным А.Н. Кирпичникова (1966. С. 28), 15–20 см, а ширина лезвия 9–14,5 см. О боевом назначении топорика говорит и тот факт, что он был найден в богатом воинском погребении в комплексе с саблей, двумя наконечниками копий, кинжалом и набором наконечников стрел из 10 экземпляров. Находки датируются автором раскопок VIII–X вв. (Тарабанов, 1990).

К этому подтипу 3 топорик отнесен условно, поскольку форма его лезвия подобна остальным экземплярам этого подтипа (например № 39). Похожие топоры, но уже немного более позднего времени, X–XI вв., встречены в материалах Древнерусского государства (Кирпичников, 1966. (II) Табл. XVII).

Тип IV (табл. XXXVI) (41–43).

Представлен боевыми топорами с широким трапециевидным лезвием и вытянутым обушком, заканчивающимся молоточковидной, квадратной формы выпуклой шляпкой; на одном топорике (41) на шляпке сделана крестовидная нарезка. Длина топориков от 12 см (41) до 17,5 см (43), ширина лезвия от 6,7 см до 8 см (42), длина лезвия от 6 см (41) и до 8,9 см (43).

Топорики с почти аналогичным лезвием, но с обушками другой формы, по мнению А.Н. Кирпичникова, бытуют на территории Древней Руси в X–XIII вв. (Кирпичников, 1966. Табл. XII). Встречены похожие топоры и в материалах древних венгров IX–X вв. (Ковач, 1980). Подобный топорик есть в пог-

ребениях Игимского могильника на территории республики Татарстан, который датируется IX — началом X в. (Старостин, Казаков, Габяшев, 1973. С. 260–264). Древнейшие образцы этой формы обнаружены в аланских погребениях Северного Кавказа (Каминский, 1992) и на территории современной Башкирии в Стерлитамакском могильнике, датируемом исследователями VIII–IX вв. (Ахмеров, 1955. С. 153–176).

По классификации А.В. Крыганова (Крыганов, 1989. С. 104) топоры этого типа бытуют в материалах Восточной Европы в IX–X вв. Встречены они также и в Верхнесалтовском катакомбном могильнике (Бабенко, 1910. С. 135). IX–X вв. датирует топоры этого типа и Л.М. Носкова (Носкова, 2002. С. 169–187).

При учете наших материалов тип в целом датируется VIII–X вв.

Тип V (табл. XXXVI) (44).

Единственный экземпляр, отнесенный к этому типу, найден в могильнике Дюрсо близ Новороссийска в погребении 437. Топорик относится к так называемым топорам-алебардам (Ковач, 1980). Длинное лезвие плавно переходит в массивную шейку, проушина овальной в плане формы, обушок, по всей видимости, потерян в древности. Возможно, он был утрачен в бою или подвергся ритуальной порче, поскольку, по наблюдениям А.В. Дмитриева, кремационные погребения этого времени ни разу не были ограблены в древности (Дмитриев, 2003. С. 203–204).

Мне не удалось подыскать этому топорнику никаких аналогий, которые совпадали бы с ним по времени. В комплексе вооружения воинов средневековой Дунайской Болгарии есть похожий топорик с орнаментом, он датируется VII–XI вв. (Йотов, 2004. Табл. LI). Л. Ковач считает, что этот тип топоров является измененным на востоке вариантом алебард, имеющих западное происхождение. По его мнению, венгры познакомились с этим типом топоров уже в Карпатском бассейне. Точных аналогий ему нет и в древнерусских материалах. Топоры с трапециевидным лезвием А.Н. Кирпичниковым отнесены к типу II и датированы X–XI вв. Ближайшие аналогии этим топорам он видит в материалах Швеции, Польши, Латвии и Венгрии, но в Венгрии таких топориков, как уже говорилось, практически нет. Древнейшие аналогии экземплярам нашего типа А.Н. Кирпичников находит в материалах Северного Кавказа и Башкирии (материалах Стерлитамакского могильника). Но и

эти топоры — не совсем точная, по моему мнению, аналогия нашему топорнику. Автором раскопок топорик датируется VIII–IX вв. (Дмитриев, 2003. С. 203–204).

Тип VI (табл. XXXVI) (45).

Экземпляр, отнесенный к этому типу, найден на территории современной Адыгеи в Псекупском I могильнике с обрядом кремации, в погребении 21. У него прямоугольной формы лезвие, плавно переходящее в шейку с округлыми щекавицами. Обухок заканчивается грибовидным навершием. Длина топорика 14 см, ширина лезвия 4 см, длина лезвия 8,3 см. Точных аналогий топорнику найти не удалось, в том числе и в более поздних материалах Древней Руси, Волжской Болгарии, Венгрии. Единственный топорик, который мы можем условно назвать аналогичным, найден в воинском погребении у села Кочеток на Северском Донце в комплексе с наконечниками стрел и копьем. Погребение датируется VIII–IX вв. (Дегтярь, 1984. С. 239–243; Михеев, 1985. С. 123). Псекупский топорик тоже найден в комплексе с копьем близкой формы. Автором раскопок погребение датируется VIII–IX вв. (Ловпаче, 1982).

Тип VII (табл. XXXVI) (46).

Найден в ингумационном погребении 28 могильника Молдавановский. Лезвие топора узкое, закругленное, к проушине постепенно сужающееся. Обуха топор не имеет — здесь у него вторая рабочая часть — тесло, которое находится перпендикулярно плоскости лезвия. Бока проушины расширяют в форме щитков. Общая длина топора 17,5 см, ширина лезвия 4,5 см, длина 7,5 см, размер проушины 3 × 2,5 см, ширина тесла 3,5 см.

Топор найден в погребении в комплексе с двумя наконечниками копий, теслом и мотыгой и лежал поперек погребенного, между колен. Судя по направлению его лезвия, рукоять была обращена к правой руке умершего.

В.А. Тарабанов (1990) датирует погребение, как и весь могильник, VIII–IX вв., а обряд этого погребения он считает характерным для болгар-утругуров.

Для полноты картины укажу, что позднее X в. на изучаемой территории известна лишь одна находка аналогичного топора, происходящая из подъемного материала с территории могильника Южная Озереевка. Также случайно на средневековом могильнике в Цемесской бухте был обнаружен боевой топорик, который исследователи датировали ранним железным веком.

Находки топоров, как уже было сказано, в большинстве своем сделаны в кремационных могильниках, которые, как мы уже видели, на карте 2 составляют две группы: Новороссийскую и Краснодарскую. На карте 3 эти две группы показаны более ярко.

Подводя итоги изучению боевых топориков Северо-Восточного Предкавказья, можно сделать и некоторые предварительные выводы.

Во-первых, интерес представляет выявление на данной территории собственно аланского типа топоров (тип I), восходящего, возможно, к глубокой древности (к эпохе бронзы).

Во-вторых, явное преобладание в кремациях топоров с обушками (типы II, III, IV, V, VI) свидетельствует о существовании иной традиции изготовления и использования этого оружия, заметно отличающейся от аланской.

В-третьих, многообразие и изящество форм топоров, особенно обушковых, предполагает большое количество искусных кузнецов-оружейников, трудившихся в предгорьях и степях Восточной Европы.

В-четвертых, следует обратить особенное внимание на находку секировидного топорика (тип V), абсолютно не типичного ни для Предкавказья, ни для степной зоны. По-видимому топорик попал на территорию Северо-Западного Предкавказья вследствие военных или торговых отношений.

В-пятых, при анализе оружия, особенно орнаментированного, следует учитывать, что оно играло роль не только вполне реальную, но и сакральную. Это ярко подтверждается, как я пытался показать, топориком из Дюрсо и некоторыми другими экземплярами с крестовидными знаками на обушках. Дальнейшие находки и исследования, вероятно, приблизят нас к пониманию этих знаков.

КИНЖАЛЫ

Кинжал — обоюдоострое, короткое, клинковое, прямое или изогнутое оружие ближнего боя. Кинжалы, равно как и два предшествующих вида оружия, ведут свое происхождение с древнейших времен вплоть до палеолита.

В связи с малочисленностью находок кинжалов в средневековых памятниках, о них писали мало. В работе А.Н. Кирпичникова лишь упоминается существование на территории Древней Руси кинжалов (Кирпичников, 1966, (I) С. 72–73). Одной из самых значительных работ, посвященных этому виду оружия, является статья А.К. Амброза, вышедшая в «Советской археологии» в 1986 году (Амброз, 1986, С. 53–73). Статья посвящена так называемым кинжалам VI–VIII вв. с двумя выступами на ножнах, которые встречаются по всей Восточной Европе и Азии.

Всего с изучаемой территории мною учтено 10 экземпляров, происходящие из 6 могильников (приложение 4; карта 4), твердо датирующихся VIII–XIII вв. Кинжалы, датирующиеся второй половиной XIV – XV в., в этот материал не вошли.

Все кинжалы найдены в богатых погребениях в комплексе с саблями, боевыми топорами, наконечниками копий, наконечниками стрел, в одном случае (3) в погребении лежал кистень, один кинжал (10) был в погребении со шлемом и кольчугой.

Проследить местоположение кинжала относительно погребенного удалось только в одном случае (9), где он лежал у правой бедренной кости.

Восемь кинжалов происходят из погребений с обрядом кремации (Молдавановка, Казазово, Дюрсо, Борисовский), и два найдены в погребениях с обрядом ингумации (Бугундырь VI, могильник на землях колхоза «Рассвет»).

По форме кинжалы разделены на два типа: прямые и изогнутые.

Тип I, прямые (табл. XXXVII). Прямые, всего два экземпляра (9, 10), однолезвийные, железные кинжалы, с клиновидным

в сечении клинком, клинок и рукоять лежат в одной плоскости (приложение 4). Реконструируемая длина клинка от 16 см (10) до 22 см (9), длина черенка восстанавливается только у одного экземпляра (9), она равна 5 см, ширина пера 1,5 см (10) и 3,2 см (9). Оба кинжала не имеют перекрестий. Возможно, они просто не сохранились, но, скорее всего, их не было изначально.

Кинжал 10 имеет полурукоять, в которую могли помещать как нож, так и какой-нибудь оберег. Так, согласно карачаевской легенде, у одного из предводителей средневековых карачаевцев – Карчи, в полый рукояти кинжала находился лепесток «рододендрона», по которому он нашел землю своих предков (Батчаев, Стефанеева, 1969).

Типологически близкие клинки встречены в материалах Волжской Булгарии X–XIII вв. (Измайлов, 1997. С. 54). От экземпляров с исследуемой территории они отличаются тем, что не имеют отверстий на черенках для крепления деревянных или других (костяных) рукоятей. Они, вероятно, крепились каким-то иным способом (например, – деревянная рукоять насаживалась (набивалась) на рукоять или деревянные дощечки, возможно, перетягивались кожаной нитью или металлической проволокой).

Аналогичные клинки, но уже более позднего времени, которые не вошли в наш материал, присутствуют в погребениях так называемого Белореченского круга памятников (Левашова, 1953. С. 165–212). По всей видимости, эти кинжалы генетически связаны с кинжалами рассматриваемого времени. Семь из девяти кинжалов, найденных непосредственно в Белореченском могильнике, лежали слева от погребенного, и только один лежал справа, местоположение одного проследить не удалось. Для сравнения: ножи были найдены в 29 погребениях, причем два раза нож и кинжал лежали вместе.

Идентичные кинжалы присутствуют в памятниках у алтайских кимаков IX–XI вв. (Могильников, 2001. С. 104). Вообще, кинжалы в погребениях кимаков были довольно редким видом оружия, они встречены всего в двух комплексах (Могильников, 2002. С. 104).

Тип II, изогнутые (табл. XXXVIII). К этому типу отнесены шесть экземпляров (1–6). Спинка клинка слегка выпуклая, у пяти (1, 2, 3, 4, 5) экземпляров, *подтип А*, линия лезвия вогнута на протяжении от 4 см до 9,5 см, конец лезвия обоюдоострый. Стержень рукояти имеет заметный наклон в сторону лезвия.

Длина кинжалов не превышает 20 см, колеблясь от 15,5 см (1) до 19,3 см (3), ширина клинка — от 1,7 см (1, 3) до 2 см (4).

Подтип Б, к нему отнесены всего два экземпляра (6, 7), они также имеют слабовыраженный изгиб (изгиб меньше, чем у предыдущего типа), который придается ему за счет наклона рукояти и немного опущенного конца клинка. Линия лезвия почти прямая, клинок на всем протяжении однолезвийный. На клинке из Казазово II (6) с одной стороны клинок имеет два узких параллельных дола. Общая длина 17 см, длина лезвия 12,5 см, ширина клинка 1,8 см.

Параметры клинка из Борисовского могильника, к сожалению, мне не известны, но, судя по рисунку в публикации, он не имеет каких-либо существенных отличий от кинжалов этого типа. Рукоять у него также находится под наклоном по отношению к лезвию. Перекрестие напускное типа II.

Аналогии кинжалам этого подтипа встречены в могильнике у с. Тополи VIII–IX вв. (Кухаренко, 1951. С. 99–107. Рис. 30, 3; Крыганов, 1989. С. 98–114. Рис. 2, 17).

Идентичные кинжалы встречены в материалах Уйбатского чаатаса (Кызласов, 1981. С. 46–52; С. 136. Рис. 27, 28). На одном из изображенных кинжалов также имеется два дола. Датируются кинжалы VI–VII вв.

Аналогии кинжалам типа II, по всей видимости, можно видеть и на изображениях древнетюркских каменных изваяний (Евгюхова, 1941. С. 119–134).

В целом кинжалы типа I, судя по аналогиям и сопутствующему материалу, представляется возможным датировать XII–XIV вв. Тип II полностью датируется VIII–IX вв.

Кинжалы носились в деревянных ножнах, обтянутых кожей. Хорошо сохранились фрагменты деревянной основы ножен, которые сверху были обтянуты кожей, на клинке из могильника Бугундырь VI (9) (Анфимов, 1989). В погребении № 2 из могильника Молдавановский (1) ниже перекрестия кинжала лежала железная скоба для крепления ножен к портуpee. Изображение подобных скоб мы видим на древнетюркских каменных изваяниях (Худяков, 1986. С. 155. Рис. 68, 48–58). В двух случаях (2, 5) на рукояти кинжалов были надеты навершия — колпачки (оба навершия уплощенно-цилиндрической формы), а в одном (1) ножны были снабжены железным наконечником также уплощенно-цилиндрической формы с гвоздиком посередине для крепления.

Рукоять кинжала с двух сторон обхватывалась двумя деревянными дощечками, которые крепились одним (2, 3, 4, 6) или двумя (1, 5, 9) гвоздиками — заклепками, потом уже поверх обтягивались кожей, а затем на нее надевались колпачки — навершия, которые крепились также гвоздиком.

У семи из учтенных девяти кинжалов под рукоять было найдено перекрестие. Все перекрестия прямые, напускные, железные.

По форме их можно разделить на два типа (по аналогиям с саблями):

Тип I прямые, брусковидные (1, 2).

Тип II прямые, брусковидные с ромбическим утолщением в центре (3, 4, 5, 6) и на концах (7).

Отмечу, что перекрестия кинжалов короче своих аналогов на саблях.

Аналогии им известны на многих памятниках этого времени в Подонье (Михеев, 1985. С. 126. Рис. 17, 17).

Со стороны лезвия перекрестие крепилось с помощью обоймочки (1–6). В отличие сабельных обойм, эти не имеют тяжа — язычка, который выходил на острый конец лезвия. Вероятно, он не нужен был на кинжалах: менее массивные, чем сабли, они не могли так «портить» ножны, как это делали тяжелые клинки сабель.

Кинжалы у народов Северного Кавказа несли в себе, кроме боевой, как эстетическую, так и информационную нагрузку, которая соответствовала статусу владельца (например, принадлежность к классам князей и дворян, их состоятельность и т.д.).

Кинжалы изучаемого времени еще не достигли той длины, которой они достигают в XVII–XVIII вв. До сих пор в публикациях не всегда можно понять, что имеет в виду автор, называя вещь боевым ножом или кинжалом. Нередко ножи достигают в длину до 40–45 см (иногда и большей). Ножи на данной территории, на мой взгляд, отличаются от кинжалов отсутствием перекрестий и отверстий для крепления деревянных частей рукояти, которые при постоянных нагрузках без должной фиксации не могли надежно и долго служить владельцу. Безусловно, боевые ножи присутствуют в материалах IX в. в могильнике Дюрсо и др. единовременных ему могильниках (Дмитриев, 2003. С. 257), но без четкого определения, какие клинки считать боевыми, а какие орудиями, использовавшимися в быту.

Давать им более подробную характеристику, на мой взгляд, представляется преждевременным, поэтому ограничимся констатацией их распространения на данной территории в изучаемый период (Пьянков, 1990. С. 158–165. Рис. 48 и др.).

Кинжалы, по мнению А.Н. Кирпичникова, в составе снаряжения «русского рыцаря» распространяются в XIII в. Автор считает, что они появляются лишь в «эпоху утяжеления вооружения как средство поражения бронированного противника в тесном бою» (Кирпичников, 1966. (I). С. 72–73).

КИСТЕНИ

Это редко встречающееся ударное оружие — гирька на ремне или иногда на цепи. По центру проходит сквозное отверстие, в которое вставлялся стержень с петлей. Попадаются экземпляры и без стержней.

Гирьки изготавливались как из металла (железо, бронза), так и из рога. Известны экземпляры со свинцовыми стержнями или свинцовые в бронзовой «рубашке» (Крыганов, 1984. С. 65 и др.).

Работ, посвященных непосредственно кистеням, не так много. В первую очередь следует сказать о реконструкции техники литья кистеней по восковой модели Б.А. Рыбаковым (Рыбаков, 1948. С. 249–250). В кочевнических древностях кистени довольно редкая находка, по мнению С.А. Плетневой, в хазарскую среду они попали от соседей — славян (Плетнева, 1967. С. 160). То, что это оружие не типично для кочевников, подчеркивает в своей работе и Г.А. Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов, 1966. С. 32). А.Н. Кирпичников же связывает появление кистеней с кочевым Юго-Востоком (Кирпичников, 1966. (II). С. 59). 127 кистеней или боевых гирь, собранных с территории Древней Руси, по форме и деталям устройства разделены на шесть типов (Кирпичников, 1966. (II). С. 58–65). В статье А.В. Крыганова о кистенях салтово-маяцкой культуры фигурирует 51 экземпляр (Крыганов, 1987. С. 63–69). Они также разделены на шесть типов. Недавно вышла статья Е.И. Нарожного и Д.Ю. Чакчиева, посвященная кистеням Северного Кавказа XIII–XIV вв. (Нарожный, Чакчиев, 2003. С. 126–156). О знаках на роговых кистенях написана статья С.В. Белецкого (Белецкий, 1998. С. 188–190).

С изучаемой территории мне известно 6 экз. боевых гирь (рис. 5, приложение 5).

По материалу, из которого изготовлены кистени, они разделены на два типа.

Тип I, железные (табл. XXXIX). В него вошли четыре гирьки (1, 2, 3, 6). Это кистени шаровидной, немного приплюснутой формы. Размеры небольшие, высота гирек от 3 см (3) и до 5 см (1).

Два кистеня происходят из погребений, совершенных по обряду кремации, могильников Молдавановка и Дюрсо, два — из ингумационных погребений могильника Псекупс I (1) и Горькобалковского второго могильника (3). Кистень из Горькой балки лежал у левого запястья в погребении юноши 16–17 лет (Нарожный, 1998. С. 28–30).

Две гирьки не имели стержня (табл. XXXIX, 1, 6), возможно, продольный канал этих гирек использовался для непосредственного пропуска жгута, конец которого затягивался в узел. В таком случае металлический стержень терял надобность.

Описываемые кистени известны практически на всей территории салтово-маяцкой культуры Подонья (Крыганов, 1989. С. 63). Кистени такой формы нередко попадались в Саркеле в слое первой половины X в., но они роговые (Кирпичников, 1966. (II). Табл. XXX, Флерова, 2001. С. 58–61).

Два других кистеня (табл. XXXIX, 2, 3) с металлическими стержнями. В экземпляре из Дюрсо в стержень, оканчивающийся петлей, продета железная цепочка, это единственный известный мне случай. Особый интерес вызывает и горькобалковский экземпляр: железный уплощенный шар в виде многогранника с проволочной петлей. Аналогии ему известны среди подъемного материала на территории Волжской Болгарии (Нарожный, 1998. С. 30). Это одна из самых ранних находок кистеней на Средней Кубани (Нарожный, 2003. С. 131). Е.И. Нарожный датирует его VIII–IX вв.

Все кистени типа I датируются VIII–X вв. Наиболее поздней из этой серии находок является, по всей видимости, гирька из могильника Псекупс I. По мнению автора раскопок, погребение, из которого она происходит, можно датировать X–XI вв. (Ловпаче, 1984).

Тип II, бронзовые. В него вошли всего два экземпляра (табл. XXXII, 4, 5). Это кистени грушевидной формы со сквозным отверстием по центру. Один происходит из подъемного материала, могильник Казазово II (6), второй (4) — из ингумационного погребения алано-болгарского могильника Старокорсунский (Каминский, 1997. С. 106. Рис. 8, 35).

Обе гирьки авторами раскопок датируются VIII–IX вв. Размеры гирек небольшие, высота от 3 см (5) до 5 см (4), диаметр соответственно 3,3 см (5) и 4,1 см (4).

Аналогичные кистени присутствуют в Верхнесалтовском и Дмитровском могильниках конца VIII – нач. X в. (Крыганов, 1987. С. 65. Рис. 2, 5; Плетнева, 1989). Таким образом, кистени типа II также можно датировать VIII–X вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом клинковое оружие по схеме, разработанной В.В. Арендтом и Н.Я. Мерпертом, развивается по пути: меч–палаш–сабля. В.Н. Каминский в своей диссертационной работе пишет, что «на Северном Кавказе пока не выделены палаша, являвшиеся исходным образцами для развития сабли, а вопрос о месте и дате появления сабли в настоящее время остается открытым» (Каминский, 1992).

Тот факт, что в материалах могильников предшествующего времени нет однолезвийных мечей или палашей, которые могли бы быть прототипами сабель, может, на мой взгляд, говорить о двух вещах: они еще не выделены или же эти клинки не местного происхождения, и они принадлежали народу, оставившему кремационные погребальные памятники. Ответ на вопрос, что это был за народ и откуда он здесь появился, до сих пор остается в археологической науке открытым, о возможном его этническом происхождении пишет ряд исследователей (А.В. Дмитриев, С.А. Плетнева, В.К. Михеев, А.В. Пьянков, В.А. Тарабанов).

Возвращаясь к одной из основных задач нашей работы, попытке путем типологического анализа проследить трансформацию оружия, мы приходим к следующим выводам.

Итак, сабля появляется на данной территории в начале VIII в., у нее довольно короткий и слабоизогнутый клинок (см. гл. I). Такой саблей мог пользоваться в полной мере как всадник, так и пеший воин, ибо ее длина позволяет человеку среднего роста свободно фехтовать ею, находясь на земле. Эти параметры у сабли не меняются вплоть до X в., но уже к концу X в. клинок сабли немного искривляется и начинает увеличиваться его длина.

К XI–XII вв. длина некоторых сабель доходит до 100 см, увеличивается кривизна лезвия клинка. Таким клинком пешему воину было уже не так легко пользоваться, как клинками пред-

шествующего времени. Скорее всего, это оружие уже более подходит всаднику, нежели пешему воину. Несомненно, что всадник искривленным клинком с большей амплитудой размаха наносил противнику непоправимый вред: такой саблей можно пробить и кольчугу. Наряду с искривленными клинками продолжают существовать почти прямые клинки, но они встречаются много реже.

К XIII–XIV вв. сабля приобретает ту форму, которую она сохранила вплоть до современности. Это очень опасное колюще-рубящее оружие с длинным (до 120 см) и искривленным клинком. Оружие, бесспорно, всадническое. Оно тяжелее и массивнее клинков предшествующих этапов. Таким клинком при хорошем навыке (который вне сомнения присутствовал у средневековых воинов, сидевших в седле с раннего возраста) можно вывести из боя хорошо защищенного доспехом (шлем, кольчуга) противника.

Таким образом, мы в очередной раз приходим к уже подтвержденному на основе материалов с соседних территорий выводу об эволюции сабель по пути удлинения и искривления клинка, чему, на мой взгляд, способствовало изменение тактики боя, усовершенствование защитного вооружения и, по-видимому, состав и структура войска.

Большим многообразием форм выделяется такой тип оружия, как боевые топоры. По мнению Ю.С. Худякова, топоры не являются характерным оружием для древнетюркского вооружения эпохи каганатов, появляется топор в комплексе вооружения тюрок в конце I тысячелетия, что, по его мнению, связано «с необходимостью расширения диапазона средств ближнего боя в арсенале легкой конницы» (Худяков, 1986. С. 158).

Весь исследуемый материал происходит из погребений могильников VIII–X вв. или из подъемного материала с их территорий (разрушенные погребения). Интерес вызывает выявленный собственно аланский тип топоров (тип I), который также пользовался широкой популярностью у соседних народов. Такие топоры составляют почти четверть всего имеющегося материала. Это не говорит о том, что носители кремационного обряда погребений отказались или не имели своих, присутствующих только им типов топоров. Наоборот, для них характерны топоры с обушками, с разнообразной формой лезвия, которые встречаются в этих погребениях, впрочем, как и по всей лесостепной территории Хазарии, очень часто.

Также большое многообразие наблюдается и среди форм наконечников копий. Особенно хорошо это видно на материалах VIII–X вв. На мой взгляд, типы наконечников копий (подтипы IIВ и IIIГ) могли использовать пешие воины против кавалерии, а точнее, против их лошадей. Это наконечники с массивными, плоскими и широкими перьями. Интересен один из типов (пики) наконечников (подтип IIIА), которые встречены только в погребениях с обрядом кремации VIII–X вв. Эти наконечники могли быть использованы и против хорошо защищенного всадника, и против его коня. Узкое и острое перо, сама форма наконечника гарантировали глубокое проникновение.

Кинжалы на данной территории также распространены в основном в памятниках VIII–X вв. В материалах погребений XI–XIV вв. кинжалы достоверно мне известны только в двух случаях. Кинжалы могли быть использованы в бою только при близком тесном контакте, в быстротечной кавалерийской стычке не всегда можно было их использовать. Кинжал мог находиться у воина для соответствия рангу, положению в обществе, зато в схватках пеших воинов этот вид оружия зачастую был незаменим. А для хозяйственных дел, как в походе, так и дома, при воине всегда был нож; некоторые ножи имеют довольно большие размеры, вот они при необходимости и могли быть использованы как боевые. Ножи обнаружены во многих средневековых погребениях евразийских степей. Следует также сказать, что в кремациях VIII–X вв. находят несколько ножигов, иногда в «кассетах»: по мнению исследователей, это метательные ножи (Плетнева, 1989. С. 91; Пьянков, Тарабанов, 2004. С. 280).

В кремациях Северо-Западного Предкавказья VIII–X вв. встречается два типа редких наконечников стрел, которые присутствуют на данной территории исключительно в могильниках, совершенных по обряду кремации, и которые в работах, посвященных наконечникам стрел, не привлекли внимания исследователей. Мною было собрано около 900 экземпляров наконечников стрел, происходящих из погребений с различными типами погребального обряда. Большинство их типов хорошо известно в памятниках сопредельных территорий, работа по их классификации и типологии, а также классификации всего защитного оружия (кольчуга, шлема, панцирный доспех, поножи, наручи) и оружия дистанционного боя (луки,

колчаны, наконечники стрел) будет сделана в последующих исследованиях.

Совершенно не характерны боевые топоры для половецких погребений данного региона, их практически нет в комплексе сопровождающего инвентаря покойников этого народа.

Наконечники копий XI–XIII вв. представлены в основном пиками, предназначенными для пробивания кольчуги, которая широко распространяется в это время и в аланской, и в половецкой среде. Надо сказать, что по количеству находок копья XI–XIII вв. представлены очень бедно. Они начинают появляться чаще здесь только к концу XIII – XIV в.

В половецких погребениях находки наконечников копий единичны (мне известно два случая). Наконечники в этот период в основном встречаются в подкурганых каменных ящиках, подкурганых ингумациях и очень редко в подкурганых кремациях (XII–XIII вв.), которые в это время в большинстве случаев производятся в урнах (Армарчук, 2003. С. 215-216).

X–XI вв. датируется лишь один кистень из могильника Псекупс I, все остальные находки кистеней также датируются временем существования салтово-маяцкой культуры. В более позднее время они, возможно в силу тех же причин, что и кинжалы, не нашли такого широкого применения, как в предшествующее время.

Попытаемся реконструировать комплекс вооружения средневековых воинов исследуемого региона. Шлемов VIII–XIV вв., происходящих из погребений с территории Краснодарского края, известно около 20; есть кольчужные «капюшоны». Находки шлемов известны также из случайных находок. В погребениях VIII–X вв. шлем довольно редкая находка. Целые кольчуги, найденные в погребениях этого времени, мне пока неизвестны. В погребениях с обрядом кремации иногда находят колечки, которые, возможно, были фрагментами кольчуги, символизирующими в погребении саму кольчугу. Известны случаи в более позднее (этнографическое) время, когда дома держали фрагменты кольчуги, которые считались оберегом. Иногда их клали вместе с умершими.

Из защитного доспеха известны находки поножей, наручей, наплечников из могильников Борисовский, Дюрсо, Дмитриевская (Саханев, 1914; Дмитриев, 2003; Кочкаров, 2004). В первых двух случаях они находились во фрагментарном состоянии, датируются VIII–X вв., а в погребении половца

Таблица IV

Таблица взаимовстречаемости оружия
в погребениях VIII–X вв.

	Стрелы	Копья	Кинжалы	Топоры	Сабли
Стрелы	—		6		14
Копья		2	1	4	—
Кинжалы	6	1	—	3	6
Топоры		4	3	1	8
Сабли	14	9	6	8	—

конца XII — начала XIII в. Дмитриевского могильника поножи и паручи находились в очень хорошем состоянии.

Сабли VIII–X вв. в комплексе с наконечниками стрел встречены 14 раз, с кинжалом — 6 раз, с боевыми топорами — 8 раз; из них в трех случаях сабля, топор и кинжал были вместе, а в одном случае с саблей лежало два топора.

9 раз в погребении с саблей встречены наконечники копий, 4 раза вместе лежали топор, сабля и копьё. Что характерно как для этого периода, так и более позднего: ни разу не было случая, чтобы топор лежал в комплекте со шлемом и кольчугой.

Комплекс вооружения воина VIII–X вв. был довольно разнообразен и представлен почти всеми видами защитного и наступательного оружия, известного в этот период по всей евразийской степи. Исключение составляет полное отсутствие мечей, а из защитных приспособлений — щитов, возможно, что щиты в это время не имели металлических частей (изготавливались из дерева и кожи), и следы их до нас просто не доходят.

Основная масса могильников с оружием этого времени — это могильники с обрядом трупосожжения, которые появляются здесь как раз в VIII–X вв. А.В. Дмитриев связывает находку такого большого количества оружия в погребениях, которого не так много в других могильниках этого времени, с вторжением какого-то хорошо вооруженного кочевого населения (Дмитриев, 2003. С. 208). Было ли это вторжение или явление, обусловленное, как уже выше говорилось, политикой хазарских каганов, связанной с защитой рубежей, предстоит еще выяснить. Я склоняюсь ко второму. В любом случае, наличие присутствия хорошо вооруженного войска, отдельные отряды которого стояли и на Северском Донце. Скорее всего, они принадлежали одной этнической группе, о чем свидетель-

ствуется иногда почти полная аналогия вещевого материала и погребального обряда, по которому они совершены.

Исходя из всего вышеизложенного, на мой взгляд, правомерным будет предположение о существовании здесь в VIII–X вв. хорошо вооруженного войска, оснащенного передовыми образцами боевого снаряжения. Судя по всему (находка различных типов копий в погребениях, находка большого количества топоров, иногда по два в погребении и др.), войско состояло из двух частей: кавалерии и пехоты, но преобладала, скорее всего, конница.

К концу X в. с падением Хазарского государства политическая, а вместе с этим и военная обстановка в регионе меняется. Могильники типа Дюрсо, Молдавановка, Казазово и др. прекращают свое существование. В X–XIII вв. появляются могильники типа Черноклен, потом Циплиевский кут. Предметы вооружения из них представлены в основном саблями и наконечниками стрел.

В XII–XIII вв. в Прикубанье появляются половцы. На сегодняшний день здесь известно более 80 половецких погребений в колодах и, в большинстве своем, с конем. Основной инвентарь (оружие) этих погребений — сабли, колчан со стрелами, лук. Находка наконечников копий в половецких погребениях очень редка (только в богатых погребениях, возможно военачальников или глав крупных кощей (курений), что в данном случае не имело различия). Топоров в них нет совсем. В 15 половецких погребениях обнаружены вместе шлем и целая кольчуга.

Топоры встречаются в распространенных по побережью Черного моря погребениях в каменных ящиках; в них много стрел, есть и сабли, правда, их меньше, чем в остальных типах погребальных сооружений этого времени. (Для создания более ясной картины состава войска исследуемого времени мною привлечены некоторые данные о защитном доспехе.)

Много сабель, остатков колчанов, луков и наконечников стрел в подкурганных погребениях, совершенных по обряду кремации. Наибольшее распространение подкурганные кремации получают в XII–XIII вв. Сабли в погребениях встречены как в испорченном (сломанном, согнутом) виде, так и целые в ножнах. К концу XIII — XIV в. этот тип кремаций, по всей видимости, начинает исчезать, что также может быть связано со сменой населения, но, скорее всего, это связано с широким распространением в это время на Северном

Таблица V

Таблица взаимовстречаемости
оружия XI–XIV вв.

	Стрелы	Копья	Кинжалы	Топоры	Сабли	Кольчуга	Шлем
Стрелы	—	1	2	0	64	17	15
Копья		—	0	0	3	1	1
Кинжалы	2	0	—	0	0	1	1
Топоры	0	0	0	—	0	0	0
Сабли	64	3	2	0	—	17	15
Кольчуга	17	1	1	0	17	—	15
Шлем	15	1	1	0	15	15	—

Кавказе мировых религий, в данном случае христианства и ислама.

Как мы видим из представленного материала, главную роль в комплексе вооружения воина XI–XIV вв. играли сабля, лук и стрелы. Только в очень богатых погребениях мы находим шлем и кольчугу. Копий и боевых топоров в это время практически нет, находка копья в погребениях XI–XIII вв., как уже было сказано, очень редка. Они появляются только в конце XIII – XIV в. в подкурганых захоронениях с обрядом ингумации.

По всей видимости, меняется по сравнению с предшествующим временем и состав войска. Это, на мой взгляд, в основном легкая подвижная конница, вооруженная саблей и луком со стрелами. Из письменных источников нам хорошо известна тактика ведения боя у кочевников (например, половцев) «рассыпным строем». По всей видимости в XII–XIII вв. правобережье Кубани было занято половцами (рис. 1). Левобережье Кубани и все Причерноморье занимают, в основном, носители подкурганного обряда кремации. Комплекс вооружения у тех и у других почти ничем не отличается. К концу XIII в. погребений, совершенных по обряду кремации, становится меньше, а к XIV в. и те и другие (половецкие) погребальные памятники исчезают.

Сегодня вполне ясно видно значительное сходство погребального обряда и инвентаря населения, оставившего памятники по левому берегу р. Кубани и в Причерноморье, с одной

стороны, и группу кремаций этого же времени в Подонье, с другой. Еще одним примером отмеченного культурного единства служит и однотипность комплекса вооружения: не только боевых топориков, рассмотренных в этой работе, но и сабель, наконечников стрел, кинжалов и наконечников копий (Кочкаров, 2005).

В VIII–IX вв. на территории Северо-Западного Предкавказья появляются могильники с новым для этого региона погребальным обрядом (Дюрсо, Молдавановка, Казазово, Псекупс I и др.). Это могильники, совершенные по обряду кремации на стороне. Погребения совершались в небольших ямках, в редких случаях в сосудах-корчагах. Ближайшие аналогии инвентарю этих могильников встречены в кремационных могильниках этого же времени в Подонье. Могильники с таким обрядом открываются там до сих пор. С большей или меньшей степенью вероятности можно предположить, что и на изучаемой территории открытие новых подобных памятников ждет своего исследователя. Как для Прикубанья, так и для Подонья эти памятники, как уже было выше сказано, являются новым, не типичным для этих регионов видом памятников.

Как бы то ни было, этот народ является одним из этносов, оставивших нам материальную культуру Хазарского государства — салтово-маяцкую. Тот факт (пока аналогичные памятники не найдены в других областях Хазарского каганата), что эти памятники располагаются по западной границе Хазарии, говорит, по-видимому, о том, что этот народ, если даже был и тюркоязычен, не являлся близкородственным к правящему словию каганата.

В пользу того, что народ был очень воинственным, говорит большое количество предметов вооружения в погребениях этого типа могильников. То же самое можно сказать и об инвентаре кремаций в Подонье.

С другой стороны, не является открытием, что пограничные отряды любого государства, естественно, всегда были хорошо вооружены для более эффективной охраны границы. Хорошо вооруженные пограничные отряды также могли наводить страх на соседей, т.е. могли играть роль сдерживающего фактора. Ну и, конечно же, они нужны были здесь для подавления местного населения.

Возможно также, что каган боялся держать эти хорошо вооруженные отряды близко к своей ставке, к центру своего госу-

дарства, и вынужден был держать их на границе, что также косвенно подтверждает предположение об их воинственности.

Любое государство снабжает свои отряды передовым оружием. В том, что в Хазарском каганате было развито кузнечное дело, сомневаться не приходится (Михеев, 1985. С. 86–96). Однако в материалах могильников, совершенных по обряду кремации, встречаются типы оружия (наконечники копий: тип III подтип А), которые в других памятниках салтово-маяцкой культуры не известны. Можно предположить, что некоторые типы оружия ковали кузнецы этого воинственного народа (некоторые типы наконечников стрел, наконечников копий, о которых сказано выше) для более эффективной борьбы с местными коренными народами (в частности, аланами). Это, на мой взгляд, может объяснить отсутствие аналогий этим типам оружия на соседних территориях.

Самые ранние сабельные клинки в исследуемом регионе встречены именно в памятниках этого типа (Дюрсо и др.).

К концу XIII – XV в., что связано, по-видимому, с появлением монголов, опять наблюдается большой «скачок» в распространении оружия в погребениях (сабель, наконечников стрел, появляются булавы, нередко в погребениях находка щитов), но это уже тема отдельной работы, которая впрочем, уже делается исследователями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Е.М., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. 1994. Горгипшия: продукция железодельного и железобработывающего ремесла. РА. №3.

Алешковский М.Х. 1960. Курганы русских дружинников XI–XII вв. СА. 1.

Алихова А.Е. 1969. Материальная культура Средне – цининской мордвы VIII–XI вв. Саранск.

Альбом древностей мордовского народа. 1941. Под ред. ИИ АН СССР. Саранск.

Амброз А.К. 1986. Кинжалы VI–VII вв. с двумя выступами на ножнах. СА. 4.

Анучин Д.Н. 1881. О древнем луке и стрелах. Труды V-го Археологического съезда в Тифлисе. М.

Армарчук Е.А., Малышев А.А. 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине. Историко-археологический альманах. Армавир; М.

Армарчук Е.А. 2003. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М.

Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. 2003. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. Курганные могильники. Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М.

Артамонов М.И. 1962. История Хазар. Л.

Артамонов М.И. 2001. История Хазар. СПб.

Ахмеров Р.Б. 1955. Могильник близ г. Стерлитамака. СА. XXII.

Бабенко В.А. 1910. Новые систематические исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника 1908 года. М.

Батчаев М., Стефанеева Е.Л. 1969. Горы и нарты. Кавказские легенды. Ставрополь.

Бгажба О.Х. 1983. Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии. Тбилиси.

Белавин А.М. 2000. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь.

Беликова О.Б. 1996. Среднее Причулымье в XII–XIII вв. Томск.

Белецкий С.В. 1998. О знаках на роговых кистенях. Военная археология оружия и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы международной конференции. СПб.

Белорыбкин Г.Н. 2001. Золотаревское поселение. СПб.

Белорыбкин Г.Н. 2003. Западное Поволжье в средние века. Пенза.

Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. 1998. Кельгининский могильник. Саранск.

Бранденбург Н.Е. 1895. Курганы южного Приладожья. МАР. 18. СПб.

Бранденбург Н.Е. 1902. Рисунки и фотографии к археологическим исследованиям. Архив АИМ. Ф. 30. Оп. 1. № 119.

Веселовский Н.И. 1911. Статуи воинов из категории «каменных баб». Оттиск из № 45 «Известий Таврической ученой архивной комиссии».

Винников А.З., Плетнева С.А. 1998. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж.

Винничек В.А. 2001. Материалы памятников Верхнего Посурья и Примокшанья. Археология Поволжья. Пенза.

Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. 1979. Новые материалы VIII в. из могильников Абхазии. КСИА. 158.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. 2001. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа.

Гёнинг В.Ф., Халиков А.Х. 1964. Ранние болгары на Волге. М.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.

Гольмстен В.В. 1995. К разработке приемов исследования вещественных памятников (меч и сабля). Антология советской археологии. Т. 2. М.

Городцов В.А. 1905. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII Археологического съезда. Труды XII археологического съезда. Т. I. М.

Городцов В.А. 1913. Холодное оружие императорского Российского Исторического Музея. Копья и пика. М.

Даль В. 1935. Толковый словарь. Т. 4. М.

Даркевич В.П. 1961. Топор как символ Перуна в Древнерусском язычестве. СА. 4.

Дегтярь А.К. 1984. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце. СА. № 2.

Деревянко Е.И. 1987. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск.

Дитлер П.А. 1961. Могильники в районе поселка Колосовка на р. Фарс. СМАА. Майкоп.

Дмитриев А.В. 1978. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII – нач. IX века в районе Новороссийска – Геленджика: Тезисы докладов конференции. VIII Крупновские чтения. Нальчик.

Дмитриев А.В. 1979. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо. КСИА. Вып. 158.

Дмитриев А.В. 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М.

Евглевский А.В., Потемкина Там.М. 2000. Восточноевропейские позднекочевнические сабли. Донецк.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. 2000. Восточноевропейские позднекочевнические сабли. Степи Европы в эпоху средневековья. Т. I. Донецк.

Евтюхова Л.А. 1941. Каменные изваяния Северного Алтая. Труды ГИМ. Вып. XVI.

Завьялов В.И. 2004. Археометаллографические исследования железных предметов из могильника у аула Ленинахабль (Адыгея). КСИА. Вып. 216.

Зеленский Ю.В. 1998. Половцы на Кубани. Древности Кубани. Краснодар. Вып. 10.

Иванов В.А. 1987. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII–XIV вв.). Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск.

Измайлов И.Л. 1993. Оружие ближнего боя волжских болгар X–XIII вв. (копья и боевые топоры). Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань.

Измайлов И.Л. 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань; Магадан.

Йотов В. 2004. Въоръжението и снаряжението от Българското средновековие (VII–XI). Варна.

Казаков Е.П. 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.

Казаков Е.П. 1985. О некоторых новых находках предметов вооружения волжских болгар. Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань.

Каминский В.Н. 1992. Вооружение племен аланской культуры Северного Кавказа I–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В. 1997. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье: Историко-археологический альманах. Армавир; М.

Кирпичников А.Н. 1966. I. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. САИ. Е1–36. М.; Л.

Кирпичников А.Н. 1966. II. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XII вв. САИ. Е1–36. М.; Л.

Кирпичников А.Н. 1971. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.

Кирпичников А.Н. 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ. Е1–36. Л.

- Кирпичников А.Н.* 1976. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.
- Киселев С.В.* 1949. Древняя история Южной Сибири. МИА. 9. М.
- Ковалевская В.Б.* 1963. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // САИ. Вып. Е1–2. М.
- Ковач Ласло.* 1980. Вооружение венгров – обретателей родины: сабли, боевые топоры, копья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Колчин Б.А.* 1953. Техника обработки металла в древней Руси. М.
- Колчин Б.А.* 1953. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период). МИА. 32.
- Корзухина Г.Ф.* 1950. Из истории древнерусского оружия XI в. СА. 13. М.
- Кочкаров У.Ю.* 2004. Позднеполовецкие погребения всадников в Краснодарском крае. КСИА. Вып. 217.
- Кочкаров У.Ю.* 2005. Вооружение средневекового всадника VIII–XIV вв. по материалам Северо-Западного Предкавказья: Оружие ближнего боя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Кочкаров У.Ю.* 2006. Средневековый могильник в верховьях р. Абин // 1-я Абхазская археологическая конференция: Тезисы докладов. Сухуми.
- Крупнов Е.И.* 1938. Галиатский могильник как источник по истории алан – асов. ВДИ. 2. М.
- Круглов Е.В.* 2004. Тюрко-хазарский сложносоставной лук. Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград.
- Крыганов А.В.* 1989. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения). Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Кузнецов В.А.* 1959. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. СА. 2. М.
- Кузнецов В.А.* 1961. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 года). МАДИСО. I. Орджоникидзе.
- Кузнецов В.А.* 1973. К вопросу о производстве стали в Алании. Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

Кузнецов В.А., Рунич А.П. 1974. Погребение аланского дружинника IX в. СА. 3.

Кухаренко Е.И. 1951. О некоторых археологических находках на Харьковщине. КСИИМК. 41. М.

Кызласов И.Л. 1980. Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакассия). Средневековые древности евразийских степей. М.

Кызласов И.Л. 1983. Аскизская культура в Южной Сибири X–XIV вв. САИ. Е3–18. М.

Кызласов И.Л. 2003. Связи Южной Сибири с Восточной Европой. Мечи домонгольской поры. Археология Восточно-Европейской лесостепи: (сборник материалов). Пенза.

Кызласов Л.Р. 1969. История Тувы в средние века. М.

Левашова В.Г. 1953. Белореченские курганы. Труды ГИМ. Вып. XXII.

Липатов А.В. 2003. Боевые топоры как оружие ближнего боя средневековой мордвы VIII–XI вв. Археология Восточно-Европейской лесостепи: (сборник материалов). Пенза.

Ляпушкин И.И. 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА. 62.

Мажитов Н.А. 1981. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.

Мальшев А.А., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. 1999. Воинские захоронения в могильнике скифского времени из Цемесской долины. ИАА. Вып. 5. Армавир.

Мамаев Х.М., Чакчиев Д.Ю., Даутова Р.А. 1983. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов. Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный.

Мамаев Х.М. 1984. Население плоскостной зоны Среднего Притеречья в эпоху раннего средневековья (материальная культура по данным погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Медведев А.Ф. 1959. Оружие Новгорода Великого. МИА. 65.

Медведев А.Ф. 1966. Ручное и метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV в. САИ. Е1–36. М.

Мерперт Н.Я. 1951. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК. 36. М.:Л.

Мерперт Н.Я. 1955. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА. 23.

Михеев В.К. 1982. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша. СА. 2.

Михеев В.К. 1985. Подонье в составе Хазарского каганата Харьков.

Могильников В.А. 2001. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. М.

Монгайт А.Л. 1950. Могила всадника у с. Арцибашева. КСИИМК. 41. М.;Л.

Нагоев А.Х. 1981. Материальная культура Кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV–XVII вв.). Нальчик.

Нагоев А.Х. 2000. Средневековая Кабарда. Нальчик.

Нарожный Е.И. 1998. Погребение № 7 могильника № 2 у х. Горькая Балка. Пятое чтение по археологии Средней Кубани: (краткое содержание докладов). Армавир.

Нарожный Е.И., Чакчиев О.Ю. 2003. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII–XIV вв.). МИАСК. 3. Армавир.

Никольская Т.Н. 1981. Земля вятичей. М.

Новичихин А.М., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. 2001. Технология производства предметов вооружения из памятников VI–IV вв. до н.э. на территории Синдики: (по материалам Анапского археологического музея). ИАА. Вып. 7 Армавир;М.

Носкова Л.М. 1992. Исследование средневековых курганов в пос. Кабардинка. Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 гг. Ейск.

Носкова Л.М. 2002. К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья. Материальная культура Востока. 3.

Петербургский И.М. 1979. Второй Журавкинский могильник. Труды Мордовского НИИЯЛИЭ. 63.

Петербургский И.М. 1987. Второй Старобадиковский могильник. Вопросы древней истории мордовского народа. Саранск.

Плетнева С.А. 1958. Печенег, торки и половцы в южнорусских степях. МИА. 62.

- Плетнева С.А.* 1967. От кочевий к городам. МИА. 142.
- Плетнева С.А.* 1973. Древности черных клубков. САИ. Е1–19.
- Плетнева С.А.* 1981. Печенег, торки, половцы. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Плетнева С.А., Макарова Т.И.* 1983. Пояс знатного воина из Саркела. СА. 2.
- Плетнева С.А., Бокий Н.М.* 1988. Захоронение семьи воина кочевника X в. в бассейне Ингула. СА. 2.
- Плетнева С.А.* 1989. На Славяно-Хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.
- Плетнева С.А.* 1990. Хазарские проблемы в археологии. СА. 2.
- Плетнева С.А.* 1995. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1954–1959 гг. МАИЭТ. IV. Симферополь.
- Погорелов Е.В.* 2003. Находка сабли конца XII – нач. XIII веков в окрестностях г. Пензы. Археология Восточноевропейской лесостепи: (сборник материалов). Пенза.
- Пьянков А.В.* 1990. Новый средневековый могильник у а. Казово. Древние памятники Кубани. Краснодар.
- Пьянков А.В.* 1993. Средневековый могильник Абинский 4. Древности Кубани и Черноморья. (Studia Pontokavkasika. I). Краснодар.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А.* 1998. Кремационные погребения Кубани и Подонья Салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство. Древности Кубани. 13. Краснодар.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А.* 2004. Воинский комплекс 25 из Молдавановского могильника (раскопки 1989 года). Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Краснодар.
- Пятъшева Н.В.* 1964. Железная маска из Херсонеса. М.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* 2004. Технология изготовления кузнечных изделий из могильника Дюрсо близ Новороссийска: (К проблеме различных производственных традиций). КСИА. Вып. 216.
- Рыбаков Б.А.* 1948. Ремесло древней Руси. М.

Савин А.М., Семенов А.И. 1998. О центральноазиатских истоках лука хазарского типа. Военная археология оружия и военное дело в исторической и социальной перспективе: материалы международной конференции. СПб.

Савченко Е.И. 1997. Проблемы скальных могильников и формирование торговых путей на Северном Кавказе в VIII–IX вв.: (на материалах могильника Мощевая Балка): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Самоковасов Д.Я. 1908. Могилы Русской земли. М.

Саханев В.В. 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. ИАК. 56. Пг.

Святкин С.В. 2001. Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н.э. Саранск.

Семькин Ю.А. 1997. Черная металлургия и металлообработка в Волжской Булгарии (раннеболгарский и домонгольский периоды): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Сизов В.И. 1897. Древний железный топорик из коллекции Исторического Музея. М.

Смиленко А.Т. 1965. Глодоськи скарби. Київ.

Смиленко А.Т. 1968. находка 1928 г. у с. Новые Сенджары // Славяне и Русь. М.

Спицын А.А. 1902. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых. МАР. 26.

Старостин П.К., Казаков Е.П., Габяшев Р.С. 1973. Игимский могильник. СА. 1.

Стрельченко М.Л. 1960. Вооружение адыгских племен в X–XIV вв.: (по материалам Убинского могильника). Наш край. МИКК. Вып. I. Краснодар.

Тарабанов В.А. 1983. Средневековый могильник у аула Казазово. Историческая этнография: традиции и современность. ЛГУ.

Тарабанов В.А. 1994. Кремационные погребения VIII–X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность. XV. Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Кисловодск.

Тарабанов В.А. 1996. Сабля — основной вид вооружения племен Северо-Западного Кавказа в период средневековья. Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX «Крупновские чтения»: Тезисы докладов. М.

Терехова Н.Н., Хомутова Л.С. 1985. Технологические исследования железных изделий из античных памятников близ Новороссийска. КСИА. Вып 182.

Толмачева М.М. 1990. Кузнечные изделия Маяцкого комплекса. Маяцкий археологический комплекс (материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). М.

Толмачева М.М. 1990. Обработка черного металла в Хазарском каганате: (по материалам памятников междуречья Дона и Северского Донца): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Толмачева М.М. 2001. Клинковое оружие салтовской культуры (техника и технология). Археология восточноевропейской лесостепи. Вып.15. Воронеж.

Груды ГИМ. 1948. Вып. XX. М.

Федоров-Давыдов Г.А. 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Флерова В.Е. 2001. Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло (по материалам Саркела — Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа). СПб.

Флеров В.С. 1990. Маяцкий могильник (раскопки 1979 года). Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.

Халикова Е.А. 1976. Больше-Тиганский могильник. СА. 2.

Ханенко Б.И. 1899. Древности Приднепровья. Вып. 1–6. Киев.

Ханенко Б.И. 1899–1900. Древности русские. Киев.

Худяков Ю.С. 1980. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск.

Худяков Ю.С. 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.

Худяков Ю.С., Соловьев А.И. 1987. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии. Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск.

- Худяков Ю.С.* 1991. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск.
- Эварницкий Д.И.* 1901. Раскопки курганов в Херсонской губернии Херсонского и Александрийского уездов. Труды XI Археологического съезда в Киеве. Т. 1. М.
- Эварницкий Д.И.* 1907. Раскопка курганов в пределах Екатеринославской губернии. Труды XIII археологического съезда. Т. 1.
- Ястребов В.Н.* 1893. Лядинский и Томниковский могильники. МАР. 10.
- Яхтанигов Х.Х.* 1984. Экспонаты рассказывают. Нальчик.
- Arendt W.* 1934. Vorschlag zur Beschreibung von Sabelklingen. ZhWkK. 13. Berlin.
- Chalikova E.A., Chalikov A.H.* 1981. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Graberfeld von Bolschie Tigani). Régészeti Füzetek. Ser. 2. No 21. Magyar Nemzeti Múzeum. Budapest.
- Fettich N.* 1931. Adatok a honfoglalakor archaeologiajához. AE. 45.
- Garam E.* 1979. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Kisköre. FAH. Budapest.
- Hampel I.* 1905. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. I–II. Braunschweig.
- Harmatta J.* 1946–1948. Ibn Fadlan über die Bestattung bei den Wolga-Bulgaren. AE. 7–9. Budapest.
- Nadolski A.* 1954. Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku. AAUL. 3. Łódź.
- Petersen J.* 1919. De norske Vikingsverd. Kristiania.
- Ruttkay A.* 1975, 1976. Waffen und Reiterausrüstung des 9. bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei. I. SA. 23; II. SA. 24. Bratislava.
- Tettamanti S.* 1975. Temetkezési szokások a X–XI. sz-ban a Kárpát-medencében = (Погребальные обычаи в X–XI вв. в Карпатском бассейне). SC. 3. Szentendre.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Анфимов И.Н. 1989. Отчет о раскопках курганов на землях колхоза «Рассвет» Калининского района Краснодарского края в 1988 г. Научный Архив ИА РАН. Р-1 № 12585–12587.

Волков И.В. 1999. Отчет о раскопках курганного могильника Первомайский в Крымском районе Краснодарского края и разведках на Азовском побережье в Славянском и Приморско-Ахтарском районах Краснодарского края в 1998 г. Научный архив ИА РАН. Р-1 № 21955.

Гроздилов Г.П. 1934. Отчет о раскопках в Челмужах. Архив ИИМК РАН. Д. № 342.

Дитлер П.А. 1959. Отчет Археологической экспедиции Адыгейского научно-исследовательского института в поселок Колосовку Ярославского района Краснодарского края, проведенной в июле–августе 1958 г. Научный Архив ИА РАН. Р-1 № 1728.

Дмитриев А.В. 1986. Отчет о доследовании памятников в зоне строительства ЛЭП завода «Прибой» и в зоне сооружения оросительных систем совхоза «Раевский» близ г. Новороссийска. Научный Архив ИА РАН. Р-1 № 11598, 1598а.

Каминский В.Н. 1981. Отчет о работе Краснодарской археологической экспедиции в 1980 г. Научный Архив ИА РАН. Р-1 № 9882+а.

Ловпаче Н.Г. 1982. Отчет об итогах разведок в 1980 г. на средневековом поселении Руфабго, у а. Тауйхабль на реке Курджипс и на р. Псекупс, а также на Псекупском долговременном могильнике. Научный Архив ИА РАН. Р-1 № 10077+а.

Ловпаче Н.Г. 1984. Отчет об археологической экспедиции Адыгейского НИИ за 1982, 1983 гг. Научный Архив ИА РАН. Р-1 № 10918 а–б.

Носкова Л.М. 1991. Отчет о работе Приморского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1990 г. Научный Архив ИА РАН. Р-1 № 15175–15176.

Носкова Л.М. 1992. Отчет о работе Приморского отряда Кавказской Археологической экспедиции в 1991 г. Научный Архив ИА РАН. Р-1 № 14085, 14086.

Пьянков А.В. 1986. Отчет о раскопках девяти курганов у Абинска Краснодарского края в 1986 г. Научный Архив ИА РАН. Р-1 № 11616+а-в.

Пьянков А.В. 1989. Отчет о раскопках курганов в урочище Цицлиевский кут Краснодарского края в 1988 г. Научный Архив ИА РАН. Р-1 № 13448.

Савченко Е.И. 1989. Отчет о работе Мингрельского отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1985 г. Научный архив ИА РАН. Р-1 № 13686.

Тарабанов В.А. 1985. Отчет об исследовании археологических памятников на землях подсобного хозяйства завода «Сатурн» в Северском районе Краснодарского края в 1984 г. Научный Архив ИА РАН. Р-1 № 9495а-б.

Тарабанов В.А. 1987. Отчет об исследованиях археологических памятников в районе Гатлукаевского городища № 2 в Теучежском районе Адыгейской автономной области Краснодарского края (зона Краснодарского водохранилища) 1986 г. Научный Архив ИА РАН. Р-1 № 11610а-г.

Тарабанов В.А. 1990. Отчет о раскопках грунтового могильника в селе Молдаванское Крымского района Краснодарского края. Научный Архив ИА РАН. Р-1 № 14147-14150.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
- ВДИ — Вестник древней истории
- ГЭ — Государственный Эрмитаж
- ГМИНВ — Государственный Музей истории народов Востока
- ДК — Древности Кубани
- ИАА — Историко-археологический альманах
- ИАК — Известия Императорской археологической комиссии
- ИИАН — Институт истории Академии наук
- ИИМК — Институт Истории и Материальной культуры
- КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
- МАР — Материалы по археологии России
- МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- МИАСК — Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа

- МИКК — Материалы по изучению
Краснодарского края
- НА ИА — Научный архив Института Археологии
- ОАК — Отчет Императорской
Археологической комиссии
- РА — Российская археология
- СА — Советская археология
- САИ — Свод археологических источников
- СМАА — Сборник материалов по археологии
Адыгеи
- Труды ГИМ — Труды Государственного
исторического музея
- AAUL — Acta Archeologici Universitatis Lodziensis
- AE — Archeologiai Értésítő
- FAH — Fontes Archeologici Hungariae
- SA — Slovenska Archeologia
- SC — Studia Comitatus
- ZhWkK — Zeitschrift für historische Waffen- und
Kostumkunde

ПРИЛОЖЕНИЯ
РИСУНКИ
ТАБЛИЦЫ

СПИСОК ПРИЛОЖЕНИЙ, РИСУНКОВ И ТАБЛИЦ

1. Приложение 1. Размеры сабель (в см).
2. Приложение 1 (продолжение). Общие данные о саблях.
3. Приложение 2. Наконечники копий (размеры в см).
4. Приложение 3. Топоры (размеры в см).
5. Приложение 4. Кинжалы (размеры в см).
6. Приложение 5. Кистени (размеры в см).
7. Приложение 6. Наконечники стрел.
8. Рис. 1. Карта распространения сабель в памятниках VIII–XIV вв.
9. Табл. VI. Сабли. Тип I
10. Табл. VII. Сабли. Тип II. Подтип А
11. Табл. VIII. Сабли. Тип II
12. Табл. IX. Сабли. Тип III
13. Табл. X. Сабли. Типы IV, V
14. Табл. XI. Сабли. Тип VI
15. Табл. XII. Сабли. Тип VII
16. Табл. XIII. Сабли. Тип VIII
17. Табл. XIV. Сломанные сабли. Тип I, подтипы А, Б
18. Табл. XV. Сломанные сабли. Типы II, подтипы А, Б. Тип III
19. Табл. XVI. Типы наконечников ножен сабель, перекрестий и наверший рукояти сабли
20. Табл. XVII. Сабли. Группы I, II
21. Табл. XVIII. Сабли. Группы III, IV
22. Табл. XIX. Сабли. Группы V, VI
23. Табл. XX. Сабли. Группы VII, VIII
24. Рис. 2. Карта распространения наконечников копий в памятниках VIII–XIV вв.

25. Табл. XXI. 1. Наконечники копий. Тип I; 2. Втоки копий
26. Табл. XXII. Наконечники копий. Тип II, подтипы А, Б
27. Табл. XXIII. Наконечники копий. Тип II, подтипы В, Г
28. Табл. XXIV. Наконечники копий. Тип II, подтип Д
29. Табл. XXV. Наконечники копий. Тип II, подтип Е
30. Табл. XXVI. Наконечники копий. Тип II, подтип Ж
31. Табл. XXVII. Наконечники копий. Тип II, подтип З
32. Табл. XXVIII. Наконечники копий. Тип III, подтип А
33. Табл. XXIX. Наконечники копий. Тип III, подтипы Б, Г
34. Табл. XXX. Наконечники копий. Тип III, подтип В
35. Рис. 3. Карта распространения топоров в памятниках VIII–XIII вв.
36. Табл. XXXI. Топоры. Тип I. Подтипы 1, 2
37. Табл. XXXII. Тип II. Подтип 1
38. Табл. XXXIII. Тип II. Подтип 2. Варианты 1, 2
39. Табл. XXXIV. Топоры. Тип III. Подтип 1
40. Табл. XXXV. Топоры. Тип III. Подтипы 2, 3
41. Табл. XXXVI. Топоры. Типы IV, V, VI, VII
42. Рис. 4. Карта распространения кинжалов в памятниках VIII–XIII вв.
43. Табл. XXXVII, I. Кинжалы Тип I; II. Перекрестия типы I, II
44. Табл. XXXVIII. Кинжалы. Тип II
45. Рис. 5. Карта распространения кистеней в памятниках VIII–X вв.
46. Табл. XXXIX. Кистени. Тип I, II

№ сабли	Дата	Длина клинка	Ширина клинка	Толщина клинка	Кривизна клинка	Обоюдо-острый конец	Длина рукояти	Угол наклона рукояти
1	VIII—IX вв.	80	3	0,5	0	25	8	4
2	VIII—IX вв.	73	3	0,5	0	17	7	4
3	VIII—IX вв.	73	2,8	0,5	0	18	7	0
4	VIII—X вв.	70,5	3		0,2	14,7	10,5	1,5
5	VIII в.							
6	—	73	3		Прямой	17	11,5	0
7	VIII—X вв.	69	3		Прямой	14	10	0
8	VIII—X вв.	78	2,7	0,5	Прямой	15	6	2
9	VIII—X вв.	70	3		Прямой	24	8	0
10	—		2,8	0,65	Прямой	?		Сломана
11	—	88,7	4,5	1,2	Прямой	?	8,5	0
12	IX в.	57	2,6		0,7	9	8	1
13	IX в.	57,2	2,5		1	0	7,8	8
14	IX в.	57,5	2,2		1	0	7,5	0
15	IX в.	53	2,7		1,5	9	7	4
16	IX в.	56	2,6		1,1	0	8,5	1
17	IX в.	57	2,9		1,2	0	8	8
18	VIII—IX вв.	58,4	3		1,3	?	7	7

№ сабли	Дата	Длина клинка	Ширина клинка	Толщина клинка	Кривизна клинка	Обоюдо-острый конец	Длина рукояти	Угол наклона рукояти
19	—	60	2,2	0,6	1,5	0	8	2
20	IX в.	55,6	3		2	0	9,5	1
21	IX в.	52,5	2,7		1,9	0	7,5	2
22	—	74	4,8		2	0	12	2
23	—	67,6	2,4	0,6	1	?	5	Согнута
24	—	72,7	2,6	0,6	1	0	9,7	4
25	—	71	2,6	0,6	1,7	?	5	3
26	XI–XII вв.	76	2,9	0,7	1,7	0	7	2
27	XI–XIII вв.	72,8	3	0,7	1,2	Отл. ост. 4 см	7	4
28	VIII–X вв.	78	3	0,9	1,8	0	7	2
29	—	64	2,8	0,6	1	?	6	10
30	—	61	2,6	0,6	1	?	5,5	4
31	X–XII вв.	74	2,2		2	16	6	3
32	—	72	4		1,7	?	14	0
33	VIII — нач. IX в.	77	3,5		1,5	15	8	0
34	X–XII вв.	66	3,1		1	20	8	8
35	XI–XIII вв.	64,6	3,6	0,8	2	0	7,4	0
36	—	75	2,5		2,1	?	8	4
37	—	72	2,7	0,6	2,5	?	9	1,5
38	—	59	2,2	0,8	2,5	?	6	5

39	XI—XII вв.	96	3,1		1	0	10	0
40	—	96	4		1,9	0	17	2
41	—	100	4	0,4	2,4	17	10	10
42	XI—XIII вв.	92,7	3,3	1	1,5	12,7	7,5	7
43	XIV в.	98	4		1,7	?	10	0
44	XI—XIII вв.	92,4	3,4	0,6	1,8	17,5	6 см сохр.	0
45	XII—XIV вв.	95,5	3,1	0,8		22	9,5	
46	XII—XIV вв.	97,5	2,6		1	17	10	7
47	—	100	5		2	0	15	3
48	—	96			2	15,5	12	10
49	—	88	2,7		2	0	9	Сломана
50	—	83,5	3	0,8	1,7	?	12,5	9
51	XII—XIV вв.	89	2,6	0,8		14	8	
52	—	81	2,8	0,6	2	0	8,9	10
53	VIII—X вв.	92,5	3	1	1,7	0	12	9
54	—	84	3	0,4	2,5	?	6	4
55	XII в.	93	3,1		3	0	10,2	10
56	X—XII вв.	98	3		3	15	7	7
57	XII—XIV вв.	96,5	3,1	0,8		19,5	10,5	
58	XII в.	99,3	4,5		3	0	7,2	0
59	XI—XIII вв.	89	3,3	0,9	2,5	24,5	1 см сохр.	Сломана
60	—	95	4,1		3	0	9	0
61	X—XIII вв.	85	3		3	0	11	3
62	XII—XIV вв.	98	3	1	3,5	?	12	3
63	X—XII вв.	100	3		3,3	22	10	15

№ сабли	Дата	Длина клинка	Ширина клинка	Толщина клинка	Кривизна клинка	Обоюдо-острый конец	Длина рукояты	Угол наклона рукояты
64	XI—XIII вв.	84	3,9	0,87	4	15	9	0
65	XIII—XV вв.	86	3,4		3,7	0	14	2
66	XII—XIV вв.	92,5	3,8	0,9	4	?	12,5	
67	XIII—XV вв.	91	2,5		4	0	Сохр. 2 см	
68	X—XII вв.	97	2,7		3,5	20	7	11
69	XI—XIII вв.	93	3,3	0,8	3,1	24	3 см. сохр.	6
70	XII—XIV вв.	91,7	4		3,5	0	6	2
71	XII—XIII вв.	100	3,1	0,9	3,3	0	Сохр. 3 см	
72	1340 г.	88	4,5	1	Прямой	35-44	12	10
73	—	88,6	3,4		0,3	0	11,4	1
74	XII—XIII вв.	111	4		1,7	0	14	0
75	XII—XIV вв.	102	3,8		2	?	10	9
76	—	101	4		1,9	0		Сломана
77	XI—XII вв.	102	3,1			?	8	
78	—	109	3,1		3	?	11	6
79	—	105	4,5		1,7	0	10	7
80	(XII—XIII вв.)	104	4		2	0	8	7
81	XII—XIV вв.	108	3	0,9	2,2	25	11	
82	XII—XIII вв.	110	4	1	2,1	0	8	15
83	IX—XIII вв.	104	3,5	0,7	2,1	24	6	

84	XIII—XIV BB.	105	3,5		3	0	10,5	1
85	XIII B.	105	3,5		1,5	0	11	4
86	(XII—XIII BB.)	101	3,1		3	0	9	5
87	—	115,5	4,7		2	0	12,5	0
88	XII—XIV BB.	101	3,5	0,9	3	21	11	11
89	XII—XIV BB.	109,5	3,3	1	3	?	7,5	1,5
90	XII—XIV BB.	106	3	0,9	3	30	12	3
91	XIV—XV BB.	101	3		3	?	9	0
92	(XII—XIII BB.)	107,4	4,5			0	15,6	
93	XII—XIV BB.	101,7	2,6	1	2,5	25	8,3	5
94	XII—XIV BB.	104	2,5	1	3	0	12	4
95	—	117	3		3	0	18	0
96	XII—XIV BB.	105,2	3,4	1	4,3	25	10,8	7
97	XII—XIV BB.	104,5	3,5	1	8,5	35	Сохр. 2,5 см	
98	—	109,5	3,5		4,5	0	7,5	0
99	—	105	3	0,9	8	0	10,5	15
100	XIII—XV BB.	110	2,8		6	0	7	8
101	X—XII BB.	121	3,7		4,5	18	10	14
102	XIII—XV BB.	109	3		4	0	11	2
103	XIV—XV BB.	111	3		4	?	11	7
104	XIII—XV BB.	108	2,7		7	0	Сохр. 2 см	7
105	XIII—XV BB.	108	2,6		5	0	6	2
106	XIII—XV BB.	102	2,7		5	0	6	5
107	XIII—XV BB.	100	2,7		6	0	10	2
108	XIII—XV BB.	108	3		6	0	6	

№ сабли	Дата	Длина клинка	Ширина клинка	Толщина клинка	Кривизна клинка	Обоюдо-острый конец	Длина рукояти	Угол наклона рукояти
109	XIII—XV вв.	110	2,8		4,5	0	8	1
110	XIV в.	120	5		4,1	?	12	7
111	VIII—X вв.	64	3	0,5	Согнут	12	8	11
112	VIII—X вв.	79	2,5	0,5	Согнут	16,5	11	0
113	VIII—X вв.	65	3	0,5	Согнут	16	11	0
114	XI—XII вв.	69	2,1	0,45	Согнут	11,5	6	4
115	—	71,2	2,4	0,6	Согнут	0	7,8	0
116	VIII—X вв.	70	3	0,5	Согнут	14	11	Согнута
117	XI—XIII вв.	65	3	0,7	Согнут	14	7,5	0
118	XI—XII вв.	73,5	2,5		Согнут	0	8	6
119	XI—XIII вв.	71	2	0,5	Согнут	15	9	10
120	VIII—X вв.	75	3,1		Согнут	19	11	7
121	VIII—X вв.	71,6	4,1	0,5	Согнут	?	10,4	7
122	VIII—X вв.	74	3,2		Согнут	0	11	1
123	VIII—X вв.	73	3,3		Согнут	14,5	11,5	5
124	VIII—X вв.	70	3,6	0,5	Согнут	16	10	1
125	VIII—X вв.	74,2	4	0,5	Согнут	?	7,8	Согнута
126	—	74	3,4	0,5	Согнут	?	6	0
127	XI—XIII вв.	79,5	3,6	1,1	Согнут	?	7,5	Согнута
128	—	78	3,4	0,8	Согнут	0	6	0

129	—	70	3,1	0,8	Согнут	?	Сломан	Сломана
130	XI—XII вв.	85	2,8		Согнут	0	6	2
131	XI—XIII вв.	83,1	3	0,8	Согнут	17	8,9	0
132	—	85,7	2,7	1	Согнут	0	7,3	4
133	XI—XIII вв.	92	3	0,7	Согнут	21	3,5 см сохр.	0
134	XII—XIII вв.	94	3		Согнут	?	10	0
135	XI—XIII вв.	92	2,8	0,6	Согнут	10	4 см сохр.	0
136	—	93	2,7	0,6	Согнут	?	6	0
137	—	82	3	0,4	Согнут	15	6	4
138	—	91,5	3,5	0,8	Согнут	?	10,5	4
139	(XII—XIII вв.)	97			Согнут	?	11	0
140	XI—XIII вв.	88	3,6	0,9	Согнут	14	7	Сломана
141	XII—XIV вв.	92,4	4	1	Согнут	0	9,6	6
142	XII—XIV вв.	94,5	3,4	0,9	Согнут	21	10,5	3
143	XI—XIII вв.	88	3,6	0,92	Согнут	42	7	0
144	XII—XIV вв.	95	3,3	0,8	Согнут	30	11	0
145	XI—XIII вв.	88	3,9	0,8	Согнут	9	6	0
146	XI—XIII вв.	94,5	3,8	0,9	Согнут	12	7,5	0
147	XII—XIV вв.	101,1	4	0,9	Сломан	20	9,9	2
148	XII—XIV вв.	125	3,2	0,9	Сломан	?	9	0
149	XIV в.	118,5	4	1	Согнут	20	12,5	5
150	—	105	3,3		Сломан	В ножнах	12	Сломана
151	—	106,6	3,8		Сломан	0	11	0
152	XI—XIII вв.	107,5	3,2	0,8	Согнут	12	6,5	7

Общие данные о саблях

№ сабли	Шифр отчета в ОА ИА РАН	Автор и год исследования	Расположение могильника
1	P-1 1728+a	Дитлер П.А. 1958 г.	Колосовка, кург. 2, погр. 1
2	P-1 1728+a	Дитлер П.А. 1958 г.	Колосовка, кург. 2, погр. 2
3	P-1 1728+a	Дитлер П.А. 1958 г.	Колосовка, кург. 2, погр. 4
4	P-1 14147-14150	Тарабанов В.А. 1989 г.	Крымский р-н, с. Молдавановка пог. 25
5	P-1 6290+a-б	Дмитриев В.А. 1974 г.	Дюрсо, погр. 248
6	P-1 9882+a	Каминский В.Н. 1980 г.	В 3,5 км. от ст. Старокорсунской, погр. 15 (грунтовое)
7	P-1 11610+a-г	Тарабанов В.А. 1986 г.	Казазово II, погр. без номера между 76 и 79 погр. (кремация)
8	P-1 11610+a-г	Тарабанов В.А. 1986 г.	Казазово II, погр. 78 (кремация)
9	P-1 10918+a-б	Ловпаче Н.Г. 1982-1983 гг.	Псекупс I, погр. 133
10	P-1 11616+a-в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 75 (ингумация)
11	P-1 7482+a	Марченко И.И. 1978 г.	Калининский р-он, хутор Чапаевский кург. 29, погр. 2
12	P-1 6290+a-б	Дмитриев В.А. 1974 г.	Дюрсо, погр. 200
13	P-1 6290+a-б	Дмитриев В.А. 1974 г.	Дюрсо, погр. 22
14	P-1 6290+a-б	Дмитриев В.А. 1974 г.	Дюрсо, погр. 15
15	P-1 6290+a-б	Дмитриев В.А. 1974 г.	Дюрсо, п. 118
16	P-1 6290+a-б	Дмитриев В.А. 1974 г.	Дюрсо, погр. 8
17	P-1 6290+a-б	Дмитриев В.А. 1974 г.	Дюрсо, погр. 17
18	P-1 10918+a-б	Ловпаче Н.Г. 1982-1983 гг.	Псекупский I, погр. 68
19	P-1 11616+a-в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 42 (ингумация)
20	P-1 6290+a-б	Дмитриев В.А. 1974 г.	Дюрсо, погр. 1

21	Р-1 6290+а-б	Дмитриев В.А. 1974 г.	Дюосо, погр. 20
22	Р-1 10541+а-б	Шевченко Н.Ф. 1984 г.	Корневский р-н, хутор Пролетарский кург. 4, погр. 6
23	Р-1 11616+а-в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 79 (ингумация)
24	Р-1 11616+а-в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 14 (кремация)
25	Р-1 11616+а-в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 74 (ингумация)
26	Р-1 13766+а	Носкова Л.М. 1986 г.	Ленинохабльский, (кремация) погр. 10
27	Р-1 13448-13453	Пьянков А.В. 1988 г.	Циплиевский пог. 5(ингумация)
28	Р-1 12828-12382	Лимберис Н.Ю. 1986 г.	Калининский р-н, кург. «Овальный», погр. 22 (в 1,5 км к с. от шоссе ст. Калининская ст. Новониколаевская)
29	Р-1 11616+а-в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 78 (ингумация)
30	Р-1 11616+а-в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 83 (ингумация)
31	Р-1 13686+а	Савченко Е.И. 1985 г.	Мингрельский, кург. 16, погр. 5 (ингумация)
32	Р-1 10904+а	Носкова Л.М. 1985 г.	Ново-Вочепшийский погр. 16
33	Р-1 10918+а-б	Ловпаче Н.Г. 1982-83 гг.	Псекупс I, раскоп. 4, погр. 4
34	Р-1 10918+а-б	Ловпаче Н.Г. 1982 г.	Псекупс IV, погр. 5 (кремация)
35	Р-1 13448-13453	Пьянков А.В. 1988 г.	Циплиевский пог. 17 (ингумация)
36	Р-1 11616+а-в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 59 (ингумация)
37	Р-1 11616+а-в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 52 (ингумация)
38	Р-1 11616+а-в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 46
39	Р-1 11607+а	Гей А.Н. 1983 г.	Коллекторский кург. 1, погр. 1 (ингумация)
40	Р-1 12399+а	Бочкарев В.С. 1986 г.	Динской р-он, кург. группа «Новотиторовка» кург. 1, погр. 4
41	Р-1 19040-19042	Тарабанов В.А. 1994 г.	«Вербовый» погр. 5 (ингумация)
42	Р-1 13448-13453	Пьянков А.В. 1988 г.	Циплиевский пог. 46 (ингумация)
43	Р-1 21995+а	Волков И.В. 1998 г.	Первомайский, кург. 7, погр. 1 (ингумация)
44	Р-1 13448-13453	Пьянков А.В. 1988 г.	Циплиевский пог. 73 (ингумация)

Приложение 1 (продолжение)

№ сабли	Шифр отчета в ОА ИА РАН	Автор и год исследования	Расположение могильника
45	P-1 21694–21695	Дмитриев А.В. 1998 г.	Цемдолина на пашне кург. 4, погр. лошади 2
46	P-1 19482–19484	Мальшев А.А. 1995 г.	Цемдолина I, погр. 20 (ингумация)
47	P-1 8243+a	Бочкарев В.С. 1980 г.	Новокорсунский кург. 34, погр. 1
48	P-1 9878+a–б	Тарабанов В.А. 1983 г.	Кореневский р-он, колх. им. «XXII партсъезда» кург. 3, погр. 1
49	P-1 11277+ а–г	Каминский В.Н. 1986 г.	В 2,3 км к востоку от с. Успенского кург. 11, погр. 1
50	P-1 11616+a–в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 58 (ингумация)
51	P-1 21694–21695	Дмитриев А.В. 1998 г.	Цемдолина на пашне кург. 1, погр. 2
52	P-1 11616+a–в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 32 (ингумация)
53	P-1 14315–14318	Лимберис Н.Ю. 1985 г.	Калининский р-он, кург. «Подозрительный», в 3 км к юву от моста через магистр. Понурский канал
54	P-1 11616+a–в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 69 (ингумация)
55	P-1 11359+a–в	Шевченко Н.Ф. 1986 г.	Хутор Пролетарский, кург. 8, погр. 8
56	P-1 13686+a	Савченко Е.И. 1985 г.	Мингрельский, кург. 16, погр. 9 (ингумация)
57	P-1 21694–21695	Дмитриев А.В. 1998 г.	Цемдолина на пашне кург. 4, погр. лошади 1
58	P-1 11281+a	Дьяченко А.Н. 1984 г.	Тихорецкий р-он, в 8 км от п. Еремизино-Борисовский
59	P-1 13448–13453	Пьянков А.В. 1988 г.	Циплиевский пог. 68 (ингумация)
60	P-1 11359+a–в	Шевченко Н.Ф. 1986 г.	Хутор Пролетарский, кург группа 2, кург. 4, погр. 4
61	P-1 14085–14086	Носкова Л.М. 1991 г.	Фарс 2, п. 4 (ингумация)
62	P-1 19482–19484	Мальшев А.А. 1995 г.	Цемдолина I, погр. 46 (погребение лошади)
63	P-1 13686+a	Савченко Е.И. 1985 г.	Мингрельский, кург. 17, погр. 6 (ингумация)
64	P-1 13448–13453	Пьянков А.В. 1988 г.	Циплиевский пог. 15 (кремация)

65	Р-1 8765+а	Скрипкин А.С. 1981 г.	В 4 км к ю-з от х. Северный, кург. I, погр. 1
66	Р-1 19482–19484	Мальшев А.А. 1995 г.	Цемдолина I, погр. 45 (ингумация)
67	Р-1 6524+а	Ждановский А.М. 1975 г.	Ленинохабль, погр. 52 (ингумация)
68	Р-1 13686+а	Савченко Е.И. 1985 г.	Мингрельский, кург. 16, погр. 4 (ингумация)
69	Р-1 13448–13453	Пьянков А.В. 1988 г.	Ципляевский пог. 51 (ингумация)
70	Р-1 19482–19484	Мальшев А.А. 1995 г.	Цемдолина I, погр. 5 (ингумация)
71	Р-1 12828–12832	Лимберис Н.Ю. 1986 г.	Калининский р-н, кург. «Овальный», погр. 13 (в 1,5 км к с. от шоссе ст. Калининская ст. Новониколаевская)
72	Р-1 12585–12587	Анфимов И.Н. 1988 г.	Калининский р-н колх. «Рассвет» курган 3, погр. 1
73	Р-1 10904+а	Носкова Л.М. 1985 г.	Ново-Вочепшийский погр. 1 (конское)
74	Р-1 7863–7865+а–в	Марченко И.И. 1979 г.	В 150 м от МПО бригады № 1 колхоза им. Ленина; курган 2, погр. 7
75	Р-1 19482–19484	Мальшев А.А. 1995 г.	Цемдолина I, погр. 16 (ингумация)
76	Р-1 11607+а	Гей А.Н. 1983 г.	Коллекторский кург. 2, погр. 14 (ингумация)
77	Р-1 7863–7865+а–в	Марченко И.И. 1979 г.	Дорога Новониколаевское д. Могуковровка в 280 м от нее кург. 61, погр. 3
78	Р-1 20092	Дмитриев А.В. 1986 г.	База отдыха «Чайка», кург. 1, погр. лошади 1
79	Р-1 7863–7865+а–в	Марченко И.И. 1979 г.	В 150 м от МПО бригады № 1 колхоза им. Ленина; курган 66, погр. 1
80	Р-1 9226+а	Скрипкин А.С. 1982 г.	Дмитриевская кург. 4, погр. 2
81	Р-1 21694-21695	Дмитриев А.В. 1998 г.	Цемдолина на пашне кург. 5
82	Р-1 11281+а	Дьяченко А.Н. 1984 г.	Тихорецкий р-н, в 8 км от п. Еремизино-Борисовский кург. гр. «Кривуша-84» кург. 1, погр. 1
83	Р-1 12378+а–6	Пьянков А.В. 1987 г.	Центрлаба II, кург. 3, погр. 1 (ингумация)
84	Р-1 10857+а	Гей А.Н. 1979–1980 гг.	Лебеди I, кург. 3, погр. 6 (ингумация)
85	Р-1 7329+а–6	Нехаев А.А. 1978 г.	Корневский р-н х.Верхний, кург. 14, погр. 5
86	Р-1 9226+а	Скрипкин А.С. 1982 г.	Дмитриевская кург. 4, погр. 1
87	Р-1 7551+а	Нехаев А.А. 1979 г.	Корневский р-н ст. Раздольная, кург. 9, погр. 3

Приложение 1 (продолжение)

№ сабли	Шифр отчета в ОА ИА РАН	Автор и год исследования	Расположение могильника
88	Р-1 19482—19484	Мальшев А.А. 1995 г.	Цемдолина I, погр. 44 (ингумация)
89	Р-1 19482—19484	Мальшев А.А. 1995 г.	Цемдолина I, погр. 28 (погребение лошади)
90	Р-1 19482—19484	Мальшев А.А. 1995 г.	Цемдолина I, погр. 35 (ингумация)
91	Р-1 15176+a	Носкова Л.М. 1990 г.	Кабардинский, кург. 20, основное (каменный ящик)
92	Р-1 9226+a	Скрипкин А.С. 1982 г.	Дмитриевская кург. 1, погр. 2
93	Р-1 19482—19484	Мальшев А.А. 1995 г.	Цемдолина I, погр. 42 (ингумация))
94	Р-1 19482—19484	Мальшев А.А. 1995 г.	Цемдолина I, погр. 36 (ингумация)
95	Р-1 12481+a	Бестужев Г.Н. 1987 г.	Бугундырь VI, кург. 6, погр. 1
96	Р-1 19482—19484	Мальшев А.А. 1995 г.	Цемдолина I, погр. 47 (ингумация)
97	Р-1 19482—19484	Мальшев А.А. 1995 г.	Цемдолина I, погр. 50 (ингумация)
98	Р-1 9882+a	Каминский В.Н. 1980 г.	В 3,5 км от ст. Старокорсунской, погр. 21 (грунтовое)
99	Р-1 12518+a	Клепиков В.М. 1987 г.	Мостовской р-н, кург. гр. Центрлаба I, в 1 км к сз от х. Центрлаба
100	Р-1 6524+a	Ждановский А.М. 1975 г.	Ленинохабль, погр. 8 (ингумация)
101	Р-1 6524+a	Ждановский А.М. 1975 г.	Ленинохабль, погр. 69 (ингумация)
102	Р-1 6524+a	Ждановский А.М. 1975 г.	Ленинохабль, погр. 34 (ингумация)
103	Р-1 10918+a—6	Ловпаче Н.Г. 1982 г.	Псекупс I, погр. 144 (ингумация)
104	Р-1 6524+a	Ждановский А.М. 1975 г.	Ленинохабль, погр. 96 (ингумация)
105	Р-1 6524+a	Ждановский А.М. 1975 г.	Ленинохабль, погр. 14 (ингумация)
106	Р-1 6524+a	Ждановский А.М. 1975 г.	Ленинохабль, погр. 72 (ингумация)
107	Р-1 6524+a	Ждановский А.М. 1975 г.	Ленинохабль, погр. 68 (ингумация)

109	Р-1 13686+а	Савченко Е.И. 1985 г.	Мингрельский, кург. 17, погр. 1 (ингумация)
110	Р-1 21995+а	Волков И.В. 1998 г.	Первомайский, кург. 1, погр. 1 (ингумация)
111	Р-1 11610+а—г	Тарабанов В.А. 1986 г.	Казазово II, погр. 45 (кремация)
112	Р-1 11610+а—г	Тарабанов В.А. 1986 г.	Казазово II, погр. 69 (кремация)
113	Р-1 11610+а—г	Тарабанов В.А. 1986 г.	Казазово II, погр. 27 (кремация)
114	Р-1 17633+а	Новичихин А.М. 1992 г.	Андреевская щель, погр. 5 (кремация)
115	Р-1 11616+а—в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 104 (ингумация)
116	Р-1 11610+а—г	Тарабанов В.А. 1986 г.	Казазово II, погр. 46 (кремация)
117	Р-1 13448—13453	Пьянков А.В. 1988 г.	Циплиевский пог. 9 (ингумация)
118	Р-1 12140+а	Носкова Л.М. 1987 г.	Район р.Чишхо погр. 33 (кремация)
119	Р-1 13448—13453	Пьянков А.В. 1988 г.	Циплиевский пог. 70 (кремация)
120	Р-1 14147—14150	Тарабанов В.А. 1989 г.	Крымский р-н, с. Молдавановка пог. 23
121	Р-1 11610+а—г	Тарабанов В.А. 1986 г.	Казазово II, погр. 7 (кремация)
122	Р-1 14147—14150	Тарабанов В.А. 1989 г.	Крымский р-н, с. Молдавановка пог. 35
123	Р-1 14147—14150	Тарабанов В.А. 1989 г.	Крымский р-н, с. Молдавановка пог. 2
124	Р-1 11610+а—г	Тарабанов В.А. 1986 г.	Казазово II, погр. 53 (кремация)
125	Р-1 11610+а—г	Тарабанов В.А. 1986 г.	Казазово II, погр. 11 (кремация)
126	Р-1 11616+а—в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 11 (кремация)
127	Р-1 13448—13453	Пьянков А.В. 1988 г.	Циплиевский пог. 18 (кремация)
128	Р-1 11616+а—в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 43 (кремация)
129	Р-1 11616+а—в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 88 (ингумация)
130	Р-1 13766+а	Носкова Л.М. 1986 г.	Ленинохабльский, погр. 29 (кремация)
131	Р-1 13448—13453	Пьянков А.В. 1988 г.	Циплиевский пог. 6 (кремация)
132	Р-1 11616+а—в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 15 (кремация)
133	Р-1 13448—13453	Пьянков А.В. 1988 г.	Циплиевский пог. 11 (кремация)

Приложение 1 (продолжение)

№ сабли	Шифр отчета в ОА ИА РАН	Автор и год исследования	Расположение могильника
134	Р-1 15176+a	Носкова Л.М. 1990 г.	Кабардинский, кург. 48, основное (кремация)
135	Р-1 13448-13453	Пьянков А.В. 1988 г.	Циплиевский пог. 10 (кремация)
136	Р-1 11616+a-в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 86 (ингумация)
137	Р-1 11616+a-в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 66 (ингумация)
138	Р-1 11616+a-в	Пьянков А.В. 1986 г.	Черноклен, кург. 1, погр. 12 (кремация)
139	Р-1 15176+a	Носкова Л.М. 1990 г.	Кабардинский, кург. 12, основное (кремация)
140	Р-1 13448-13453	Пьянков А.В. 1988 г.	Циплиевский, пог. 1 (кремация)
141	Р-1 19482-19484	Мальшев А.А. 1995 г.	Цемдолина I, погр. 33 (погребение лошади)
142	Р-1 19482-19484	Мальшев А.А. 1995 г.	Цемдолина I, погр. 18 (погребение лошади)
143	Р-1 13448-13453	Пьянков А.В. 1988 г.	Циплиевский пог. 16 (кремация)
144	Р-1 21694-21695	Дмитриев А.В. 1998 г.	Цемдолина на пашне кург. 14
145	Р-1 13448-13453	Пьянков А.В. 1988 г.	Циплиевский пог. 48 (кремация)
146	Р-1 13448-13453	Пьянков А.В. 1988 г.	Циплиевский пог. 74 (ингумация)
147	Р-1 19482-19484	Мальшев А.А. 1995 г.	Цемдолина I, погр. 31 (погребение лошади)
148	Р-1 19482-19484	Мальшев А.А. 1995 г.	Цемдолина I, погр. 14 (погребение лошади)
149	Р-1 21995+a	Волков И.В. 1998 г.	Первомайский, кург. 6, погр. 1 (ингумация)
150	Р-1 10551+a	Мельник В.И. 1984 г.	Калининский р-н, кург. гр. Пилипенковская I, кург. 1, погр. 2
151	Р-1 8847+a	Седова М.С. 1980 г.	«Лебеди VI», кург. 1, погр. 8
152	Р-1 13448-13453	Пьянков А.В. 1988 г.	Циплиевский пог. 49 (кремация)

Наконечники копий (размеры в см)

№ н/н	Длина копья	Длина пера	Ширина пера	Длина втулки	Диаметр втулки	Длина копья/ длина пера	Могильник, № погребения
1	36,8	24,8	1,5	12	4	1,4	Дмитровский, к. 1, п. 2
2	36,9	27,6	2,3	9,3	4,2	1,3	Старокорсунский п. 24 (ингум.)
3	28,5	19,5	3,6	9	3	1,4	Андреевская щель, п. 5
4	26	18,5	2,2	7,5	2	1,4	Псекупс п. м.
5	26,5	19,5	2,2	7	2	1,3	Псекупс I, п. 4. (ингум.)
6	33	23	2,8	10	2,2	1,4	Молдавановка, п. м.
7	26,6	18,2	2	8,4	2,2	1,4	Ново-Вочепшийский. к. 69 (ингум.)
8	26,2	18	2,2	8,2	2,5	1,4	Псекупс п. м.
9	29	14	1,8	15	3	2	Молдавановка, п. м.
10	29,1	15,8	2,5	13,3	3,5	1,8	Псекупс I, п. 133 (б/у крем.)
11	30,4	18	2,4	12,4	2,4	1,6	Казазово II. п. 7 (крем.)
12	42,2	24,2	4	18	3,7	1,7	Казазово II. п. 69 (б/у крем.)
13	23,5	10,3	3,5	13,2	3,2	2,28	Казазово II. п. ????, (б/у крем.)
14	22,5	12,5	3,3	10,5	2,2	1,8	Молдавановка, объект 10
15	30	18	6	12	3,5	1,6	Молдавановка, п. 2 (крем.)
16	30,8	17,8	5	13	3	1,7	Молдавановка, п. м.
17	29	16,3	4,2	12,7	2,8	1,7	Циплиевский кут, п. 22

№ н/н	Длина копья	Длина пера	Ширина пера	Длина втулки	Диаметр втулки	Длина копья/ длина пера	Могильник, № погребения
18	30	17	5,5	13	3,2	1,7	Молдавановка, п. 35(кремация)
19	22,5	11,3	3,3	11,2	3	1,9	Северский р-н, э/э «Сатурн» п. м. подкург. погребения
20	18,7	9,5	2,2	9,2	1,9	1,9	Черноклен. п. 18 (крем.в урне)
21	29	15	2,9	14	3	1,9	Казазово II. п. 29 (крем.)
22	29,5	17	2,5	12,5	2,5	1,7	Колосовка I, п. 4 (крем.)
23	30,5	20	2,3	10,5	3	1,5	Ново-Вочепшийский. п. 90 (ингум.)
24	29,5	15,5	2,3	14	3	1,9	Ново-Вочепшийский, п. 16 (инг)
25	28	17,2	2	10,8	2,3	1,6	Казазово II. п. 77 (б/у крем.)
26	28,5	16,5	2	12	2,2	1,7	Керченская щель (подкург. крем.)
27	26	13,7	2,3	12,3	3,8	1,8	Молдавановка, п. м.
28	30	18	2,5	12	3,1	1,6	Дюрсо, п. 122
29	25	14	1,5	11	4,5	1,7	Борисовский, п. 134
30	24,3	13,5	1,6	10,8	3	1,8	Молдавановка, п. 1 (крем.)
31	26 сохр.	19	2,2	7 сохр.	2,5	—	Казазово II. п. 46 (б/у крем.)
32	23 сохр.	15	2	7 сохр.	2,5	—	Казазово II. п. 27 (крем.)
33	34	21	2,1	13	3,2	1,6	Южная Озерейка п. м.
34	26,8	13,6	2	13,2	2,6	1,9	Дюрсо п. 26
35	27	15,5	1,5	11,5	1,9	1,7	Колосовка, п. 3 (ингум.)
36	32	19,5	3,5	12,5	3,5	1,6	Пескуис, п. м.

37	28	16	2,2	12	4,2	1,7	Молдавановка, п. 25 (крем.)
38	23,8	13	2,1	10,8	3,1	1,8	Дюрсо п. 20
39	23	13	1,9	10	2,2	1,7	Андреевская щель, п. м.
40	17	10,5	1,6	6,5	1,7	1,6	Керченская щель (подкург. крем.)
41	20	14	2	6	2,2	—	Гатлукаевское гор-ще п. м.
42	17	12,2	2,5	4,8 сохр	2,2	—	Черноклен. п. 44 (крем.в урне)
43	28	13,5	3,4	14,5	2,5	2	Дюрсо, п. 428
44	31	15,5	3,9	15,5	3,4	2	Из погр. у а.Чишхо
45	29,5	15,5	4	14	2,9	1,9	Молдавановка, п. 28 (ингум.)
46	28,3	18	5,2	10,1	3	1,5	Молдавановка, п. м.
47	28,5	16	3,8	12,5	2,8	1,7	Молдавановка, п. м.
48	22,5	12	4	10,5	2,5	1,8	Молдавановка, п. 28(ингум.)
49	24,3	13	3	11,3	2,9	1,8	Дюрсо, п. 198
50	31,1	15,1	2	16	3	2	Первомайский, к. 4. п. 1
51	24,2	13	2	11,2	2,4	1,8	Кабардинский, к. 29 (инг. в ящике)
52	24	13	2	11	2,1	1,8	Кабардинский, к. 32 (инг. в ящике)
53	19	11	1	8	2	1,7	Сапун, к. 22
54	18	11	2,3	7	1,5	1,6	Псекупс п. м.
55	18 сохр.	10 сохр.	1,7	8 сохр.	2,5	—	Мингрельский II, к. 16, п. 5
56	21 сохр.	13	1,5	7 сохр.	2	—	Мингрельский II, к. 16, п. 10
57	22	18	2,4	4 сохр.	1,8	—	Казазово п. м.
58	35,5	11,5	2	24	3,2	3,08	Молдавановка, п. 31 (крем.)
59	30	11,2	1,8	18,8	3	2,6	Молдавановка, п. м.
60	26,7	11,5	1,6	15,2	2,6	2,3	Дюрсо п. 17
61	27,5	12,5	2,2	15	3,4	2,2	Молдавановка, п. 2 (крем.)

№ н/н	Длина копья	Длина пера	Ширина пера	Длина втулки	Диаметр втулки	Длина копья/ длина пера	Могильник, № погребения
62	34	14	2	20	2,2	2,4	Молдовановка, п. м
63	31,5	13	2	18,5	3,2	2,4	Молдовановка, п. 35 (крем.)
64	34,5	15	2,1	19,5	3	2,3	Казазово II, между п. 76 и 79 (б/у крем.)
65	35,5	16	2,5	19,5	3,2	2,2	Молдовановка, п. 25 (крем.)
66	37,2	15,5	1,6	21,7	2,5	2,4	Дюрсо, п. 89
67	31	13	1,8	18	1,9	2,3	Дюрсо, п. 87
68	23	13	3	10	3,9	2,3	Молдовановка, п. м.
69	29,7	13,7	3	16	2,5	2,1	Мысхако, п. м.
70	27,5	10,5	1,5	17	2,7	2,6	Цемдолина курганный, к. 2 (в насыпи)
71	36	16	1,8	20	3,1	2,2	Молдовановка, п. м
72	27,5	16,5	2,3	11	3	1,6	Ново-Вочепшийский, п. 12 (ингум.)
73	23,7	11	2,2	12,7	3	2,1	Дюрсо п. 15
74	28	12,5	2,3	15,5	3,1	2,2	Дюрсо, п. 31
75	16,5	6,7	1,5	9,8	1,8	2,4	Дюрсо п. 248
76	29	12	2,2	13,5	3	2,4	Казазово II, п. 69 (б/у крем.)
77	29,5	14,5	2	15	2,3	2	Казазово II, п. 78 (б/у крем.)
78	29	13,5	2,2	15,5	2,4	2,1	Ново-Вочепшийский, п. 76 (ингум.)
79	26	12	1,9	14	3	2,1	ул. Косовая, п. 14 (в насыпи)
80	30	14,8	2,2	15,2	3	2,02	Глины I, п. 21 (б/у крем.)

Топоры (размеры в см)

№ п/п	Общая длина топора	Ширина лезвия топора	Длина лезвия топора	Мог-ник, № погребения	Тип, подтип, вариант
1	19	3,2	10	Казазово II, п. 10	Тип I Подтип 1, вариант А
2	23	3	11,5	Семигорье, п. м	
3	19,5	3,2	11	Казазово II, п. 69	
4	14	3	7	Дюрсо, п. 156	
5	24,5	3,7	13,2	Старокорсунская, п. 50 (ингумация)	
6	21	4	12	Казазово II, между п. 76 и 79	Вариант Б
7	19	4	10	Казазово II, п. м.	Подтип 2; вариант А
8	19	3,4	9	Молдовановка, п. м.	
9	19	4	10,5	Молдовановка, п. 23 (кремация)	
10	19	2,5	9	Дюрсо, п. 222	
11	21	4,2	9,7	Казазово II, между п. 76 и 79	Вариант Б
12	8	2,2	4,5	Дюрсо, п. 30	Тип II, Подтип 1
13	11	3	5	Дюрсо, п. 172	
14	13	3	7	Дюрсо, п. 146	
15	14	4	6,5	Казазово II, п. 72	
16	17	3,9	9,8	Псекупс I, п. 133	
17	16	4	8,5	Казазово II, п. м.	
18	13	3,1	6,5	Псекупс I, п. м.	

№ п/п	Общая длина топора	Ширина лезвия топора	Длина лезвия топора	Мог-ник, № погребения	Тип, подтип, вариант
19	18	4,2	10	Псекупс, п. м.	Тип II, Подтип 1
20	19,5	3,8	11	Молдовановка, объект 7	
21	10,5	3	6	Дюрсо, п. 15	Подтип 2, Вариант 1
22	11	4	7	Казазово II, п. 45	
23	9	2,4	4,2	Дюрсо, п. 35	
24	14	4	9	Псекупс I, п. 148	Вариант Б
25	16	5	9	Нечерзий I, п. м.	
26	15	6	6,4	Южная Озерейка, п. м.	
27	11	2,3	6	Дюрсо, п. 118	
28	12	2,9	6	Дюрсо, п. 147	Тип III Подтип 1
29	11	4	5	Дюрсо, п. 5	
30	8	2,5	4,5	Дюрсо, п. 14	
31	16,2	4,5	9	Молдавановка, п. м.	
32	14	4,8	7	Молдовановка, п. 35 (кремация)	
33	14,5	5,5	8	Молдавановка, п. 1 (кремация)	
34	11	3,5	4,4	Псекупс, п. 4	Подтип 2
35	15,5	4,5	8,3	Молдовановка, п. 29 (кремация)	
36	15	5,6	8,8	Молдовановка, п. 25 (кремация)	
37	14	4	7	Казазово II, п. 27	

38	12,2	3,3	7	Дюрсо, п. 3	Подтип 2
39	9	3,6	5,5	Дюрсо, п. 8	
40	12	5	6,5	Молдавановка, п. 2 (кремация)	Подтип 3
41	12	6,7	6	Псекупс I, п. м.	Тип IV
42	15,5	8	7,5	Казазово II, п. м.	
43	17,5	7	8,9	Псекупс I, п. м.	
44	8	10	5	Дюрсо, п. 437	Тип V
45	14	4	8,3	Псекупс I, п. 21	Тип VI
46	17,5	4,5	7,5	Молдавановка, п. 28 (кремация)	Тип VII

Приложение 4

Кинжалы (размеры в см)

№ кин- жала	Общая длина	Длина лезвия	Обоюдо- острый конец	Длина черенка	Ширина пера	№ погребения, мог-ник	Автор и год раскопок
1	15,5	10,5	6	5	1,7	Молдавановка, п. 2	Тарабанов, 1989. С. 10а. Рис. 65
2	17,5	12,5	4	5	1,8	Молдавановка, п. 23	Тарабанов, 1989. С. 1а. Рис. 249
3	19,3	13	9,5	6,3	1,7	Молдавановка, п. 31	Тарабанов, 1989. С. 19. Рис. 397, 399
4	17,5	12,5	7	5	2	Молдавановка, п. м.	Тарабанов, 1989. С. 12. Рис. 556
5	17,8	12,8	5,8	5	1,7	Дюрсо, п. 89	Дмитриев, 2003. С. 257. Рис. 90, 25
6	17	11,9	—	5,1	1,8	Казазово, п. 69	Тарабанов, 1986. С. 22. Рис. 298
7	?	?	—	?	?	Борисовский, п. 138	Саханев, 1914. С. 75—219. Табл. III, 23

Приложение 4

№ кинжала	Общая длина	Длина лезвия	Обоюдо-острый конец	Длина черенка	Ширина пера	№ погребения, мог-ник	Автор и год раскопок
8	?	?	—	?	?	Ново-Вочепший	Носкова, 2002. С. 186. Рис. 6, 12
9	22 сохр	18	—	4 сохр.	3,2	Бугундырь VI, к. 5, п. 1	Бестужев, 1987. С. 19а
10	16	11	—	5	1,5	Колхоз «Рассвет», к. 3, п. 1	Анфимов, 1988. С. 17

Приложение 5

Кистени (размеры в см)

№ кистеня	Высота	Диаметр обший	Диаметр отверстия	Вес (гр.)	Металл	Могильник, № погребения
1	5	3	0,7	?	Железо	Псекупс I, п. 8
2	3,3	4,5	—	200	Железо	Ленинохабль, п. 49
3	—	—	—	?	Железо	Горькобалковский II, п. 2
4	5	4,1	—	?	Железо	Старокорсунский, п. 68
5	3	3,3	0,4	?	Бронза	Казазово II, п. м.
6	3	3,6	0,7	?	Железо	Молдовановка, п. 31
7	4,2	4,4	0,7	?	Железо	Дюрсо, п. 1

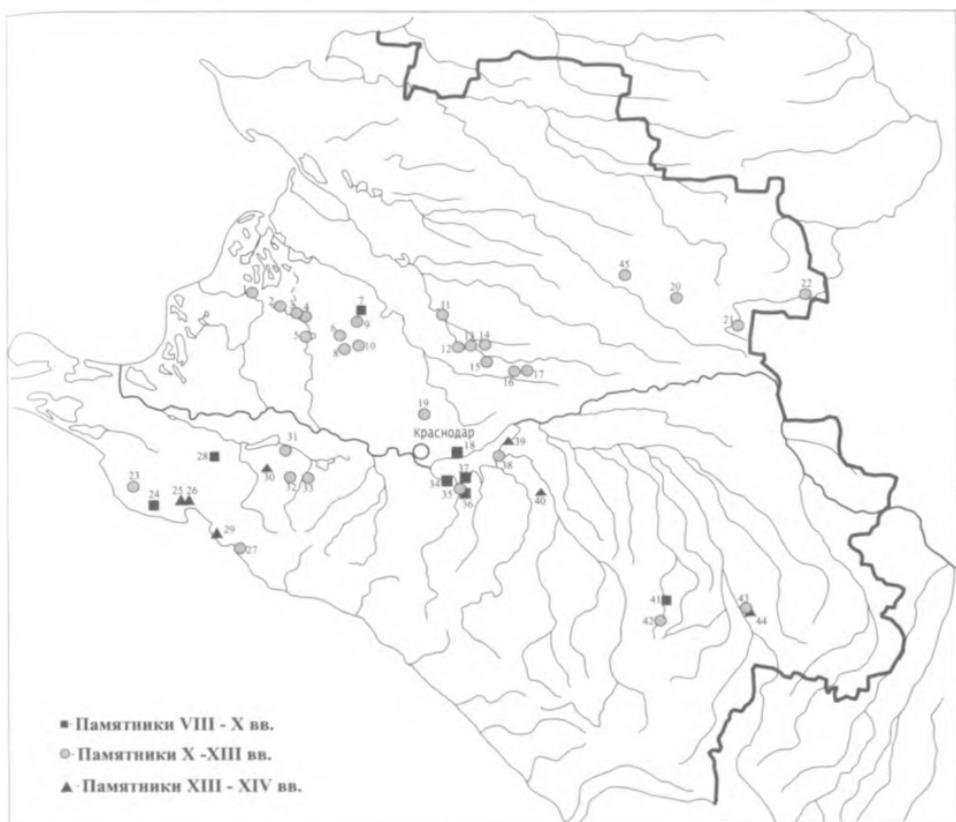

Рис. 1. Карта распространения сабель в памятниках VIII—XIV вв.

1 — Коллекторский;	16 — Верхний;	31 — Мингрельская;
2 — Пилипенковская I;	17 — «Победа»;	32 — Черноклень;
3 — Лебеди I;	18 — Старокорсунская;	33 — Циплиевский кут;
4 — Лебеди VI;	19 — Новотиторовская;	34 — Казазово;
5 — хут. им. Ленина;	20 — Еремизино-Борисов-	35 — Псекупс IV;
6 — кург. «Овальный»;	ский;	36 — Псекупс I;
7 — Чапаевский;	21 — Дмитриевский;	37 — Ново-Вочепишый;
8 — Северный;	22 — Успенское;	38 — Ленинахбль;
9 — кург. «Подозритель-	23 — Андреевская щель;	39 — «Вербовый»;
ный»;	24 — Дюрсо;	40 — Первомайский;
10 — Новокорсунский;	25 — Цемдолина на пашне;	41 — Колосовка;
11 — Пролетарский;	26 — Цемдолина курган-	42 — Фарс II;
12 — Пролетарский I;	ный;	43 — Центрлаба II;
13 — колх. им. XXII	27 — база отдыха «Чайка»;	44 — Центрлаба I;
Партсъезда;	28 — Молдаванское;	45 — Южный-84.
14 — «Рассвет»;	29 — Кабардинка;	
15 — Раздольная;	30 — Бугундырь;	

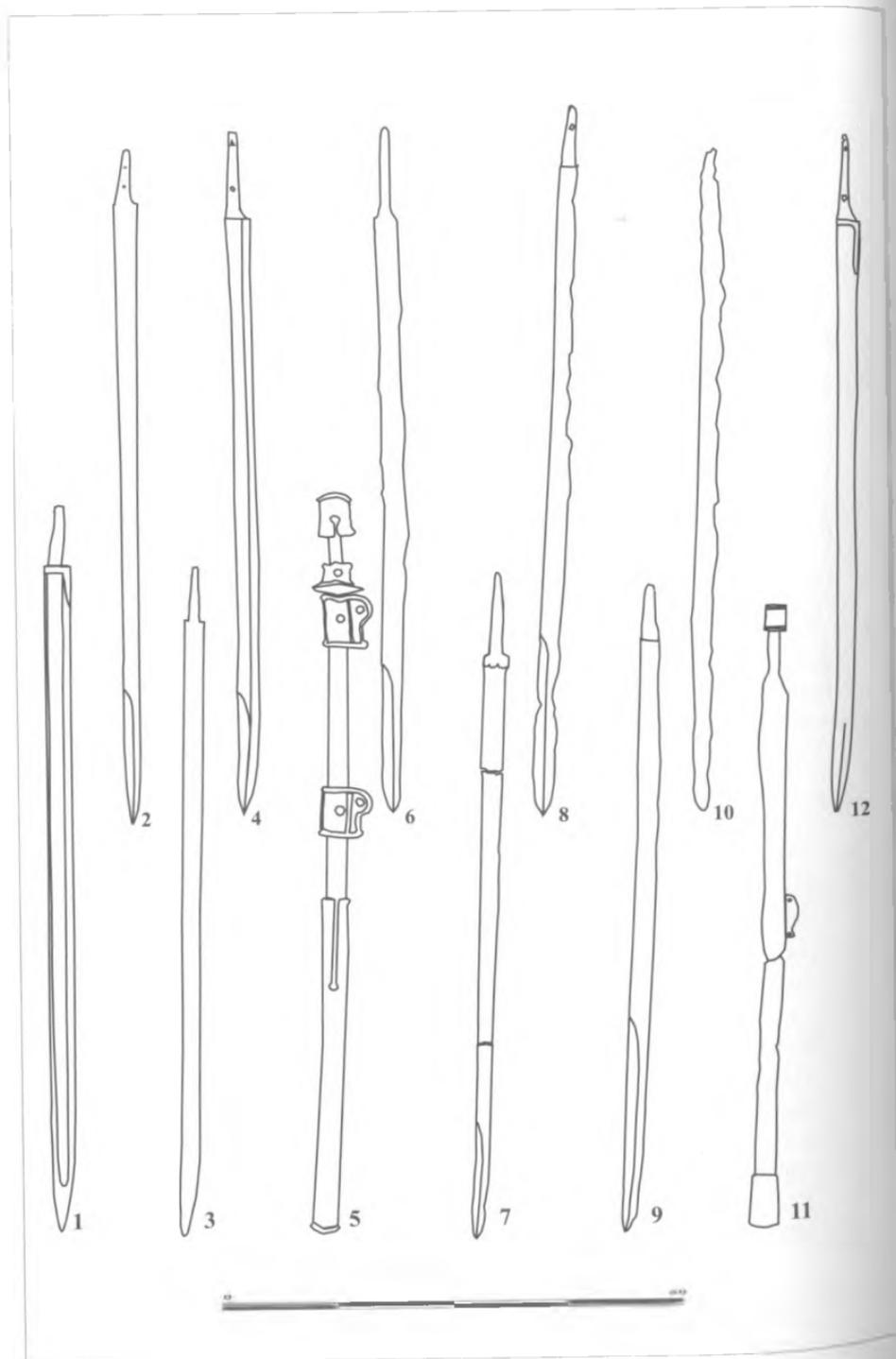
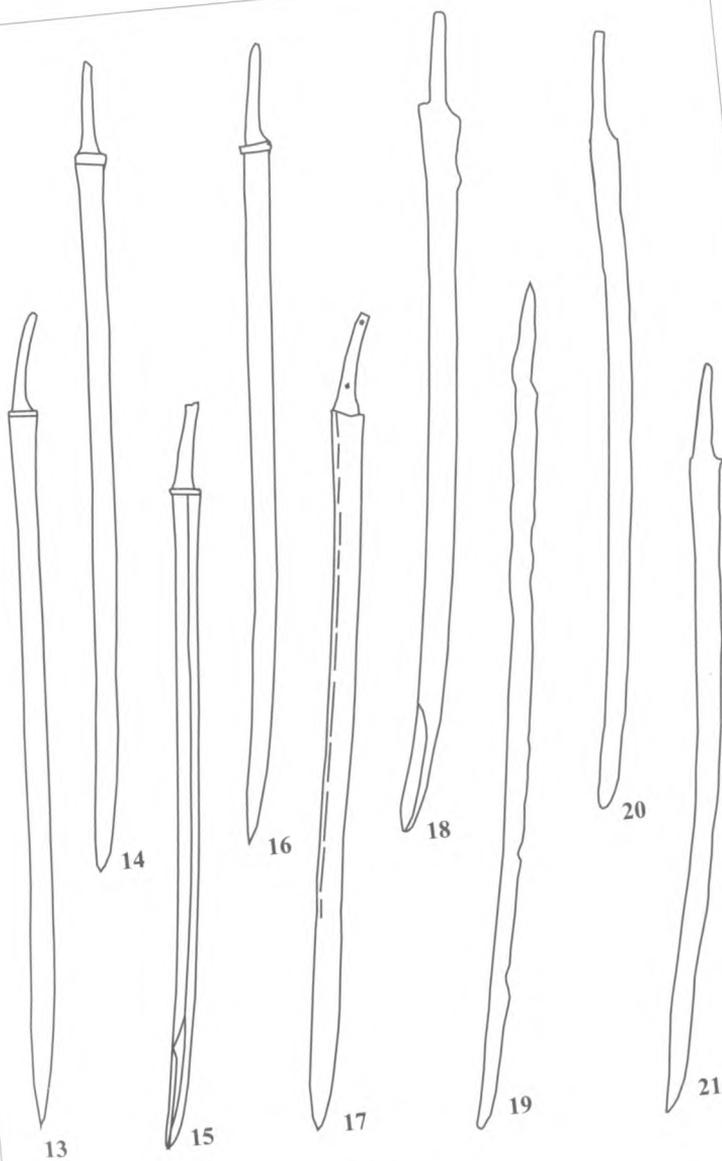

Табл. VI. Сабли. Тип I

Подтип А

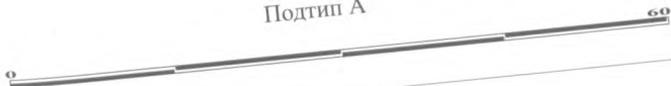

Табл. VII. Сабли. Тип II. Подтип А

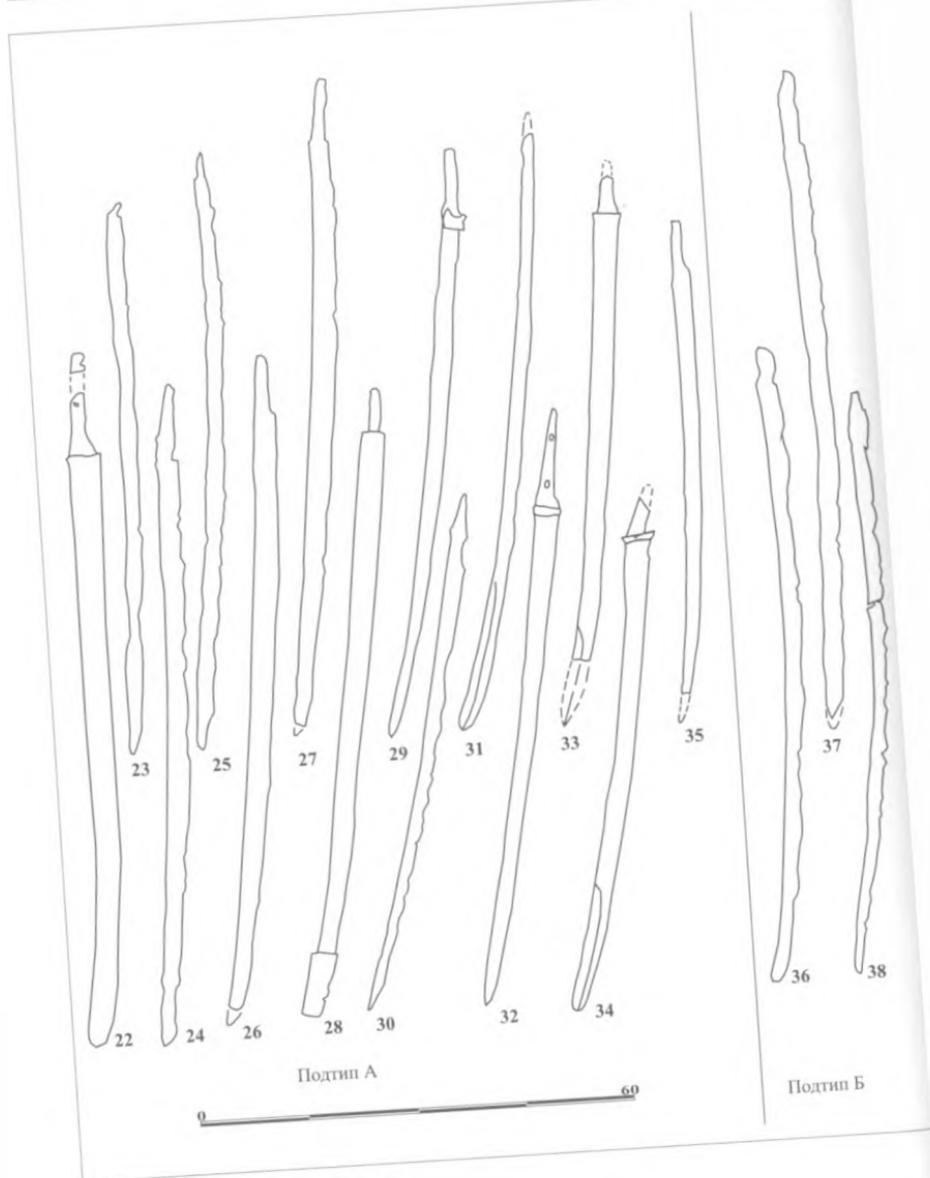

Табл. VIII. Сабли. Тип II

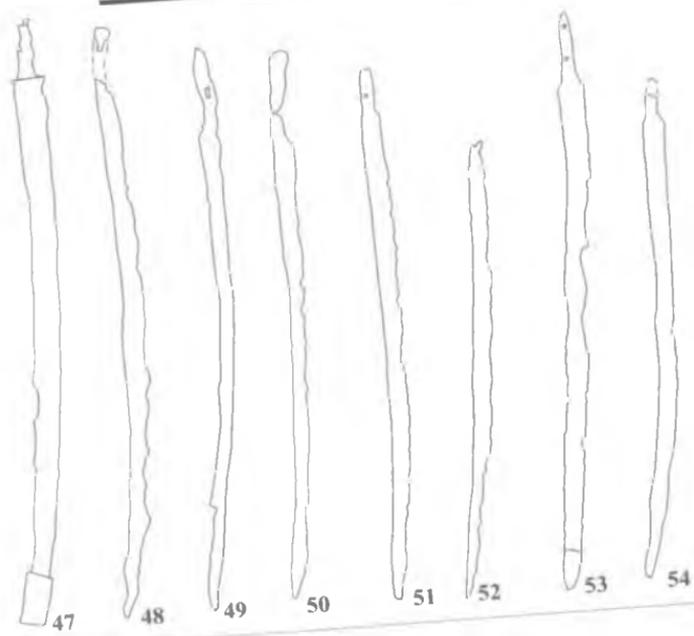
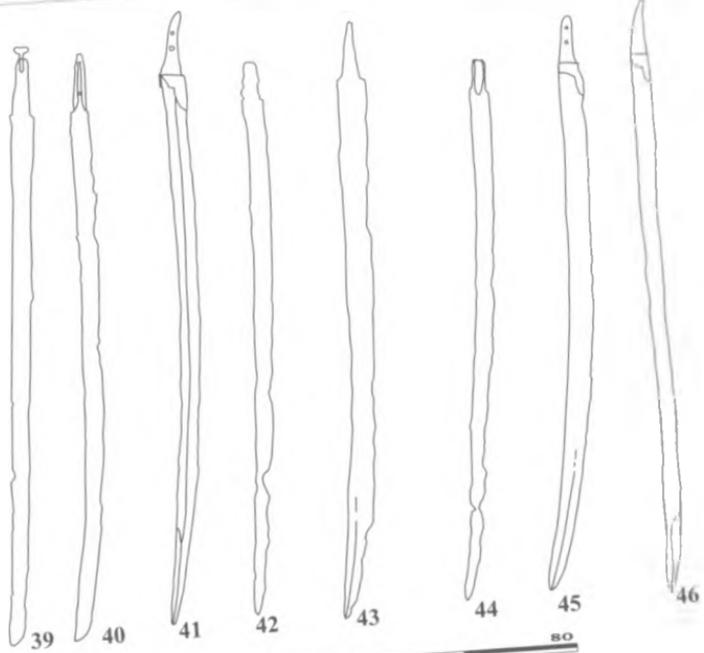

Табл. IX. Сабан. Тип III

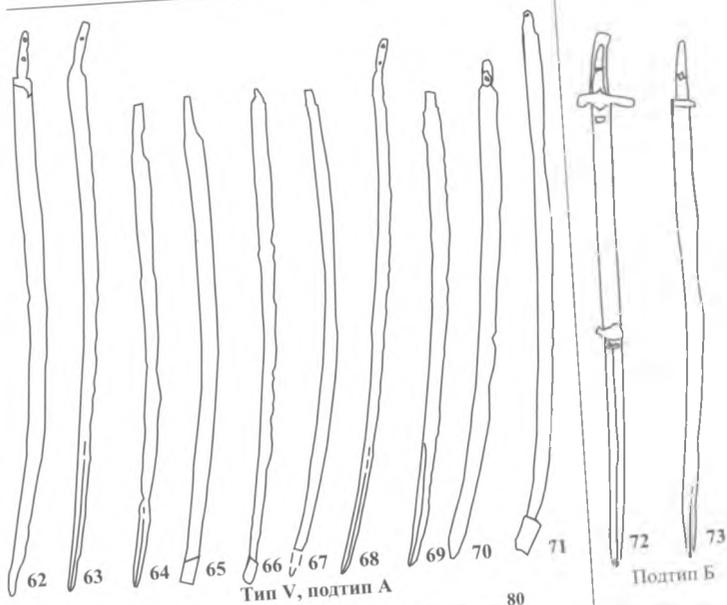
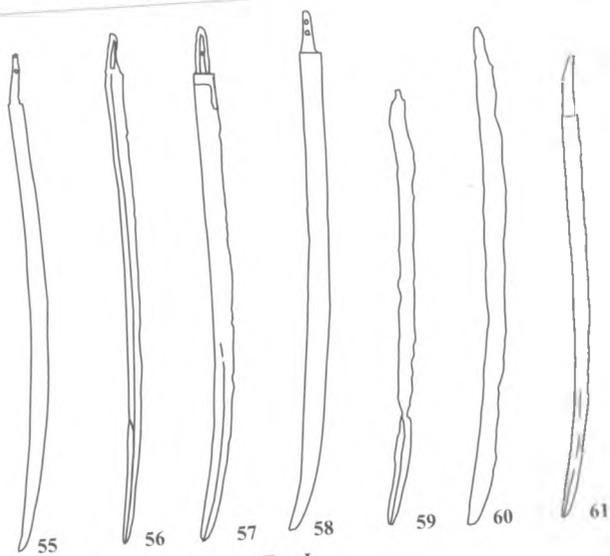

Табл. X. Сабли. Типы IV, V

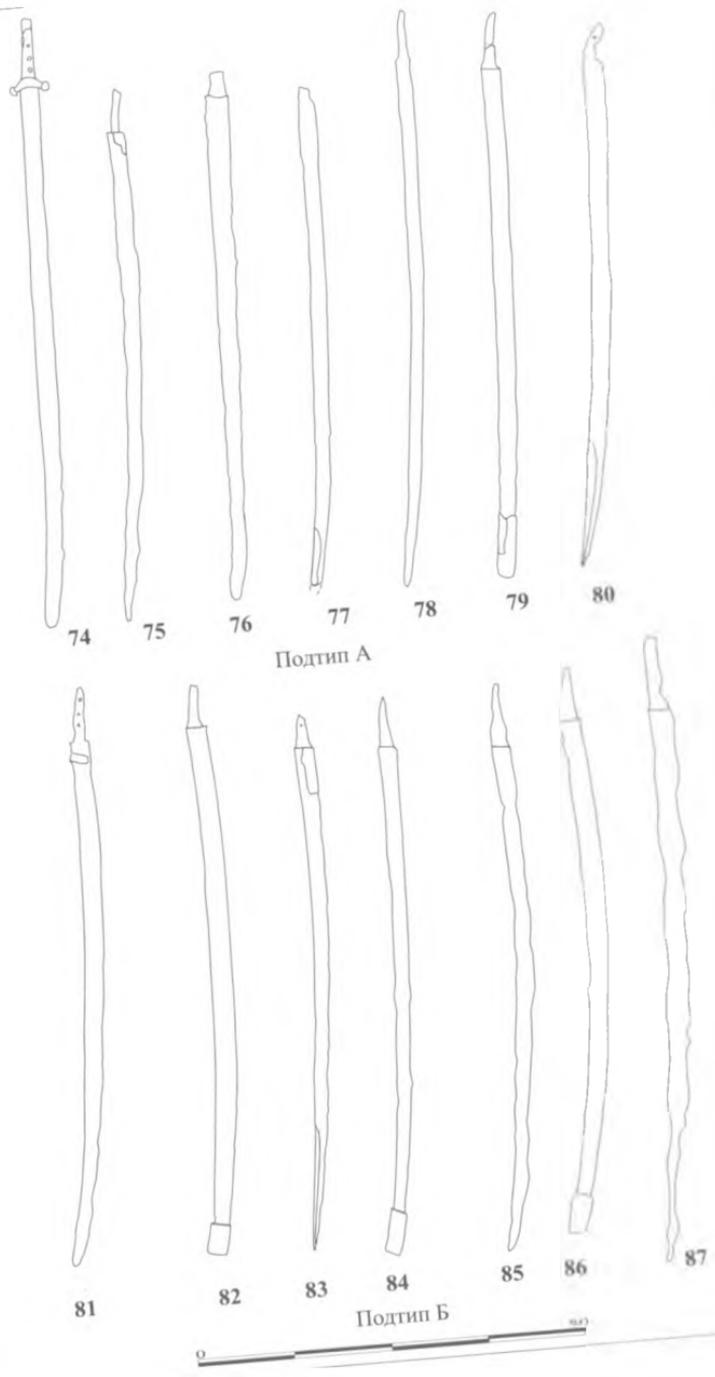

Табл. XI. Сабли. Тип VI

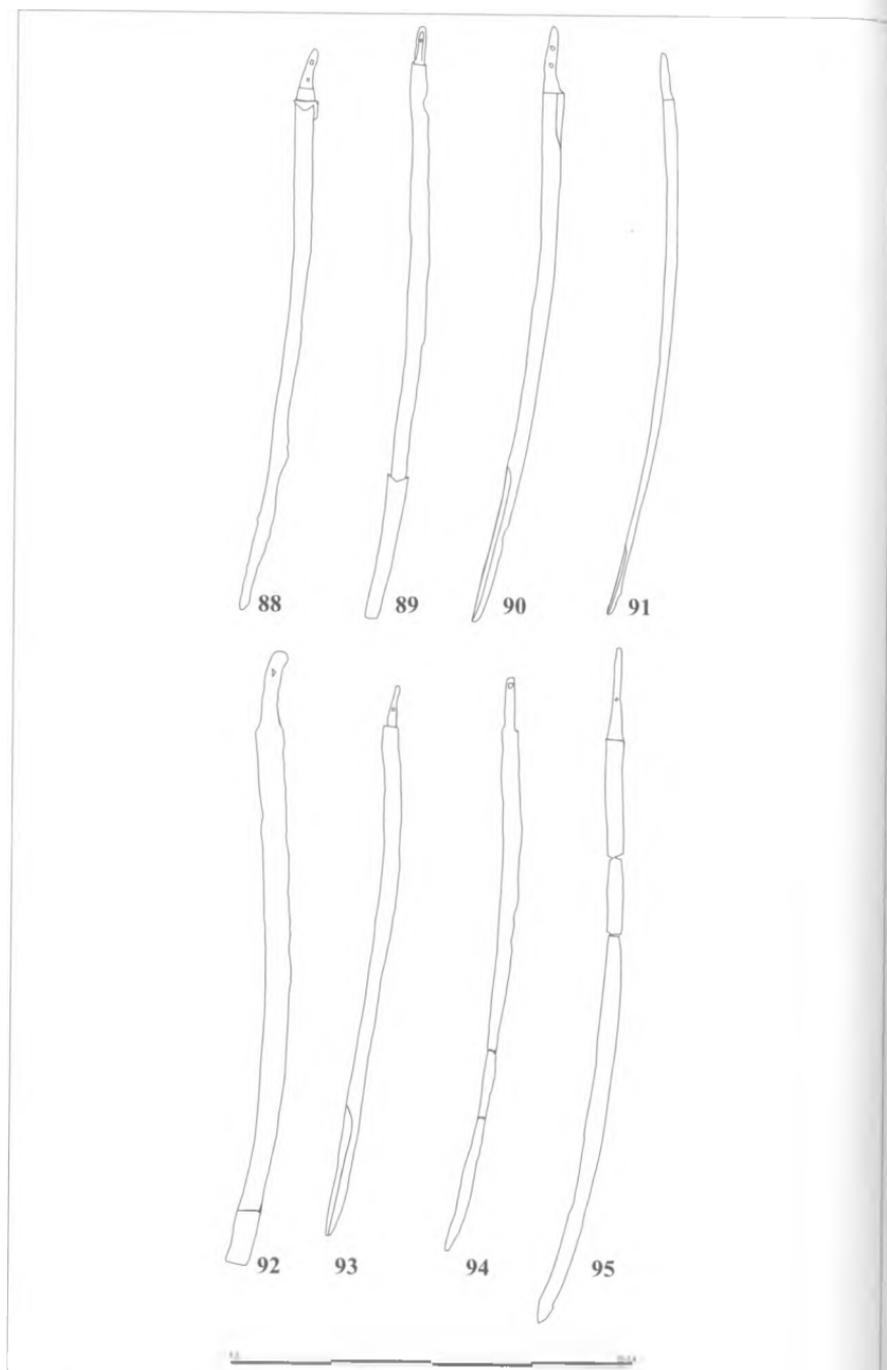

Табл. XII. Сабли. Тип VII

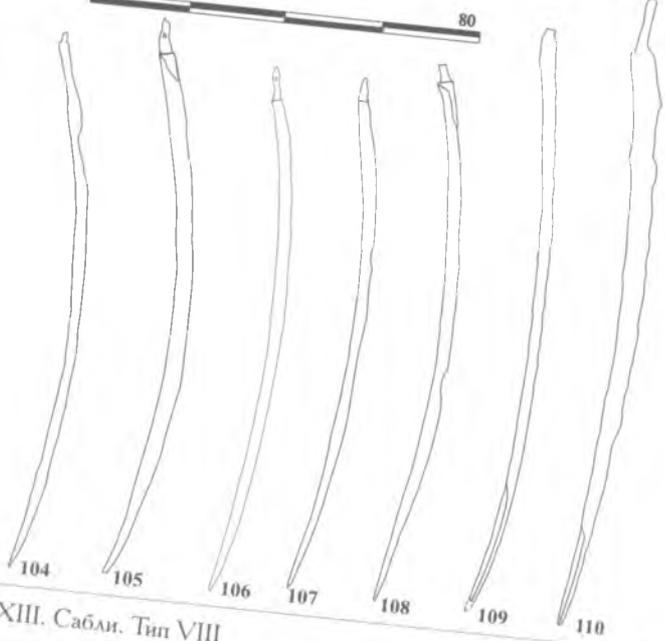
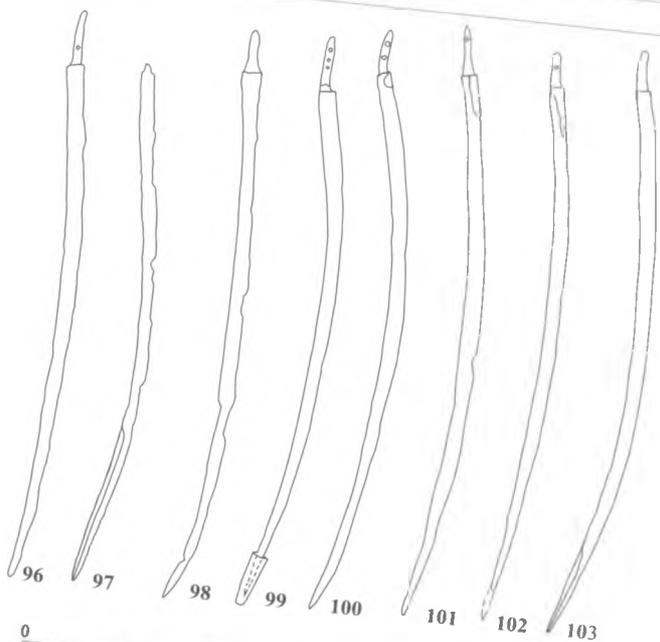
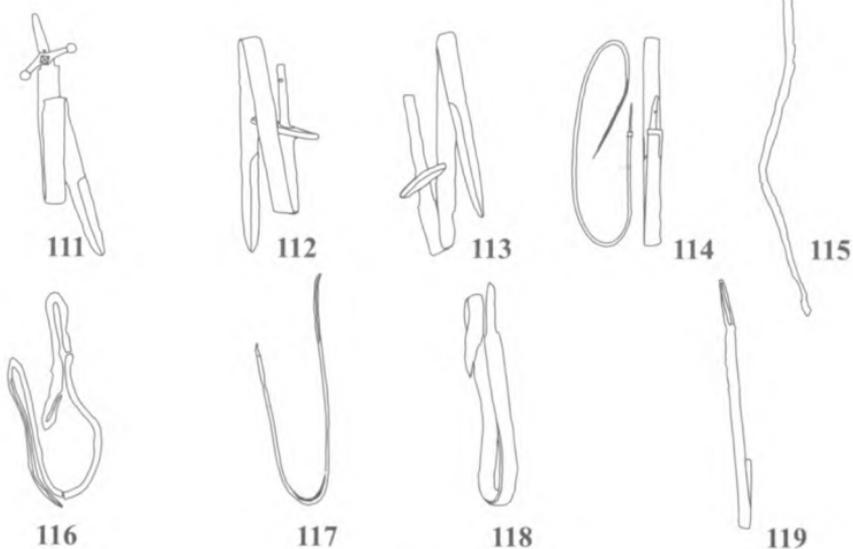
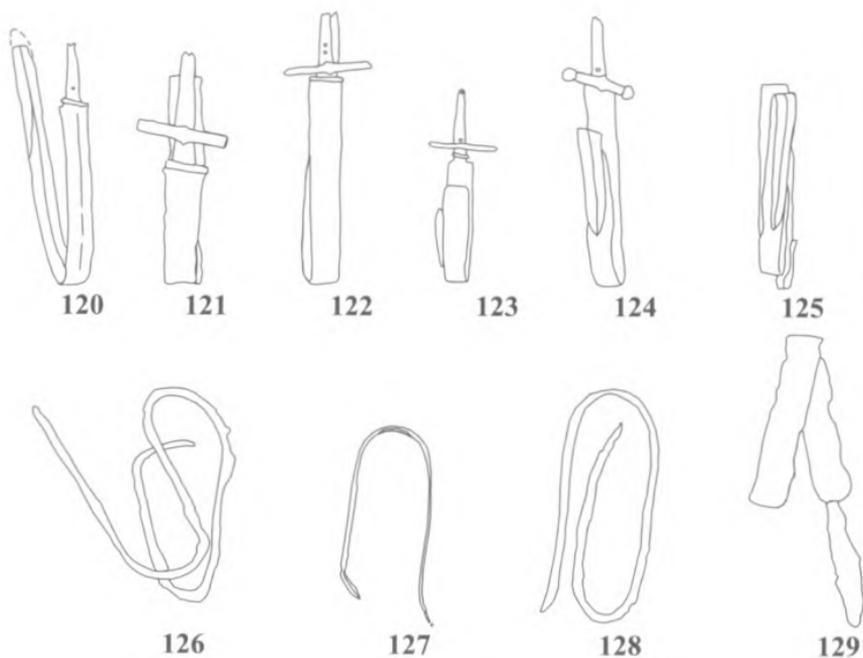

Табл. XIII. Сабли. Тип VIII

Подтип А

Подтип Б

Табл. XIV. Сломанные сабли. Тип I, подтипы А, Б

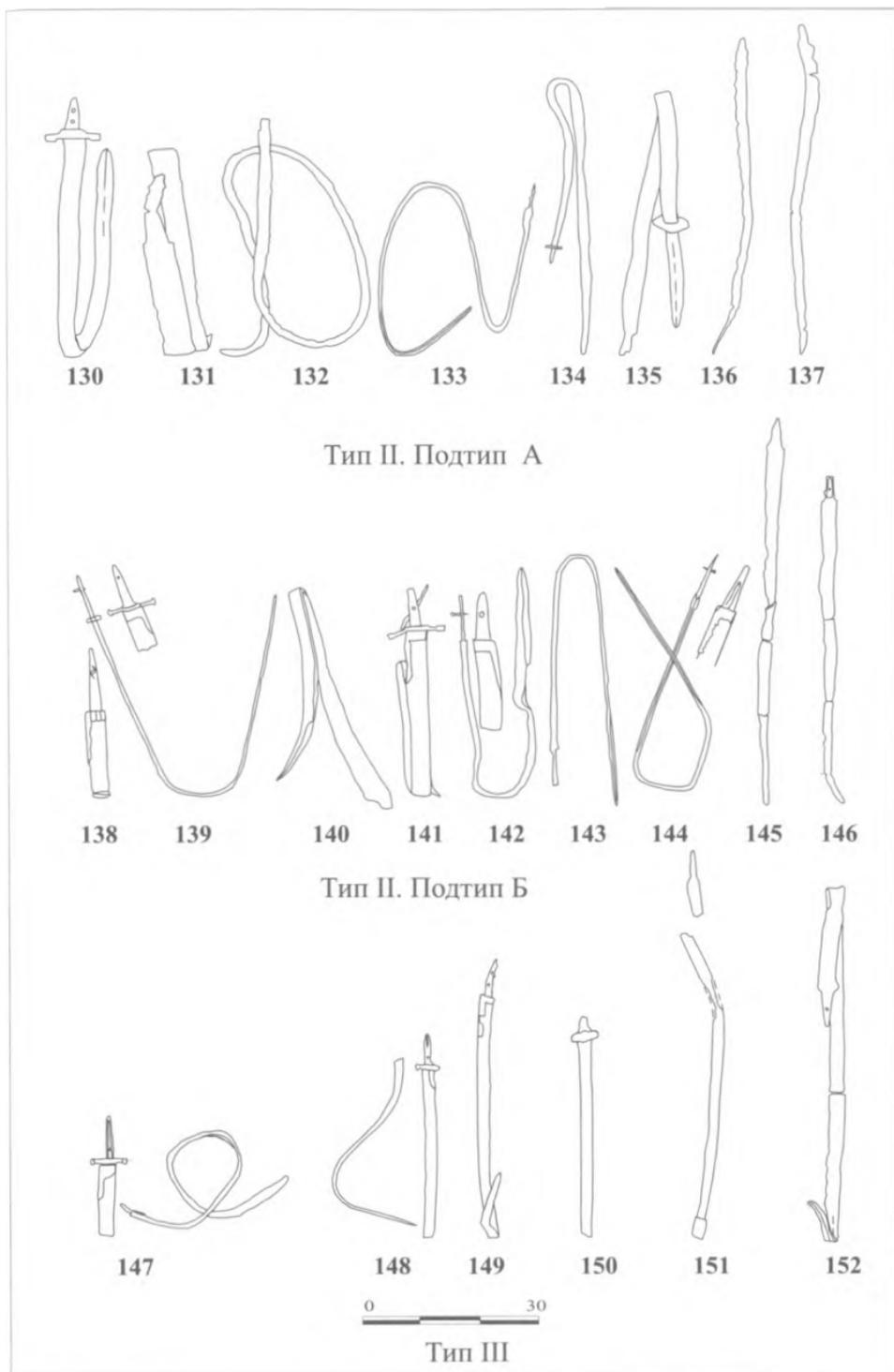

Табл. XV. Сломанные сабли. Типы II, подтипы А, Б. Тип III

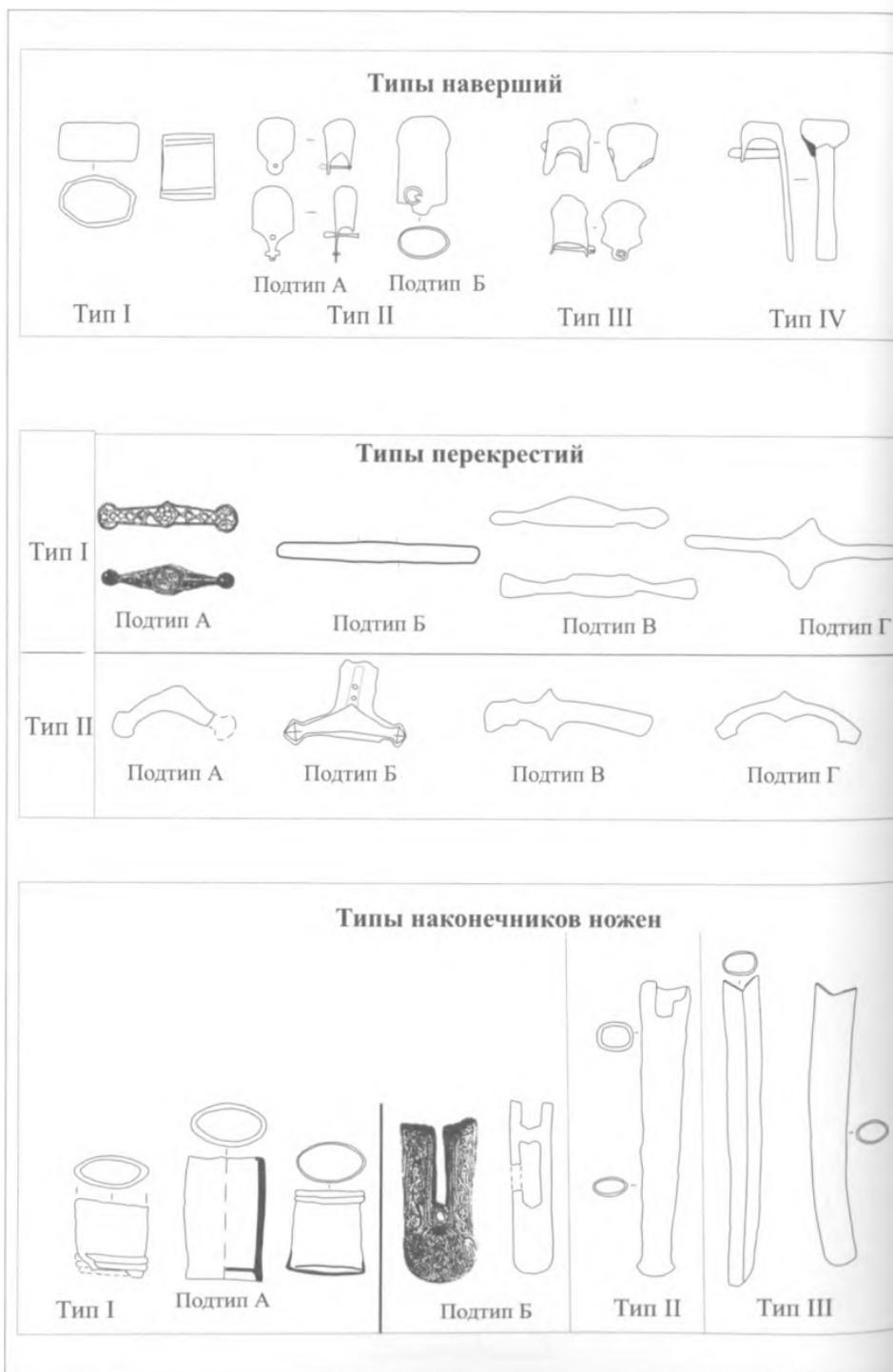

Табл. XVI. Типы наконечников ножен сабель, перекрестий и наверший рукояти сабли

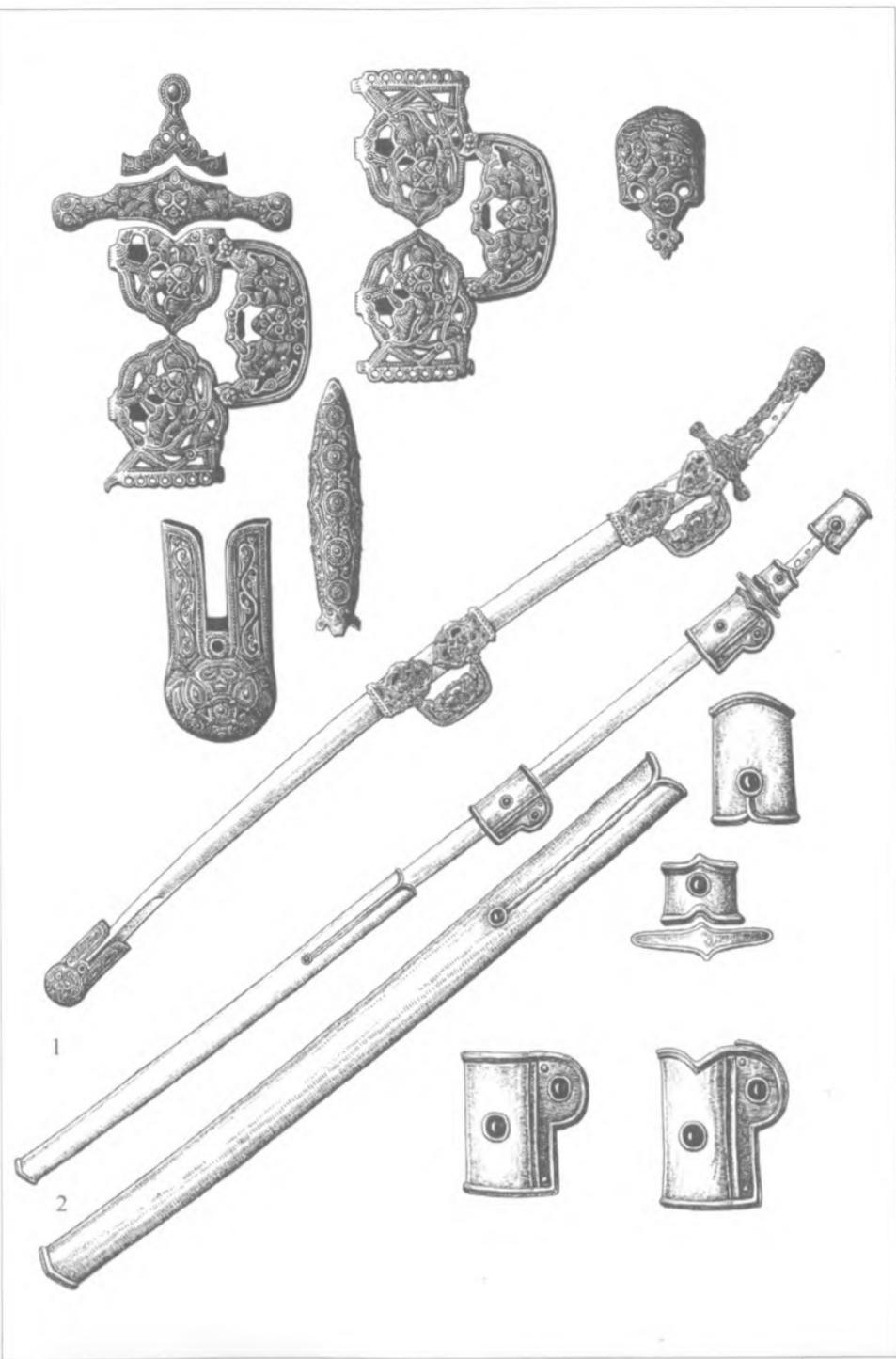

Табл. XVII. Сабли. Группы I, II

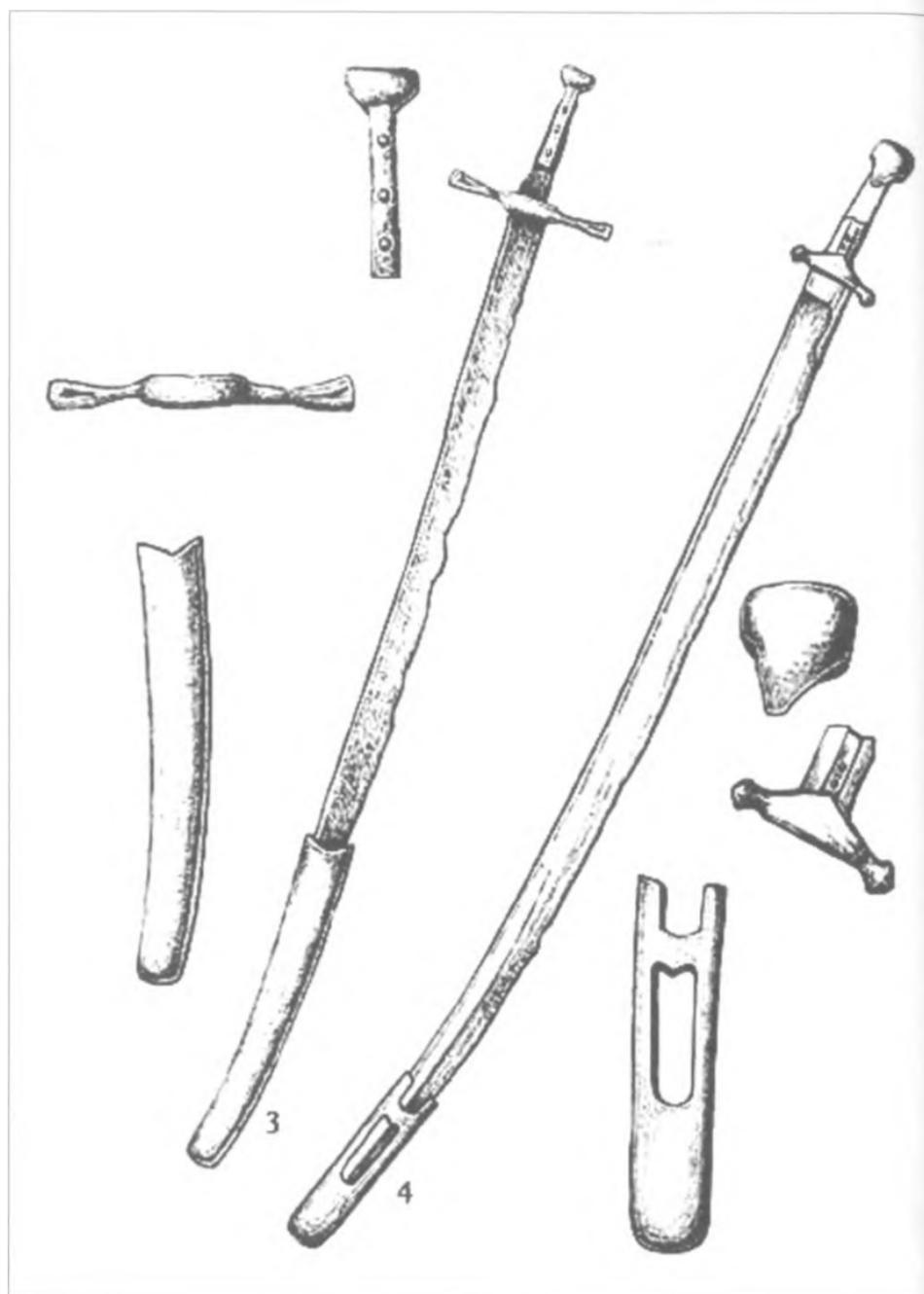

Табл. XVIII. Сабли. Группы III, IV

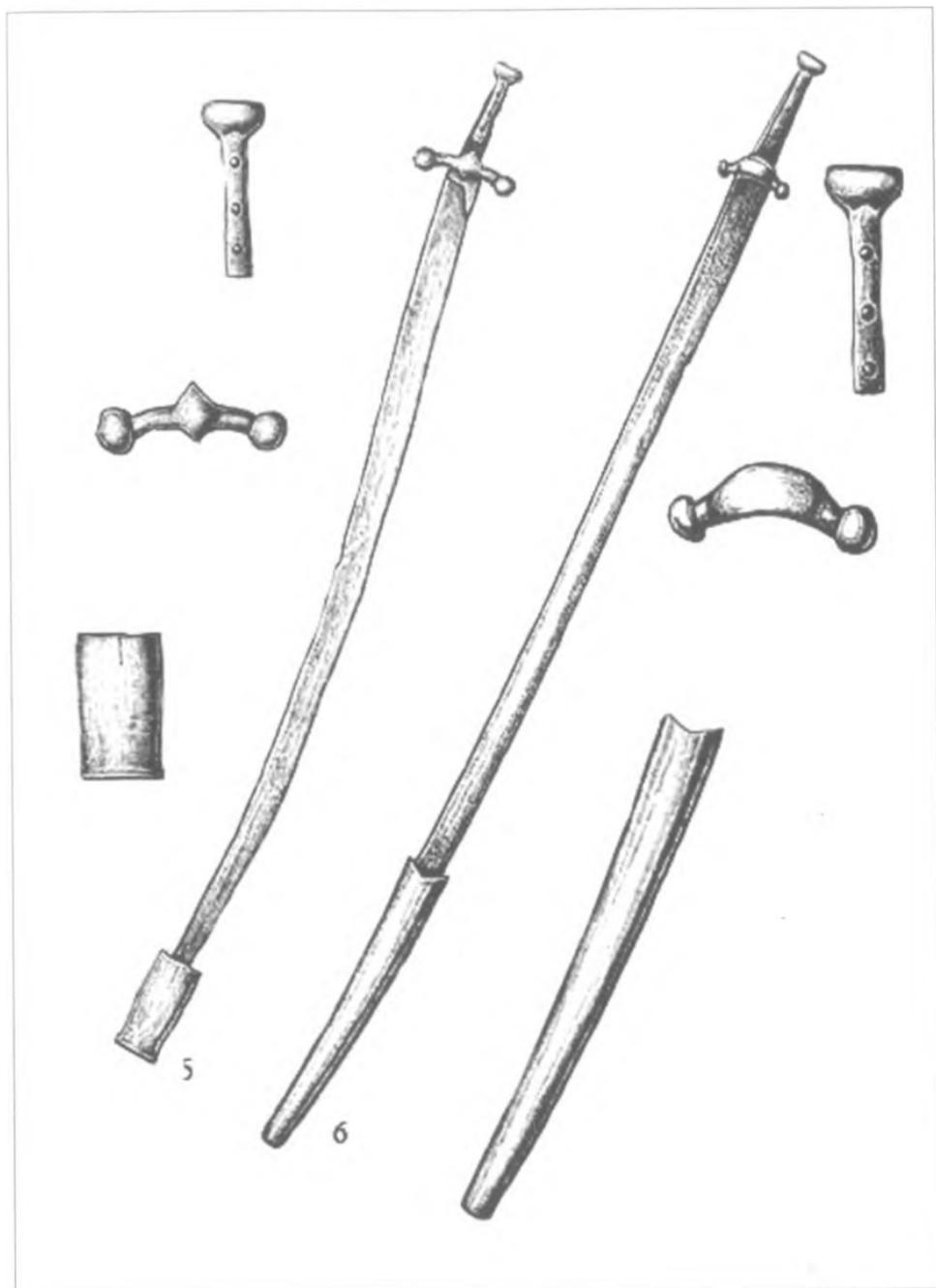

Табл. XIX. Сабли. Группы V, VI

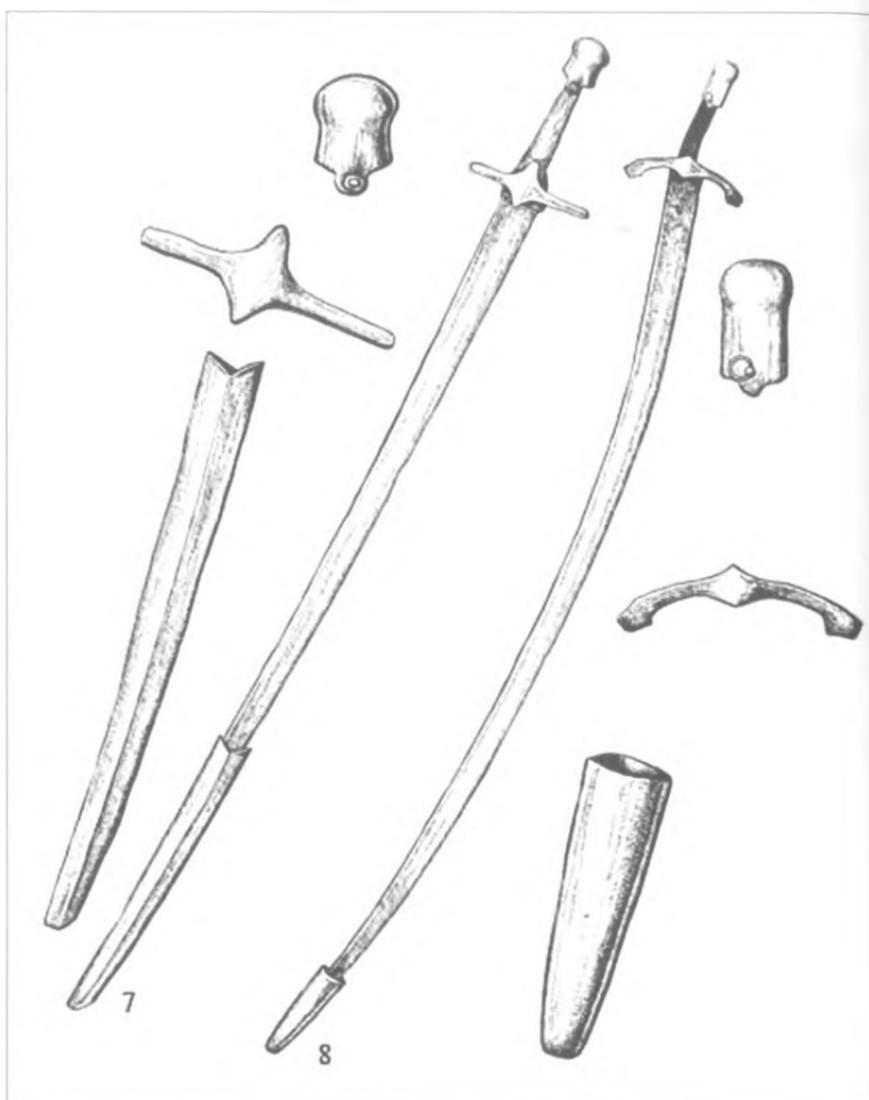

Табл. XX. Сабли. Группы VII, VIII

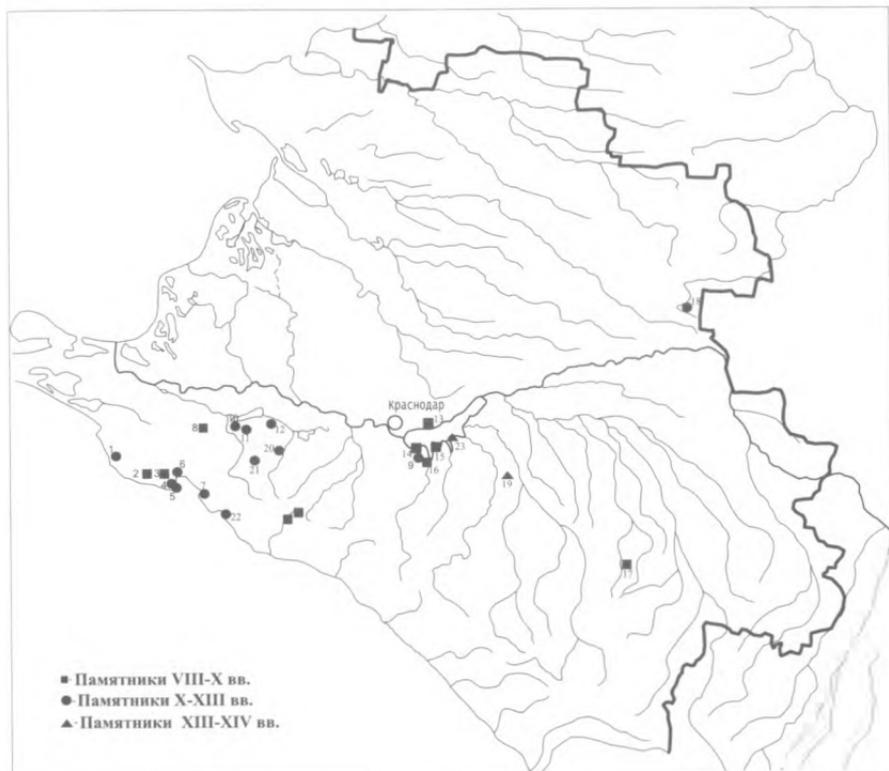

Рис. 2. Карта распространения наконечников копий в памятниках VIII–XIV вв.

1 — Андреевская щель;	13 — Старокорсунский;
2 — Дюрсо;	14 — Казазово;
3 — Южная Озерейка;	15 — Ново-Вочепиий;
4 — Сапун;	16 — Пескупс I;
5 — Мысхако;	17 — Колосовка;
6 — Цемдолина курганный;	18 — Дмитриевская;
7 — Борисовский;	19 — Первомайский;
8 — Молдавановка;	20 — Циплевский кут;
9 — Гатлукаевское городище;	21 — Черноклен;
10 — Карагодеуш;	22 — Керченская щель;
11 — «Сатурн»;	23 — Чишко.
12 — Менгрельский;	

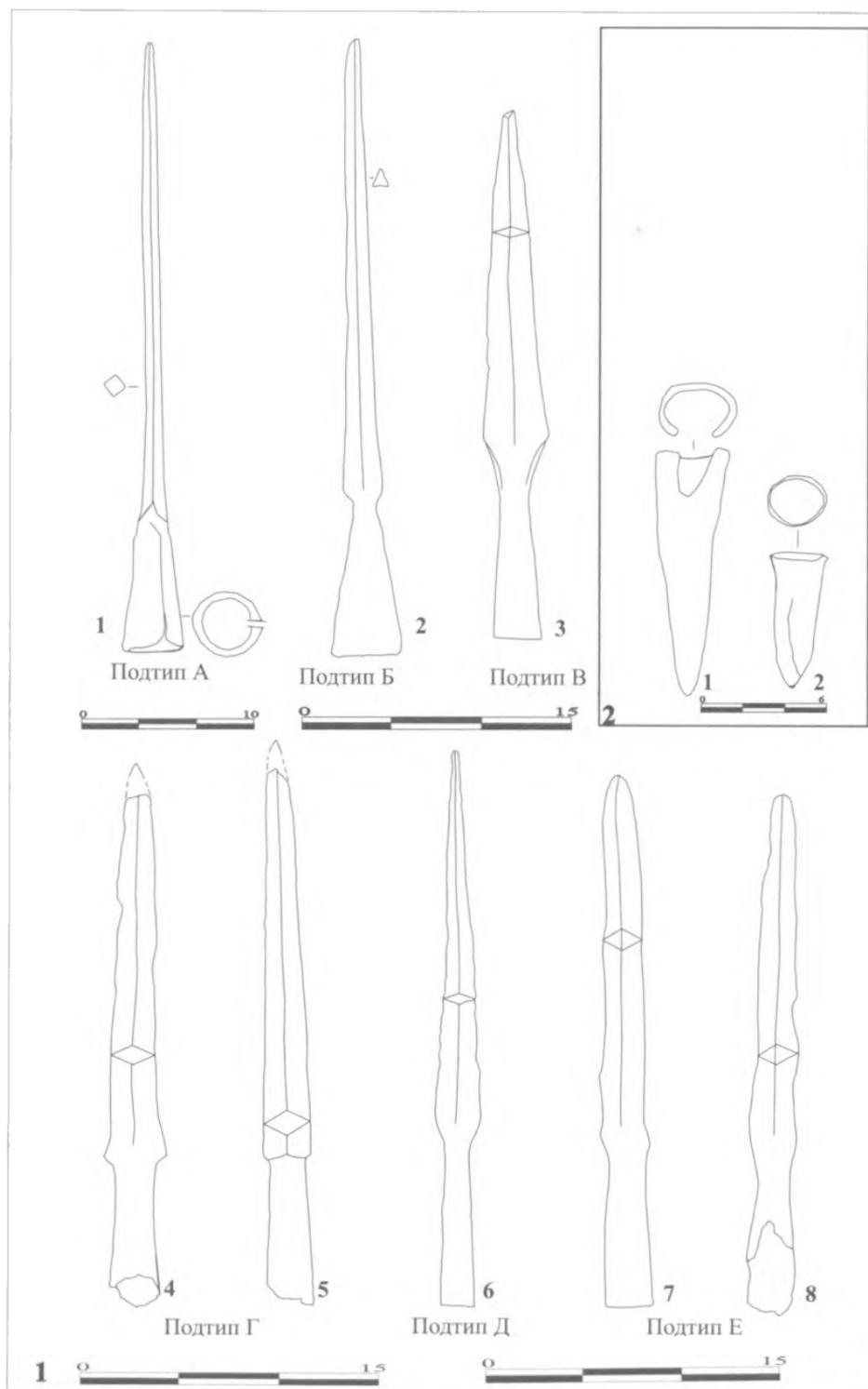
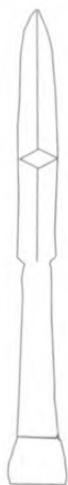

Табл. XXI. 1. Наконечники копий. Тип I; 2. Втоки копий

9

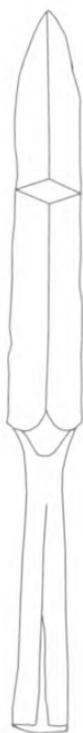

10

11

Подтип А

12

13

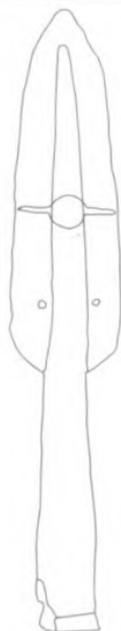
14

Подтип Б

Табл. XXII. Наконечники копий. Тип II, подтипы А, Б

15

16

Подтип В

17

18

19

20

Подтип Г

Табл. XXIII. Наконечники копий. Тип II, подтипы В, Г

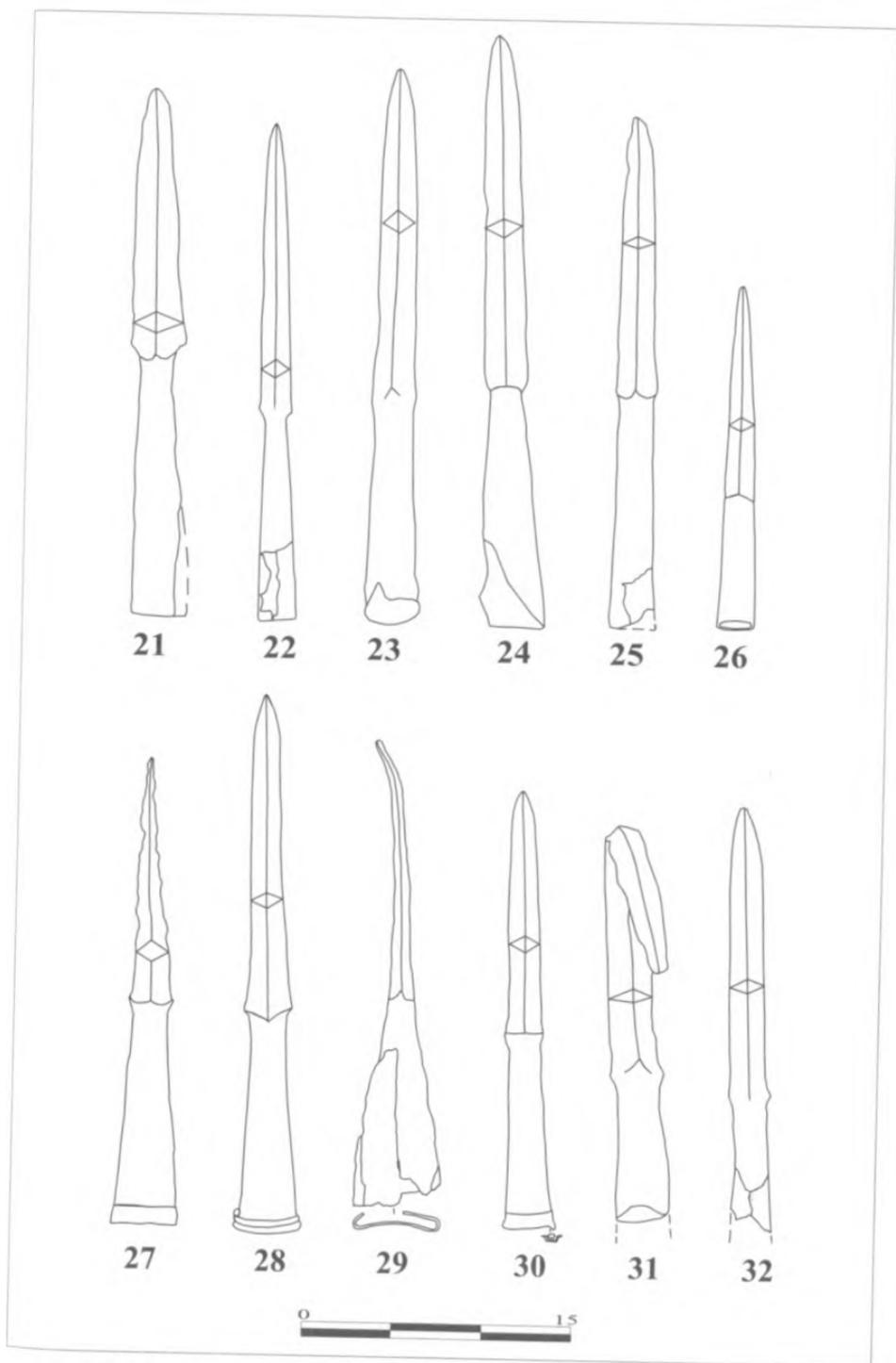

Табл. XXIV. Наконечники копий. Тип II, подтип Д

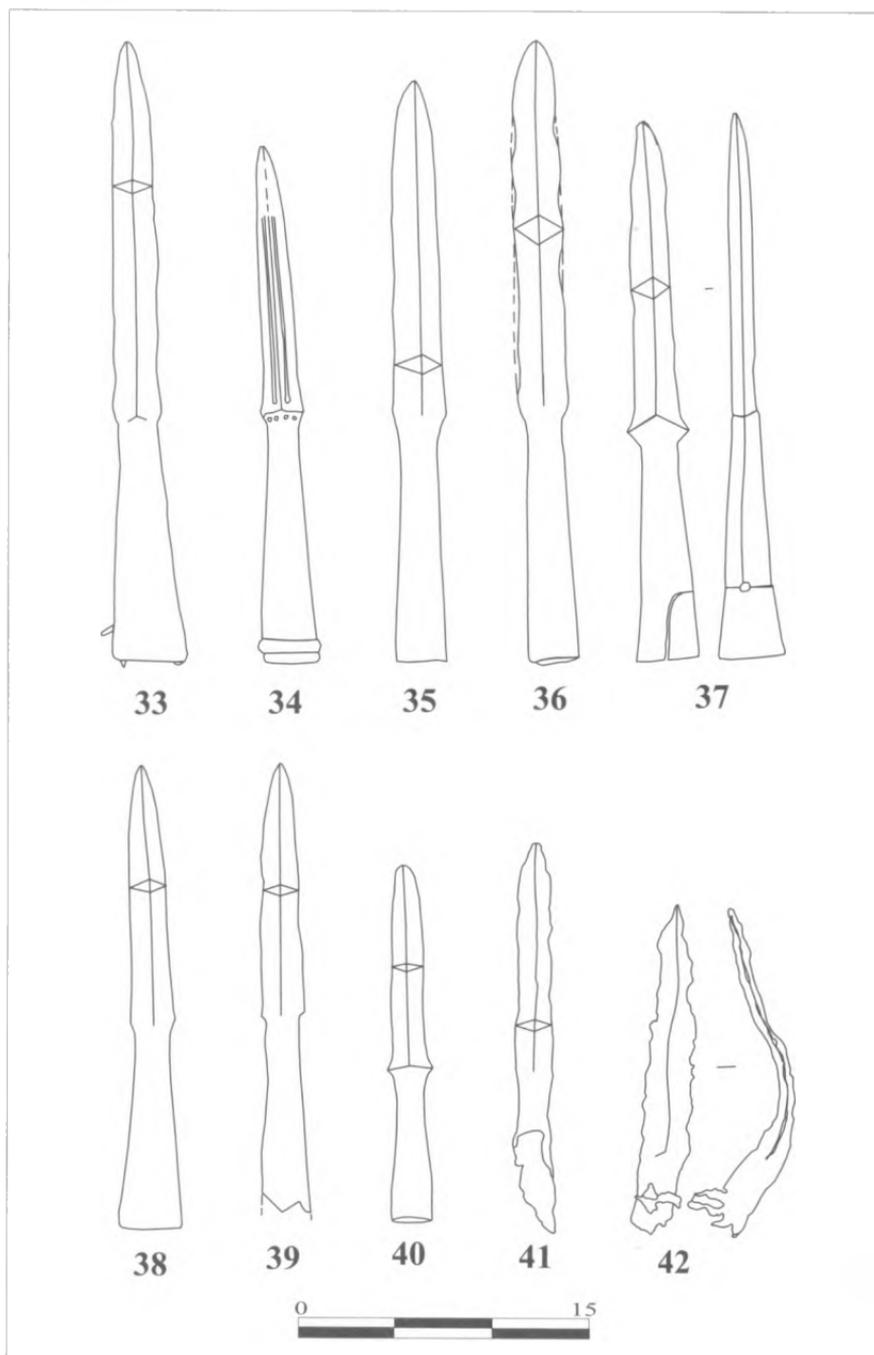
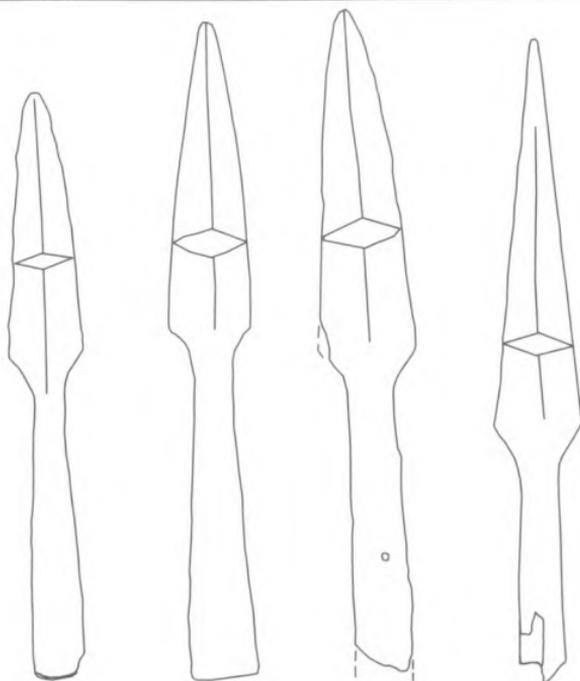

Табл. XXV. Наконечники копий. Тип II, подтип E

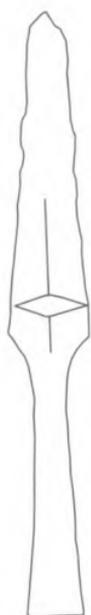

43

44

45

46

47

48

49

Табл. XXVI. Наконечники копий. Тип II, подтип Ж

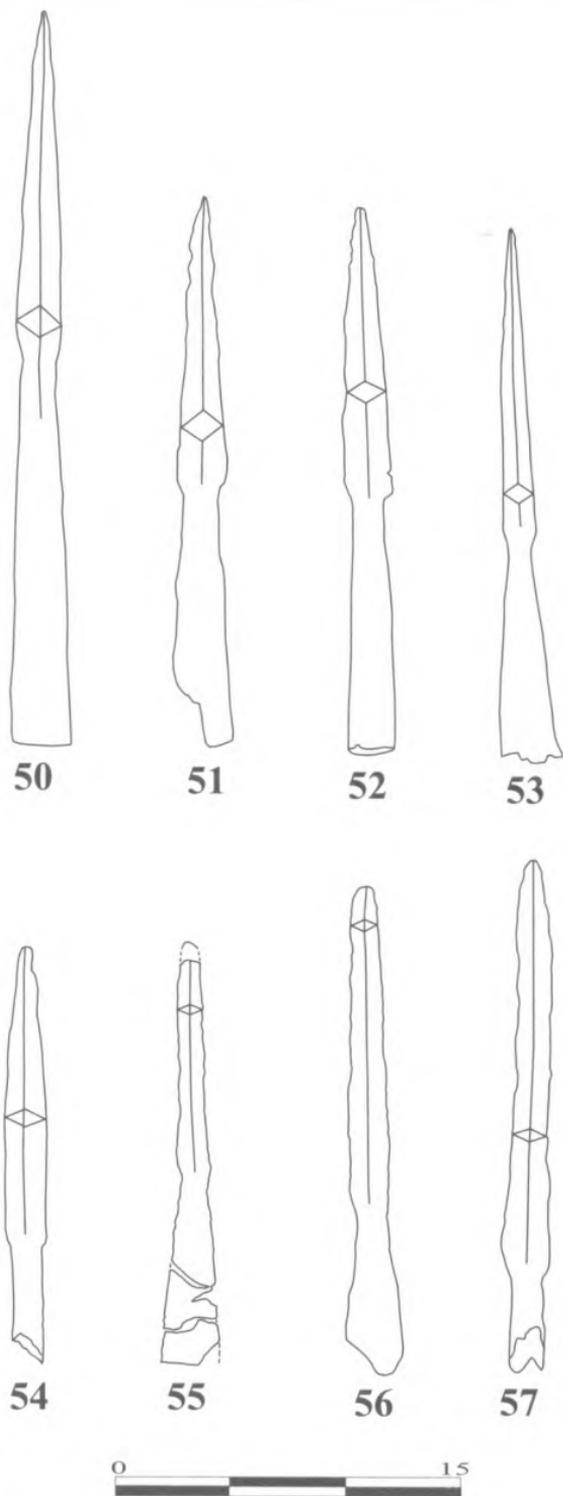
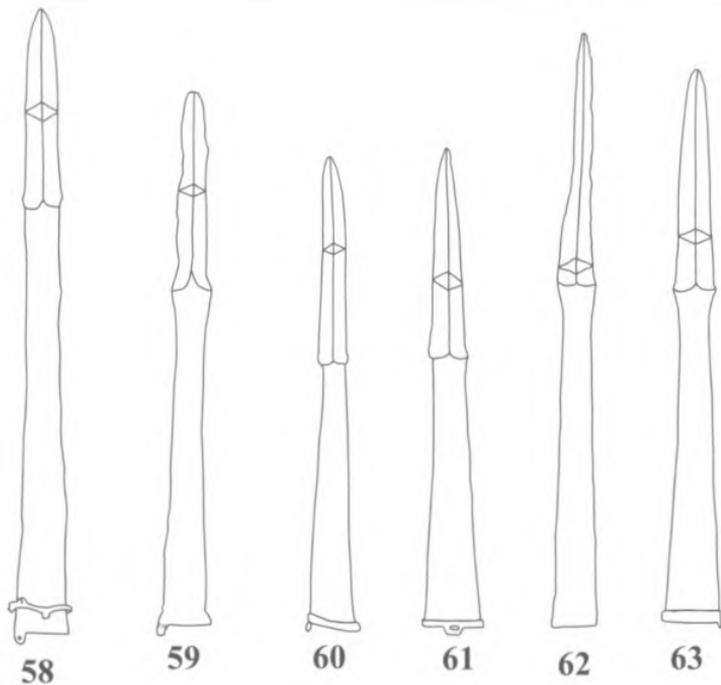

Табл. XXVII. Наконечники копий. Тип II, подтип 3

58

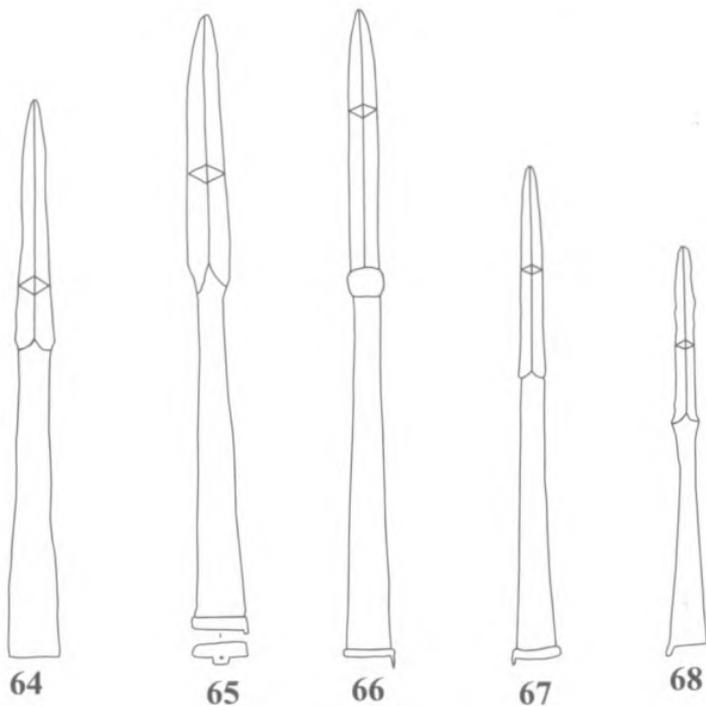
59

60

61

62

63

64

65

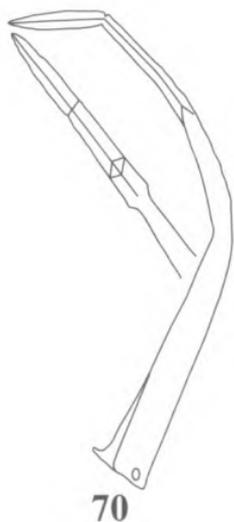
66

67

68

Табл. XXVIII. Наконечники копий. Тип III, подтип А

Подтип III Б

Подтип III Г

Табл. XXIX. Наконечники копий. Тип III, подтипы Б, Г

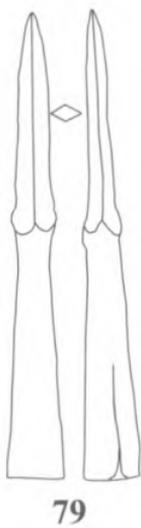
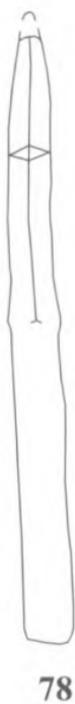
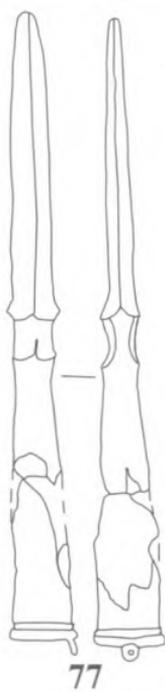
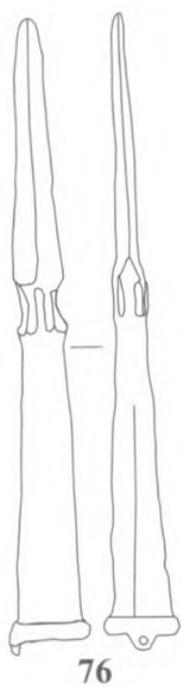

Табл. XXX. Наконечники копий. Тип III, подтип В

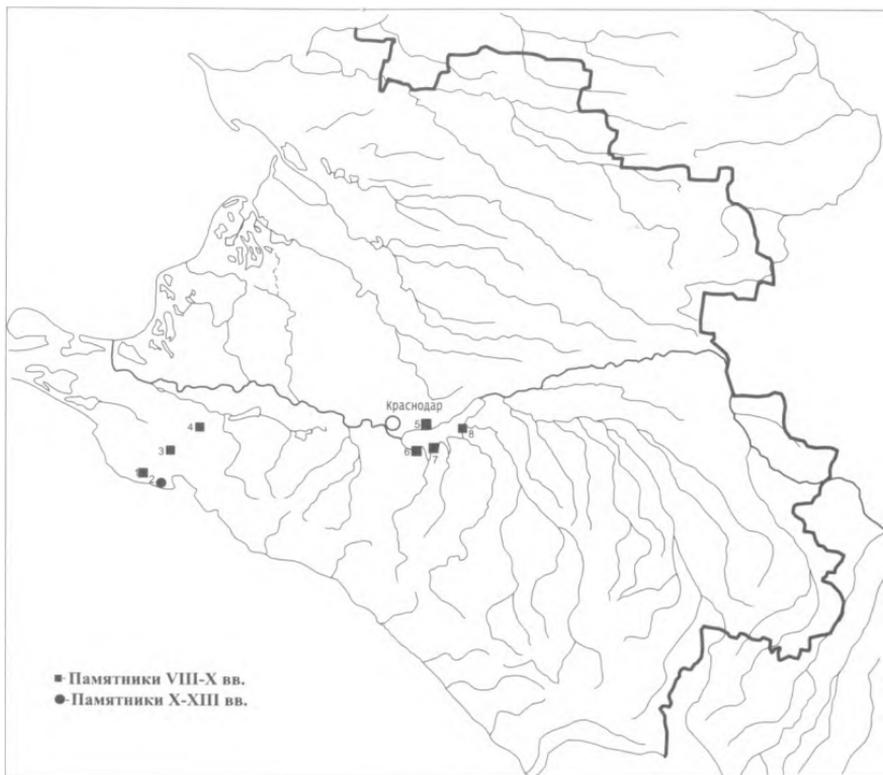

Рис. 3. Карта распространения топоров в памятниках VIII—XIII вв.

1 — Дюрсо;

2 — Южная Озерейка;

3 — Семизорье;

4 — Молдавановка;

5 — Старокорсунский;

6 — Казазово II;

7 — Псекупс I;

8 — Нечерзий.

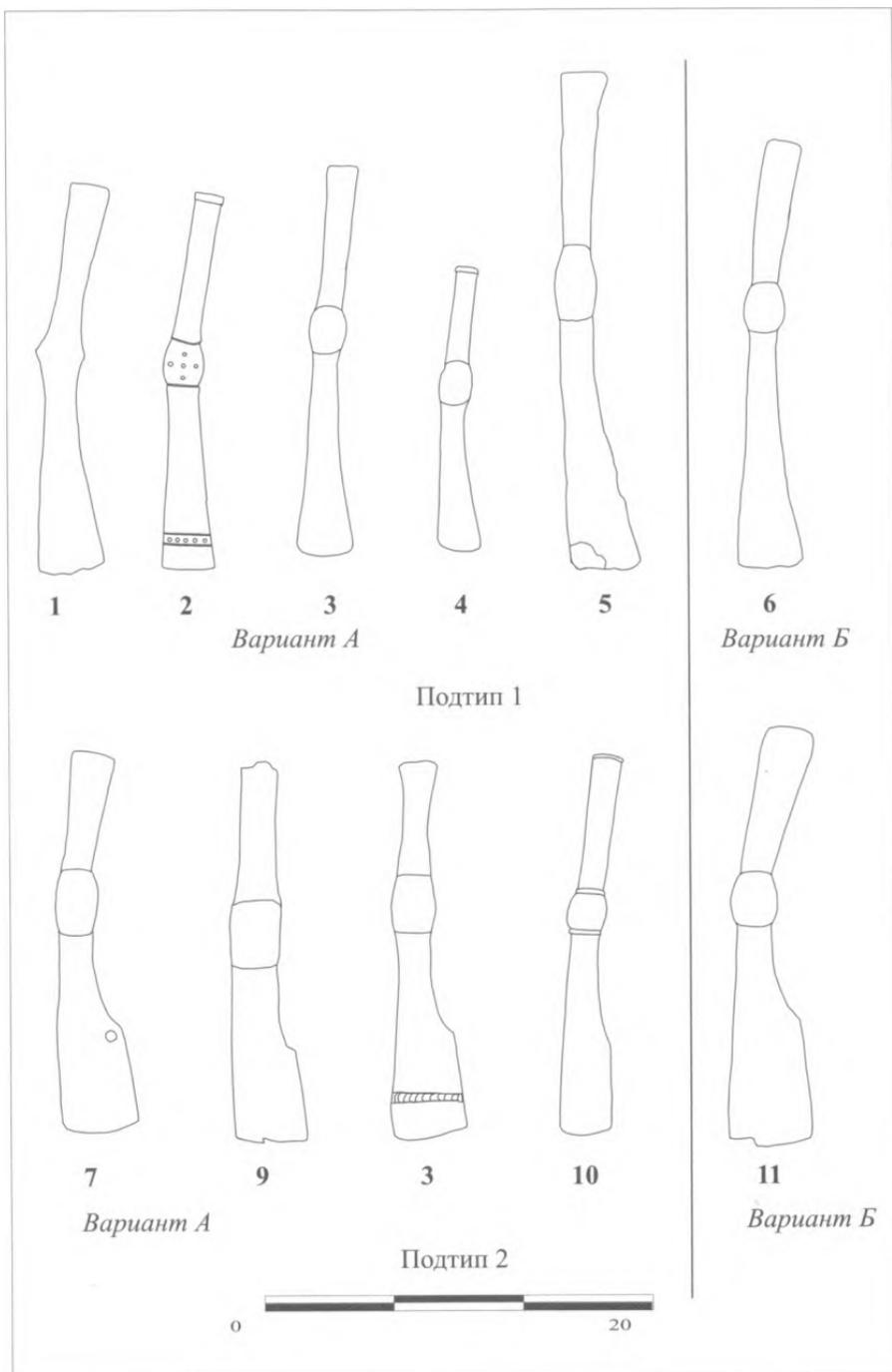

Табл. XXXI. Топоры. Тип I. Подтипы 1, 2

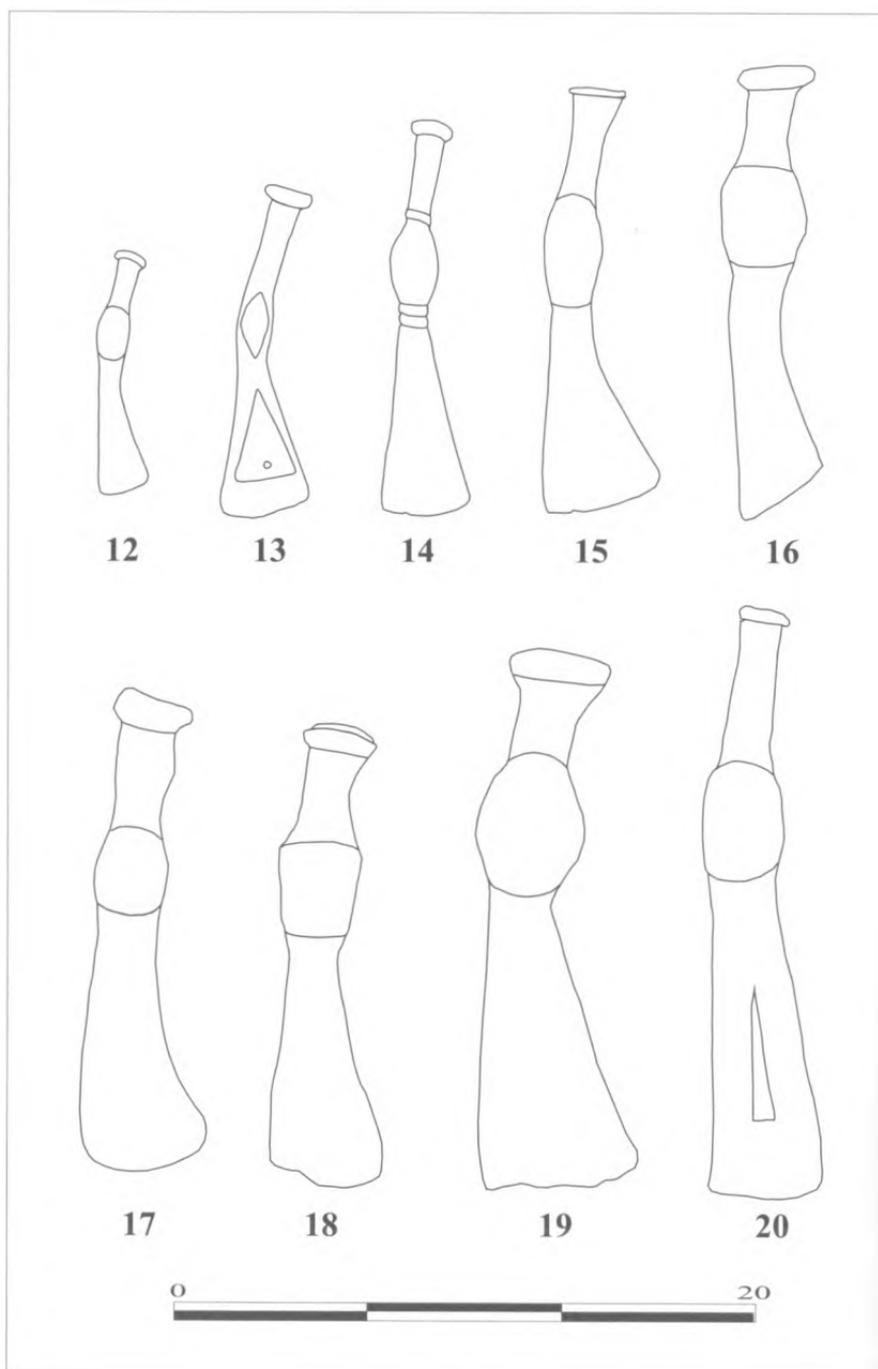
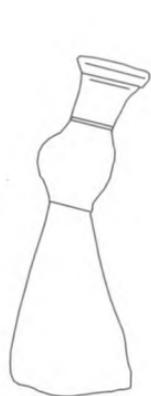
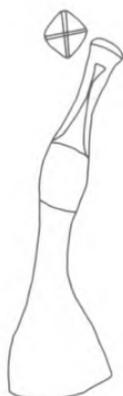

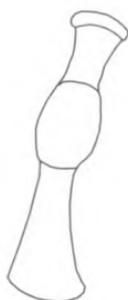
Табл. XXXII. Тип II. Подтип 1

21

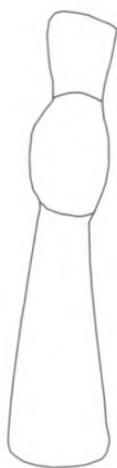

22

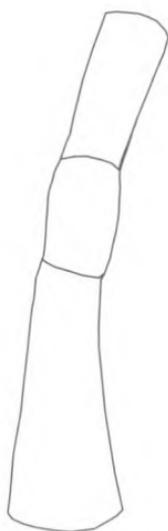

23

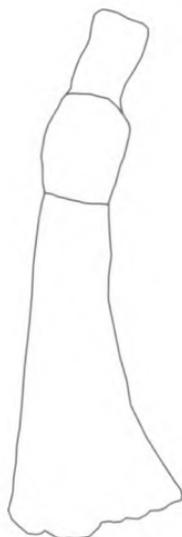
Вариант 1

24

25

26

Вариант 2

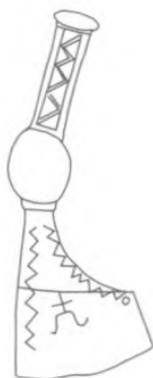
Табл. XXXIII. Тип II. Подтип 2. Варианты 1, 2

27

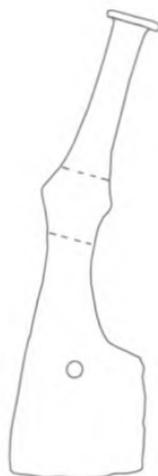
28

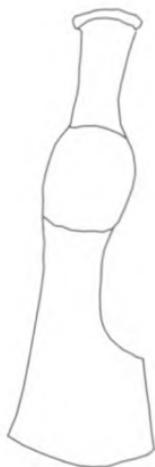
29

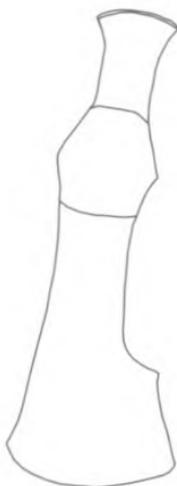
30

31

32

33

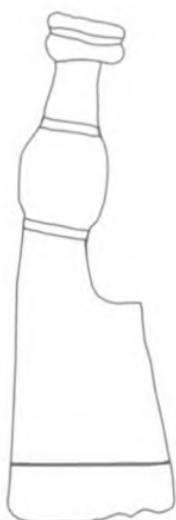
34

Табл. XXXIV. Топоры. Тип III. Подтип 1

35

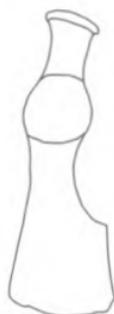
36

37

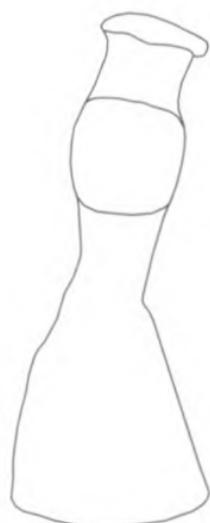

38

39

Подтип 2

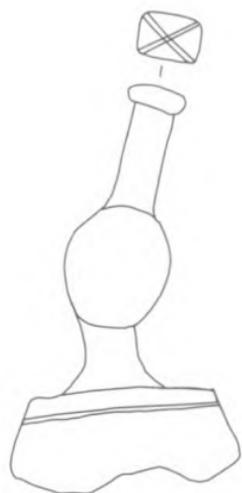

40

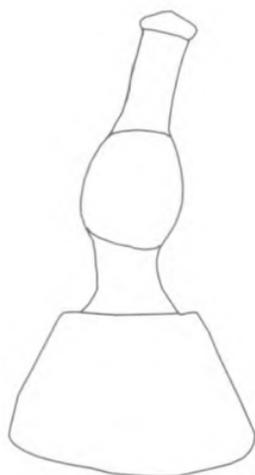
Подтип 3

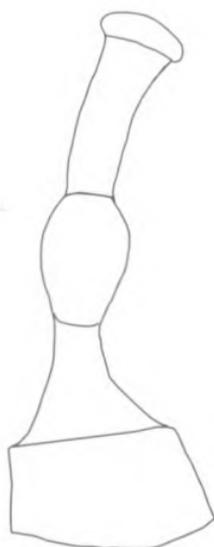
Табл. XXXV. Топоры. Тип III. Подтипы 2, 3

41

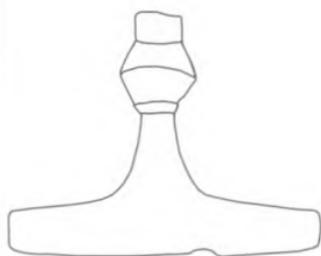

42

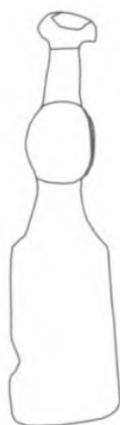
43

Тип IV

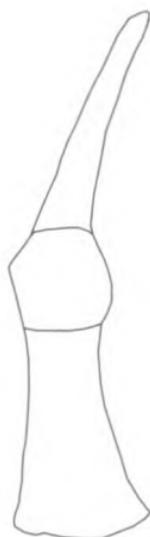
44

Тип V

45

Тип VI

46

Тип VII

Табл. XXXVI. Топоры. Типы IV, V, VI, VII

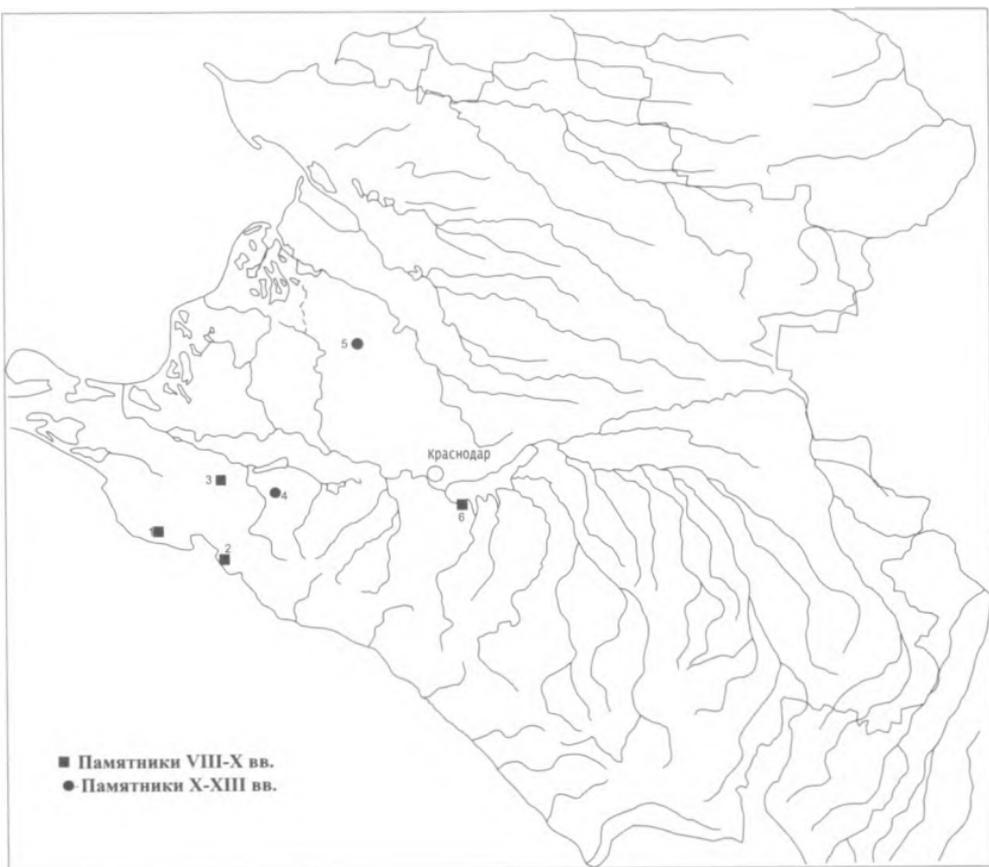

Рис. 4. Карта распространения кинжалов в памятниках VIII—XIII вв.

1 — Дюрсо;

4 — Бугундырь;

2 — Борисовский;

5 — «Рассвет»;

3 — Молдавановка;

6 — Казазово.

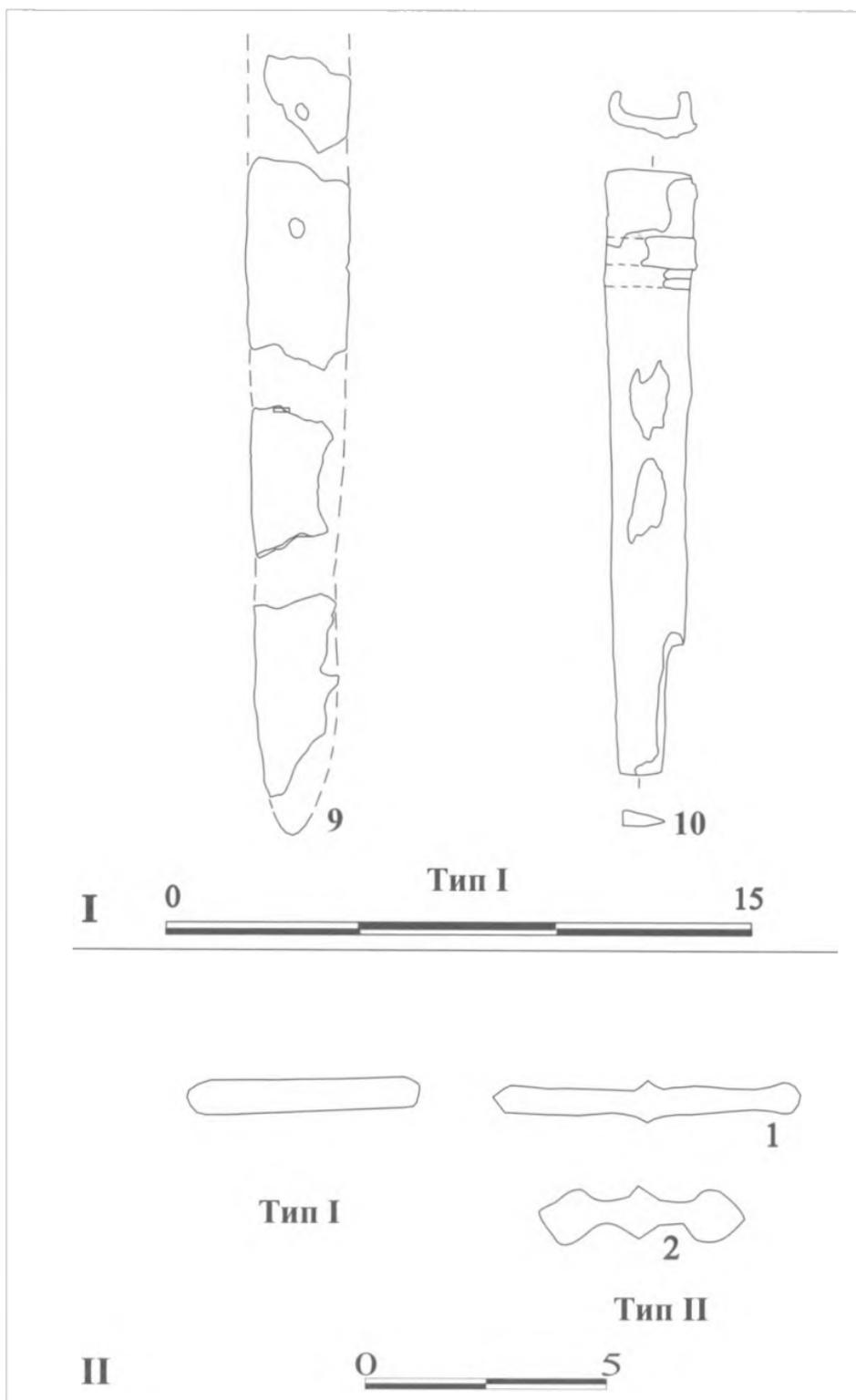

Табл. XXXVII, I. Кинжалы Тип I; II. Перекрестия типы I, II

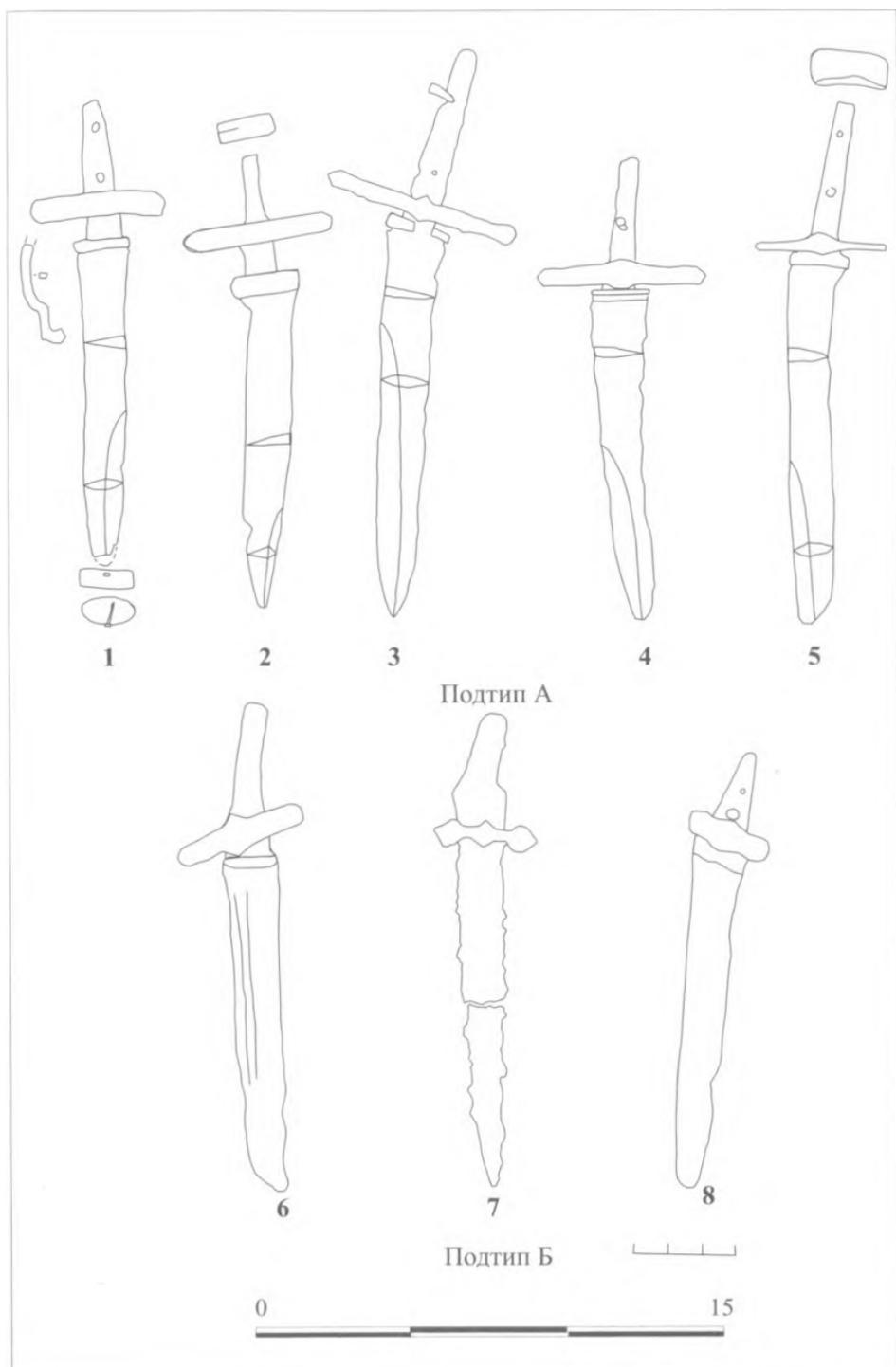

Табл. XXXVIII. Кинжалы. Тип II

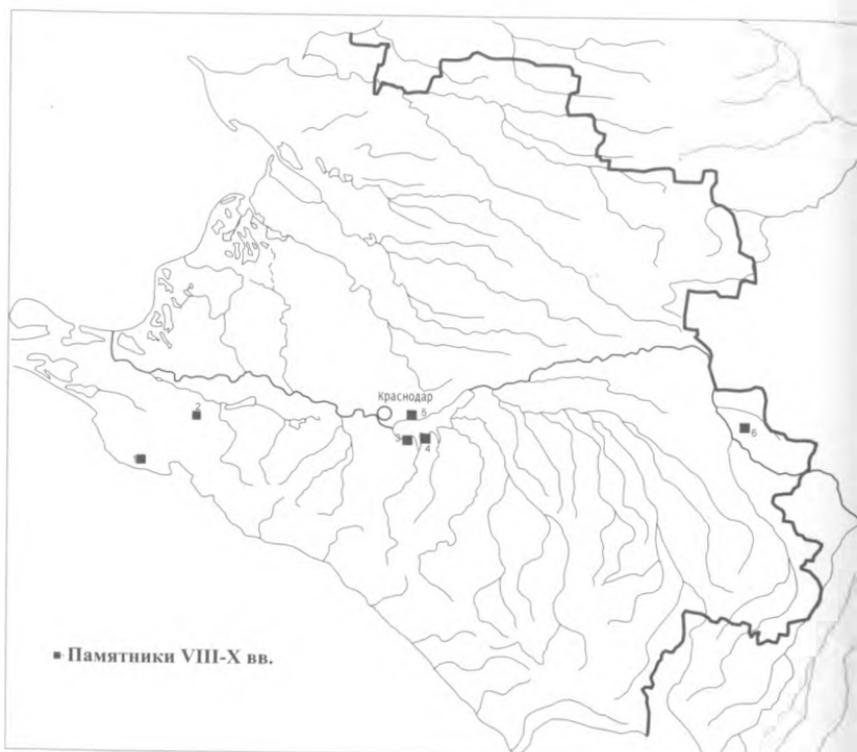

Рис. 5. Карта распространения кистеней в памятниках VIII—X вв.

1 — Дюрсо;

2 — Молдавановка;

3 — Казазово II;

4 — Псекупс I;

5 — Старокорсунский;

6 — Горькобалковский.

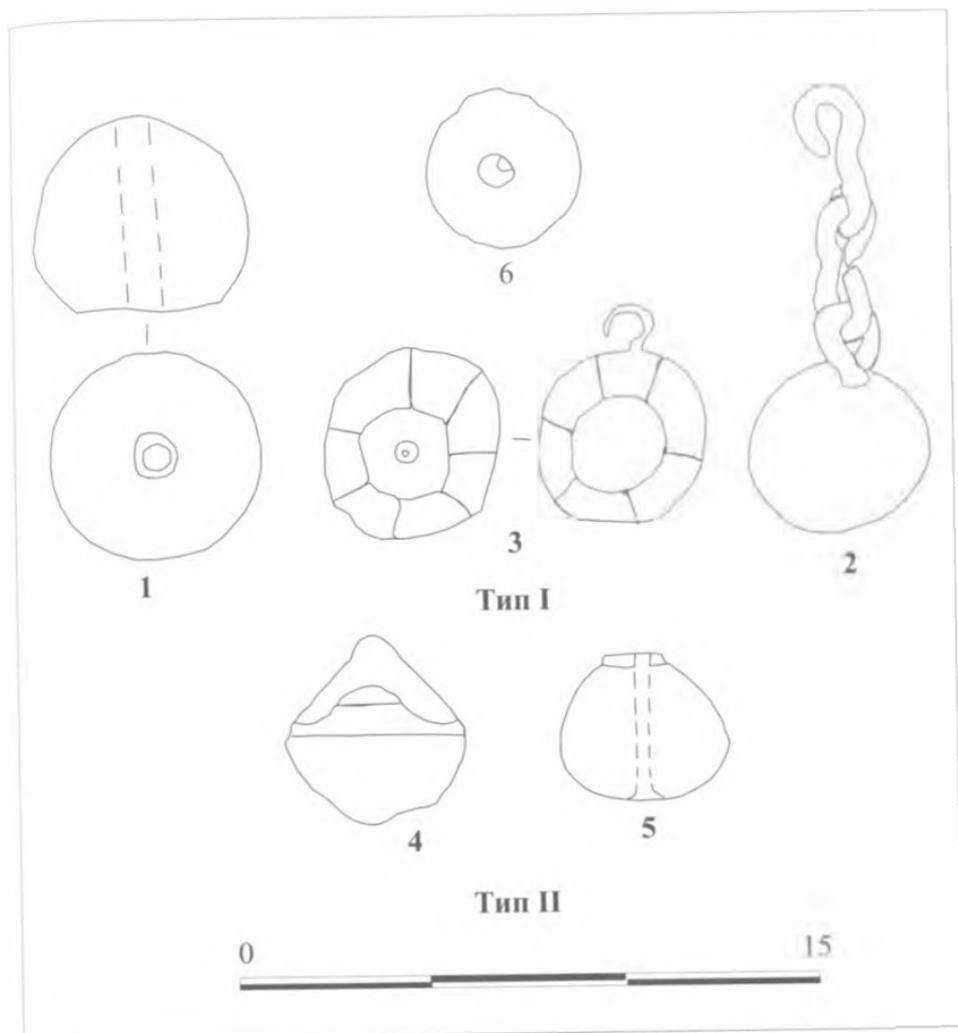

Табл. XXXIX. Кистени. Тип I, II

SUMMARY

The military science should be regarded the very important component of the social-politic progress of various peoples and states. It was of a great importance in the history of the Eurasia Steppe area Nomads. The productive forces level and the social structure, foreign and inner relations, culture standards — all those aspects had impacted, each to a certain degree, on the evolution of the military science and weapons.

The study of weapons produces a lot of information to clarify the level of its production in that Epoch, to make more precise ideas on contacts, trade routes and social stratification of people, settled the area examined. The weapon and military equipment — that were the fields the latest technical modes were used in.

As the Nomads' military activities increased, their weapons, military tactics and social system had become subjects of a great attention for many medieval agricultural states. The way of those peoples' weapon evolution was considerably determined by military conflicts with the neighboring nomadic tribes. So, the types of weapons were out of any ethnic limits to be rather known over the vast area of the Eurasian Steppes. This fact enable us to get the weapons as one of the sources to elaborate the archaeological cultures' chronology.

Since there is no any written source of information on the military science and structure of the peoples, dwelling over the lands examined in the period in question, the archeological data from sites, mainly from necropolises, obtained in the course of the last 100 years of field activities, is the principal base of the book submitted.

Right up to present days the military life of the Eurasian Steppe peoples has practically stayed beyond the scope of interest of scholars, with the exception of several ones. That is why to date we have no papers, studying the problem in details. Weapons are mentioned among artifacts, being brought to light in necropolises excavated. The only work, this subject has been carefully examined, is the thesis by V.N. Kaminsky – the weapons of the Alan culture, which area bordered upon our one to penetrate it in some places. Our book should be regarded as it were a “sequel” the V.N. Kaminsky work to be the next step in the study of the military history and science of the North Caucasus peoples.

The book submitted, the first on the subject examined for the region in question, is dealing with some of offensive close-in fighting weapons of the North-West Ciscaucasia peoples in the VIII–XIV. Our collection comprises 152 sabres, 46 battle-axes, 80 spear heads, 10 daggers and 6 knobsticks.

A brief introduction is followed with a concept on the origin (when an opportunity offers) and types of weapon, concluded by aerials, they were known in.

Военное дело является одной из важнейших частей социально-политического развития различных племен и государственных образований. Оно играло важнейшую роль в истории кочевых народов степного пояса Евразии. На становление военного дела и развития оружия оказывали влияние в большей или меньшей степени все стороны жизни древнего общества: уровень развития производительных сил, социальная структура, характер внешних и внутренних связей, развитие духовной культуры.

Изучение вооружения дает много сведений для исследования уровня производства оружия той эпохи, связей, направления торговли, а также позволяет познакомиться с социальной расслоенностью народов, населявших исследуемую территорию. Именно при изготовлении оружия и военного снаряже-

ния в первую очередь использовались новейшие технические достижения, влиявшие на развитие военного дела в целом.

По мере возрастания военной опасности со стороны кочевников их вооружение, военное искусство и общественная жизнь становились объектом изучения многих земледельческих средневековых государств. Развитие оружия у народов, граничивших с кочевой степью, находилось в тесном взаимодействии и во многом определялось характером военного противостояния им. Таким образом, оружие не замыкалось в узких этнических границах, что способствовало распространению одних и тех же типов оружия на огромных пространствах Евразийских степей. Это обстоятельство позволяет использовать оружие как один из источников для разработки хронологии археологических культур.

В силу того, что о военном деле и военной организации народов, населявших рассматриваемую территорию в этот период, практически нет письменных сведений, основной источниковой базой настоящей работы послужили данные археологии, накопленные в течение последних 100 лет в процессе исследования археологических памятников, в первую очередь, памятников погребальных.

До настоящего времени такой важной сфере деятельности как военное дело населения данного региона, исследователями не уделялось достаточного внимания, и как следствие этого — практически отсутствовали специальные разработки по военному делу рассматриваемого в работе времени.

Предметы вооружения, в основном, затрагивались в публикациях, издаваемых по материалам раскапываемых могильников. Исключение составляет лишь диссертационная работа В.Н. Каминского, посвященная изучению вооружения племен аланской культуры, границы ареала которой лежат непосредственно рядом с исследуемой территорией, иногда и заходя в нее, что естественно для этого периода истории. Данное исследование тесным образом связано с работой В.Н. Каминского, являясь дальнейшим шагом в изучении военной истории и военного дела северокавказских народов.

В настоящей работе, которую, можно считать первой в археологической науке для того района, рассматривается часть наступательного оружия ближнего (рукопашного) боя, народов населявших Северо-Западное Предкавказье в VIII–XIV вв. При исследовании я опирался на данные о 152 саблях, 46 бо-

евых топорах, 80 наконечниках копий, 10 кинжалах, и 6 кистенях.

Обработка предметов начинается с краткого вступления, затем проведена попытка рассмотрения происхождения (где это было возможно) и типов исследуемой категории оружия, а потом выводы о географическом распространении отдельных типов оружия.

Редактор *О. Пруцкова*

Корректор *В. Надельнюк*

Дизайн обложки *Т. Булавинова*

Верстка *Л. Соловьев*

Подписано в печать 11.02.2008 г.
Гарнитура NewBaskerville. Формат 60 × 90 / 16
Усл. печ. л. 11,00. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Таус»
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
e-mail: taus@mail.ru
<http://www.tauc.ru>